СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

4

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.
1836.

СОВРЕМЕННИКЪ.

IV.

СОВРЕМЕННИКЪ,

ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ГУТТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФІИ.
1836.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/69 – 2070

СОВРЕМЕННИКЪ.

ЗАНЯТІЕ ДРЕЗДЕНА.

1813 ГОДА 10 МАРТА.

(Изъ дневника партизана Дениса Давыдова.)

По окончаніи отечественной войны и при вступленіи арміи нашей въ непріятельскіе предѣлы, нѣкоторыя войска получили новыя размѣщенія и назначенія. Партизанскій отрядъ мой занялъ передовое мѣсто въ общей массѣ, и чрезъ то превратился въ одинъ изъ авангардовъ передоваго корпуса главной арміи.

Казалось, что положеніе это мало въ чемъ уступало первому, заключая въ себѣ достаточно еще средствъ къ удовлетворенію безпокойнаго моего честолюбія; — вышло иначе. Крутой оборотъ отъ независимыхъ, вдохновенныхъ и *напропалую* перелетовъ моихъ, къ размѣреннымъ переходамъ по

маршрутамъ, доставляемымъ мнѣ изъ корпуснаго дежурства, запретъ въ покушеніи на непріятеля безъ особаго на это разрѣшенія,—и кипучая молодость, и какая-то безотчетная отвага, удалая, своевольная, и соблазнительная смежность съ непріятелемъ,—произвели тотъ послѣдній наѣздъ мой, отъ коего пострадала вся моя заграничная служба, отъ коего рушилась вся та будущность, которой (не для чего уже теперь жеманиться) я имѣлъ все право не бояться.

Передовой корпусъ, въ составъ котораго поступилъ партизанскій отрядъ мой, состоялъ изъ 846[illegible] чел. пѣхоты, 3109 чел. регулярной конницы, 353[illegible] казаковъ и 69 орудій батарейныхъ легкихъ и конныхъ,—всего, считая съ артиллеристами, до 16 тысячъ человѣкъ. Корпусомъ этимъ командовалъ генералъ-лейтенантъ генералъ-адъютантъ баронъ Винцергероде *. Частные начальники онаго были: генералъ-адъютантъ князь Трубецкой, генералъ-майоры Никитинъ, Бахметевъ, графъ Виттъ, Талызинъ, Кнорингъ

* Генералъ Винценгероде служилъ въ Гессенъ-Кассельскомъ войскѣ майоромъ. Въ 1797 году іюня 8 дня принятъ былъ тѣмъ же чиномъ въ Россійскую службу съ назначеніемъ въ адъютанты къ Его Высочеству Великому Князю Константину Павловичу. 1798 года мая 5 дня произведенъ изъ майоровъ въ полковники. 1799 года февраля 3 дня исключенъ изъ службы, выѣхалъ за границу и немедленно вступилъ въ Австрійскую службу, а въ 1801 году, возвратясь въ Петербургъ, принятъ снова въ Россійскую службу генералъ-майоромъ съ назначеніемъ въ генералъ-адъютанты. Послѣ Аустерлицкаго сраженія, онъ оставилъ Россійскую службу, и опять вступилъ въ Австрійскую. Но въ началѣ 18[illegible] года обратно перешелъ въ Россійскую службу въ чинѣ генералъ-лейтенанта; командовалъ отрядомъ войскъ, прежде около Смоленска, потомъ

и столь же красивый наружностію, сколь блистательный мужествомъ, Ланской *.

Всѣмъ извѣстно, въ какомъ положеніи бѣжали во-свояси остатки гигантскаго ополченія, нахлынувшаго на Россію: и потому легко вообразить ничтожность сопротивленія, противопоставляемаго непріятелемъ главнымъ силамъ нашимъ во время шествія ихъ отъ Немана до Эльбы; отпоры встрѣчаемы были одними передовыми войсками.

Главныя силы эти раздѣлены были на два потока. Первый, управляемый графомъ Витгенштейномъ, шелъ чрезъ Сѣверную Пруссію къ Берлину. Ему предшествовали три легкіе отряда генералъ-майоровъ Чернышева, Бенкендорфа и полковника Тетенборна, съ полной волею дѣйствовать по обстоятельствамъ. Другой, или главная армія, при коей находилась Императорская квартира, шелъ чрезъ Варшавское Герцогство и Силезію къ Дрездену. Ему предшествовалъ корпусъ Винценгерода, а Винценгероду два легкихъ отрядовъ подполковника Пренделя и мой.

Духовщинѣ, и наконецъ около Клина. Былъ взятъ въ плѣнъ въ Москвѣ, куда онъ въѣхалъ одинъ, безъ конвоя, въ средину непріятельскихъ войскъ, которыхъ онъ полагалъ внѣ уже столицы; отосланъ во Францію, и на пути, въ окрестностяхъ Молодечно, вырученъ изъ плѣна полковникомъ Чернышевымъ (нынѣ военнымъ министромъ) во время отважнаго перехода его съ партіею казаковъ изъ арміи Чичагова къ корпусу графа Витгенштейна, на перерѣзъ всѣхъ затыльныхъ сообщеній непріятеля. Винценгероде умеръ скоропостижно нѣсколько лѣтъ по заключеніи мира съ Франціею.

* Умершій отъ раны, полученной имъ въ сраженіи подъ Краономъ, во Франціи, 1814 года.

Оба эти были въ полной зависимости отъ Винценгерода, запретившаго имъ, — по крайней мѣрѣ мнѣ, — и сшибки съ непріятелемъ и переходы съ одного мѣста на другое, безъ вѣдома его, или того генерала, коему я буду отданъ имъ подъ команду.

Около половины февраля заключенъ былъ союзъ Россіи съ Пруссіею, и Прусскія войска двинулись на соединеніе съ нашими.

Армія графа Витгенштейна усилилась корпусами Іорка и Бюлова; корпусъ Блюхера выступилъ изъ Бреславля и оставилъ авангардъ главной арміи. Корпусъ Винценгерода поступилъ къ нему въ команду съ сохраненіемъ передоваго своего мѣста.

20 февраля Чернышевъ овладѣлъ Берлиномъ. Непріятель, оставя городъ, потянулся двумя колоннами къ Эльбѣ, одною на Магдебургъ, другою на Виттенбергъ. За первою пошли Чернышевъ и Тетенборнъ, за второю Бенкендорфъ.

Въ концѣ февраля Тетенборнъ отряженъ былъ къ Гамбургу; Бенкендорфъ и Чернышевъ остались пока на Эльбѣ для наблюденія — первый Виттенберга, послѣдній Магдебурга.

Особый и независимый отрядъ флигель-адъютанта гвардіи ротмистра Орлова шелъ изъ Гоэрсверда къ Гросенгейну.

Главная квартира графа Витгенштейна занимала Берлинъ; Императорская и главная квартира князя

Кутузова - Смоленскаго, главнокомандующаго всѣми союзными войсками—Калишъ.

Съ своей стороны вице-король Евгеній, предводительствовавшій 60 - тысячною Французскою арміею,—составленною изъ остатковъ главной арміи, изъ нѣкоторыхъ войскъ, остававшихся въ крѣпостяхъ, и изъ резервовъ, прибывшихъ изъ-за Рейна,—размѣстилъ ее слѣдующимъ образомъ:

Маршалъ Даву съ 17 тысячами защищалъ Эльбу, отъ Дрездена до Торгау. Въ командѣ его состояли: 7-й корпусъ Ренье, 31-я дивизія Жерара, Баварскій корпусъ Рехберга и Саксонскія войска Лекока и Либенау.

Виттенбергъ, Магдебургъ и все разстояніе между ними защищали Гренье и Лористонъ. Войска, ими командоваемыя, состояли изъ 34 тысячъ, и находились подъ личнымъ начальствомъ самого вице-короля.

Маршалъ Викторъ командовалъ на Нижней Эльбѣ. Корпусъ его заключалъ въ себѣ не болѣе 6 тысячъ человѣкъ.

Остальныя войска находились въ Лейпцигѣ, при главной квартирѣ вице - короля и корпусной маршала Даву.

Тутъ нужно представить нѣкоторыя обстоятельства, имѣвшія непосредственное вліяніе на описываемое мною приключеніе.

Эта эпоха (я говорю о времени шествія нашего отъ Вислы къ Эльбѣ) была краткою эпохою какого-то мишурнаго блеска оружія, впрочемъ необходимаго для увлеченія къ общему усилію еще колебавшихся умовъ въ Германіи. Французы продолжали бѣгство; мнѣніе о ихъ непобѣдимости постепенно исчезало; нѣкоторые союзники ихъ соединились съ побѣдителями; но другіе, ошеломленные неожиданностію событія и еще подвластные вліянію генія, столь плодовитаго средствами, непостижимыми для самаго высокаго разума, — ожидали. Надлежало намъ пользоваться успѣхами нашими, и до прибытія новыхъ силъ изъ Франціи затопить силами нашими сколь можно болѣе пространства, никѣмъ, или почти уже никѣмъ не защищеннаго. Предпріятіе это заключало въ себѣ двѣ выгоды: умноженіе простора для военныхъ дѣйствій въ случаѣ обратнаго появленія Наполеона изъ-за Рейна, и дѣйствіе на воображеніе нерѣшительныхъ пышными и частыми обнародованіями о занятіи новыхъ областей, новыхъ столицъ, новыхъ городовъ болѣе другихъ знаменитыхъ.

Какая богатая жатва для охотниковъ до извѣстности, легко добываемой! За то какъ они и воспрянули! Все въ союзныхъ арміяхъ начало мечтать о столицахъ, торжественныхъ въѣздахъ въ столицы, поверженіи ключей столицъ къ стопамъ Императора. Начиная съ Блюхера, тогда еще безъ ореола Кацбаха, Бріэнна и Ватерло, тогда еще алкавшаго славы безъ разбора, какъ бы она ни досталась, — вся-

кой начальникъ отдѣльнаго многочисленнаго корпуса требовалъ столицъ на пропитаніе честолюбію своему, потому что для огромныхъ силъ, столицы доступны были не менѣе городковъ, предоставленныхъ на поживу честолюбіямъ нашей братьи. *Къ несчастію моему*, подручныхъ столицъ на это время было только двѣ, изъ коихъ одну захватилъ уже Чернышевъ, другая, Дрезденъ, оставалась на удалаго,—и Блюхеръ и Винценгероде пошли къ этому доброму Дрездену, не постигнувъ, что слава подвига цѣнится бóльшимъ или меньшимъ количествомъ средствъ, употребленныхъ на предпріятіе, и что взятіе Берлина всею арміею или сильнымъ корпусомъ войскъ ни мало не обратило бы на нихъ ни чьего вниманія, тогда какъ взятіе того же Берлина легкимъ отрядомъ Чернышева справедливо его прославило.

Между тѣмъ войска наши подвигались. Партія моя, состоявшая, какъ я сказалъ, въ зависимости отъ Ланскаго, командовавшаго авангардомъ Винценгерода, шла вправѣ отъ него на Мюско, Шпрембергъ, Гоэрсверде, и вступила 7 марта въ деревню Бернсдорфъ, гдѣ застала партію флигель-адъютанта Орлова, готовую уже къ выступленію въ Гросенгейнъ. Орловъ объявилъ мнѣ о намѣреніи своемъ перейти немедленно Эльбу для угроженія Дрездену со стороны лѣваго берега.

Надо замѣтить, что въ этотъ самый день (7 марта) корпусъ Блюхера находился еще въ Силезіи,

въ трехъ переходахъ *не доходя* Бунцлау; корпусъ Винценгерода на пути къ Герлицу, а Ланской вступилъ въ Бауценъ.

По прибытіи въ Берисдорфъ, я, въ слѣдствіе даннаго мнѣ повелѣнія Ланскимъ, отрядилъ ротмистра Чеченскаго съ командуемымъ имъ 1-мъ Бугскимъ казачьимъ полкомъ, какъ для обозрѣнія путей и окрестностей Дрездена, такъ и для свѣдѣнія о самомъ городѣ.

Теперь обратимся къ Дрездену, и взглянемъ, что тамъ происходило до прибытія моего въ Берисдорфъ и примкнутія къ Чеченскому. Я для сего прибѣгну къ сочиненію Саксонскаго генерала Оделебена, очевидца-повѣствователя. *

12 февраля король выѣхалъ изъ столицы въ Плауенъ, что въ Войтгландѣ, передавъ управленіе королевствомъ комитету государственныхъ чиновниковъ, именованному Непосредственною Коммиссіею. Половина гвардейскаго полка слѣдовала за королемъ; другая половина перешла въ Кёнигштейнъ, куда предварительно перевезены были государственная казна и картины знаменитой Дрезденской галлереи. Гусары, часть гвардіи кирасирскаго полка и полка Застрова, находившіеся подъ командою генерала

* Relation circonstanciée de la campagne de 1813 en Saxe, par Mr. le baron d' Odeleben, l'un des officiers généraux de l'armée. Paris, 1817.

Либенау, размѣщены были по кантониръ-квартирамъ въ окрестностяхъ Стараго Города и въ Новомъ Городѣ.

23 февраля, генералъ Ренье, пріостановившійся на время въ Бауценѣ, вступилъ въ Дрезденъ съ 7-мъ корпусомъ и размѣстилъ его, частію по селеніямъ, лежащимъ на лѣвомъ берегу Эльбы, частію въ Новомъ Городѣ, вмѣсто авангарда. Корпусъ этотъ простирался не далѣе 5 тысячъ человѣкъ, принимая въ счетъ и 1400 Баварцевъ команды генерала Рехберга, отправленныхъ въ Мейссенъ немедленно по вступленіи ихъ въ Дрезденъ. Саксонская кавалерійская дивизія генерала Либенау примкнула къ Ренье, коему предписано было защищать переправу Эльбы подъ Дрезденомъ и Мейссеномъ. Въ слѣдствіе сего, онъ перевезъ на лѣвый берегъ всѣ суда, которыя могли служить для переправы войскъ нашихъ, приступилъ къ начинкѣ порохомъ двухъ сводовъ великолѣпнаго моста, соединяющаго обѣ половины Дрездена, къ перемѣщенію госпиталей и военныхъ запасовъ въ Старый Городъ изъ Новаго, и къ сооруженію вокругъ послѣдняго нѣсколькихъ бастіоновъ съ куртинами, обнесенныхъ палисадомъ. Въ городѣ произошло смятеніе; народъ долго не допускалъ войско къ минированію моста; но Ренье восторжествовалъ, и два свода онаго готовы уже были ко взрыву.

Между тѣмъ, 28 февраля, маршалъ Даву вступилъ въ Мейссенъ съ 12-тысячнымъ корпусомъ,

предалъ огню красивый деревянный мостъ, принадлежащій городу, и 1 марта прибылъ въ Дрезденъ. Съ прибытіемъ его, закипѣла дѣятельность къ защитѣ переправы; но строгость и притѣсненіе всѣмъ сословіямъ дошли до невѣроятія. Ренье сдалъ команду 7-мъ корпусомъ генералу Дюрюту, и выѣхалъ изъ города.

7 и ночь на 8 число марта употреблены были на вывозъ орудій съ нововоздвигнутаго укрѣпленія, парка, фургоновъ и всякаго рода тягостей изъ Новаго въ Старый Дрезденъ.

8-го въ десятомъ часу утра, не принимая въ уваженіе письменныхъ просьбъ короля, и презирая моленія обывателей, Даву приказалъ зажечь мину, устроенную въ мостѣ,—и два свода онаго съ трескомъ и громомъ взлетѣли на воздухъ. Даву только этого и дожидался. Почти въ одно время со взрывомъ онъ выступилъ въ Мейссенъ, оставя въ городѣ Дюрюта съ 7-мъ корпусомъ, простиравшимся до 3000 Французовъ, усиленныхъ нѣсколькими баталіонами и эскадронами Саксонцевъ, подъ начальствомъ генерала Лекока.

Дюрютъ приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей. Онъ поставилъ одну батарею на мосту, у самаго провала, причиненнаго взрывомъ, для обстрѣливанія всего протяженія моста и главной улицы Новаго Города; другую у Брюлева Замка на Валлергартенѣ, и третью у Фридрихштадта, гдѣ бо-

лѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, опасался онъ покушенія на лѣвый берегъ, по причинѣ изгиба рѣки, способствующаго переправѣ.

Укрѣпленіе Новаго Города занялъ онъ двумя ротами пѣхоты, впереди коихъ, за палисадами, помѣстилъ Саксонскихъ стрѣлковъ, и назначилъ майора Саксонскихъ войскъ, Ешки, комендантомъ этой половины города.

Въ такомъ положеніи находился Дрезденъ при подскокѣ къ нему Чеченскаго съ 1-мъ Бугскимъ полкомъ, заключавшимъ въ себѣ не болѣе 150 казаковъ.

8-го поутру, на походѣ изъ Берисдорфа къ Кёнигсбрюку, я услышалъ сильный гулъ въ направленіи къ Дрездену, и узналъ отъ обывателей селеній, на пути моемъ лежащихъ, что гулъ этотъ произойти долженъ отъ взрыва Дрезденскаго моста, въ которомъ, говорили они, давно уже роются Французскіе піонеры, и что для приведенія въ исполненіе онаго ожидали только прибытія Даву.

Этотъ проклятый гулъ былъ виновникомъ всѣхъ непріятностей; онъ оживилъ честолюбіе мое.

Я смекнулъ, что половина города, находящаяся на правомъ берегу Эльбы, или вовсе оставлена уже непріятелемъ, или заключаетъ въ себѣ гарнизонъ подъ силу моей партіи, и что слѣдственно можно

съ надеждою на успѣхъ постучаться въ ворота. Если,—думалъ я,—удастся мнѣ вступить хотя въ одинъ Новый Городъ, то уже все сдѣлано: кусокъ будетъ початъ, и слава овладѣнія всею столицею будетъ принадлежать мнѣ, а не другому: этотъ другой былъ въ мысляхъ моихъ или Орловъ, или Прендель, или какой либо отрядный начальникъ Прусскаго корпуса, но ни самъ Блюхеръ, ни Винценгероде, по отдаленію ихъ отъ Дрездена не входившіе мнѣ въ голову. Закипѣла кровь молодецкая.... но вмѣстѣ съ тѣмъ, чинопочитаніе ухватило меня за воротъ. Будучи подъ командою Ланскаго, съ которымъ я сверхъ того былъ и пріятелемъ, я и страшился и совѣстился отважиться на это предпріятіе совершенно уже безъ его вѣдома. Курьеръ поскакалъ къ нему въ Бауценъ съ запиской; я писалъ къ нему слово въ слово:

«Я не такъ далеко отъ Дрездена. Позвольте попытаться. Можетъ быть, успѣхъ увѣнчаетъ попытку. Я у васъ подъ командой: моя слава—ваша слава.»

По случаю тихой ѣзды Саксонскихъ почтальоновъ, я не прежде, какъ по прошествіи семи часовъ времени, получилъ отвѣтъ отъ Ланскаго.

Получа разрѣшеніе, я въ тотъ же мигъ послалъ приглашеніе къ Орлову на пиръ, мною затѣваемый, а въ случаѣ невозможности, просилъ у него подкрѣпленія, держась Французской пословицы: Dieu est pour les gros bataillons. Вмѣстѣ съ посылкою къ

Орлову, то есть въ 4 часа пополудни, я выступилъ изъ Кёнигсбрюка.

Едва начала партія моя вытягиваться на дорогу, какъ является ко мнѣ казакъ съ рапортомъ отъ Чеченскаго.

Рапортъ. «До самыхъ стѣнъ города я ничего не могъ узнать отъ жителей, кромѣ того, что нѣтъ никого въ городѣ; почему я поскакалъ съ 50 казаками ближе; но только что подъѣхалъ къ воротамъ, какъ былъ встрѣченъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ изъ-за палиссадовъ. Слава Богу, кромѣ трехъ лошадей, урону нѣтъ, и все благополучно. Я передъ городомъ, разставя пикеты, ожидаю вашего приказанія». *Ротмистръ Чеченскій.* 8 марта.

Отвѣтъ мой Чеченскому. «Держись; я спѣшу къ тебѣ со всею партіею». *Денисъ Давыдовъ.* 8 марта въ 5 часу пополудни.

На половинѣ пути моего новый посланный съ новымъ рапортомъ является ко мнѣ отъ Чеченскаго. Онъ писалъ:

Рапортъ. «Цѣлый день непріятель сбивалъ занятые мною пикеты около города. Я, исполняя вашего высокоблагородія приказанія, ни шагу не отступилъ, хотя ясно видѣлъ, что въ упрямствѣ моемъ прока не будетъ. Вдругъ выѣзжаетъ бургомистръ съ просьбою о пощадѣ города. Я не показалъ ни какого

наружнаго удивленія, но въ умѣ моемъ не могъ разгадать, что̀ это значитъ. Однако я объявилъ ему, что если эту же ночь обыватели выгонятъ на ту сторону рѣки Французовъ, занимающихъ Новый Городъ, то городъ не пострадаетъ; въ противномъ же случаѣ, не будетъ никому и ничему пощады. Бургомистръ выпросилъ сроку два часа, и возвратился въ городъ. Я съ полкомъ остаюсь, до возвращенія его, на дневныхъ мѣстахъ, и по полученіи отзыва, немедленно объ ономъ донесу вамъ. Сего числа, во время перестрѣлки, хорунжій Рамодановъ смертельно раненъ; рядовыхъ казаковъ ранено четыре; лошадей убито девять.» *Ротмистръ Чеченскій.* 8 марта.

Въ отвѣтъ на этотъ рапортъ, я прибавилъ шагу. Уже партія моя была въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ Чеченскаго, то есть на высотахъ, покрытыхъ сосновымъ лѣсомъ, съ которыхъ дорога спускается къ Дрездену, — какъ новый посланный отъ него является ко мнѣ съ запиской:

«Батюшка Денисъ Васильевичь! Изъ города явился бургомистръ, который сказалъ мнѣ, что комендантъ города желаетъ говорить съ офицеромъ нашимъ; почему Левенштернъ * ѣздилъ въ городъ, но комендантъ сказалъ ему, что ежели бы у насъ было хоть самая бездѣлица пѣхо-

---

* Штабсъ-капитанъ Левенштернъ, прикомандированный къ партіи моей въ Гроднѣ. Онъ нынѣ полковникомъ въ отставкѣ.

ты, то въ ту же минуту онъ оставилъ бы городъ; но что однимъ казакамъ онъ сдать города не можетъ.» *Александръ Чеченскій.*

Что было дѣлать? Обстоятельства представлялись не въ томъ уже видѣ, какъ прежде. Надо было прибѣгнуть къ хитрости, хотя искони употребляемой, но всегда удающейся: я оставилъ сотню казаковъ на мѣстѣ полученія мною записки Чеченскаго, съ приказаніемъ ничѣмъ другимъ не заниматься, кромѣ раскладки бивачныхъ огней по горѣ въ четырехъ мѣстахъ, и чтобы въ каждомъ мѣстѣ было костровъ до 20, а чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше; чтобы всю ночь они не потухали, а напротивъ, чтобы горѣли какъ можно ярче и виднѣе для города. Начальникомъ команды этой я назначилъ изъ расторопнѣйшихъ казачьихъ офицеровъ, оставя на его отвѣтственности исполненіе моего приказанія и позволя ему въ подмогу себѣ набрать нѣсколько поселянъ изъ ближнихъ селеній; самъ поспѣшилъ съ остальными четырьмя сотнями и съ 50 моими Ахтырскими гусарами къ Чеченскому, съ коимъ немедленно соединился.

Первымъ попеченіемъ моимъ было воспользоваться мѣстностью и расположить войска мои такъ, чтобы показать непріятелю бо́льшее число, чѣмъ ихъ было дѣйствительно. Я занялъ биваками всѣ улицы форштадта, коихъ отверстія обращены къ городу, выставилъ изъ нихъ головы колоннъ, и скрылъ хвосты оныхъ за строеніями. Въ такомъ

положеніи я ожидалъ полнаго разсвѣта, любуясь между тѣмъ бивачными огнями, разложенными казаками моими на высотахъ и горѣвшими какъ будто огни трехтысячнаго отряда.

Въ эту минуту убійственное письмо отъ Ланскаго пало на меня, какъ бомба! Онъ писалъ:

«Любезнѣйшій мой полковникъ! Не взирая на позволеніе, мною вамъ данное, я принужденнымъ нахожусь измѣнить ваше направленіе, въ слѣдствіе повелѣнія, сейчасъ полученнаго мною отъ корпуснаго командира. И такъ, любезнѣйшій другъ, вмѣсто Дрездена прошу васъ обратиться уже изъ Кёнигсбрюка въ Радебургъ; но пошлите разъѣзды по всѣмъ путямъ, ведущимъ къ Дрездену, и откройте всѣ его окрестности. Расположите войска ваши вправо отъ Радебурга къ Мейсену, котораго окрестности также откройте какъ можно тщательнѣе. Прикажите забрать всѣ суда находящіяся на этомъ берегѣ Эльбы, и пошлите разъѣзды по направленію къ Торгау для сего же предмета. Поставьте постъ въ Пюльзнацѣ, который оставьте тамъ до прибытія туда Мадатова. Мадатовъ помѣстится между вами и почтовымъ трактомъ, идущимъ изъ Бишофсверды къ Дрездену, дабы закрыть движеніе нашего корпуса, который рѣшительно сходитъ съ Калишскаго пути, и котораго корпусная квартира переносится въ Гоэрсверде *для очистки мѣста Пруссакамъ*. Въ Торгау находятся казаки Бенкендорфа; прикажите разъѣздамъ вашимъ

до нихъ доходить. Независимо отъ всего этого, прикажите мѣстнымъ начальствамъ заготовлять какъ можно болѣе провіанта и фуража для корпуса, который, безъ сомнѣнія, простоитъ нѣкоторое время на этой сторонѣ Эльбы, по случаю затрудненія въ переправѣ». *Ланской.*—«Я иду на Каменцъ.»

Признаюсь, чтеніе этихъ строкъ жестоко поразило меня; но скоро я очнулся и рѣшился продолжать разъ уже затѣянное предпріятіе.

Едва ободняло, я послалъ снова Левенштерна парламентеромъ съ требованіемъ сдачи города, съ извѣстіемъ о прибытіи моемъ съ конницею и пѣхотою, которой огни видны на ближнихъ горахъ, и о незамедлительномъ начатіи приступа въ случаѣ отказа. Отвѣтомъ мнѣ было желаніе генерала Дюрюта говорить съ уполномоченнымъ мною штабъ-офицеромъ. Я послалъ къ нему Волынскаго Уланскаго полка подполковника Храповицкаго. Дюрютъ квартировалъ въ Старомъ Городѣ. При переправѣ на лодкѣ черезъ Эльбу, Храповицкому, какъ водится завязали глаза платкомъ (печатное изображеніе этого путешествія Храповицкаго продавалось въ Дрезденѣ какимъ-то Дрезденскимъ спекуляторомъ), повели его подъ руки на квартиру Французскаго генерала, и переговоры начались. Къ нимъ допущены Саксонскій генералъ Лекокъ и члены Непосредственной Коммиссіи. Уполномоченный со стороны Дюрюта былъ первый адъютантъ его, капитанъ Франкъ.

Между тѣмъ то, чего я ожидалъ, случилось. Орловъ, занятый приготовленiями переправы черезъ Эльбу, не могъ придти ко мнѣ со всѣмъ своимъ отрядомъ; но прислалъ Донской казачiй полкъ Мелентьева, и отрядъ Пренделя показался на Бауценской дорогѣ.

Однако, не взирая на прибывшiя войска, переговоры, неразлучные съ пренiями, иногда довольно воинственными и жесткими съ обѣихъ сторонъ, продолжались цѣлый день, и только въ 9 часовъ вечера уполномоченные подписали, — и Дюрютъ и я ратификовали условiя.

Одно изъ затрудненiй возникло отъ намѣренiя моего вымарать нѣкоторыя статьи, считаемыя мною вовсе ненужными, какъ напримѣръ: 1) ту, которая касалась до продовольствiя и размѣщенiя по квартирамъ войска моего, къ чему по условiю я обязывался допустить гражданскихъ чиновниковъ, избранныхъ отъ города, вмѣстѣ съ чиновникомъ, на этотъ предметъ отъ меня назначеннымъ; 2) ту, которая требовала безобиднаго обхожденiя съ жителями, и 3) упоминающую о покровительствѣ и сбереженiи имуществъ королевскихъ и частныхъ и о занятiи охранными корпусами Кадетскаго Корпуса, Королевской Библiотеки и Японскаго Дворца — все пошлыя обязанности, исполняемыя безъ условiй и самимъ собою всякимъ начальникомъ, занимающимъ всякiй городъ мало-мальски значащiй!

Съ своей стороны Дюрютъ, соглашаясь на сдачу Новаго Города, не соглашался на требованіе мое, чтобы прежде выхода изъ него въ Старый Городъ тѣхъ войскъ, которыя защищали укрѣпленіе, они *отдали честь Русскимъ, стоя, во всемъ парадѣ, во фронтѣ, и сдѣлавъ на-караулъ при барабанномъ боѣ.* Затрудненія эти не безъ борьбы и только-что къ вечеру исчезли. Я оставилъ въ капитуляціи статьи, считаемыя мною ненужными, подписавъ только подъ ними: «articles inutiles» (статьи ненужныя), а Дюрютъ согласился на повелѣніе войскамъ своимъ отдать честь моимъ войскамъ съ тѣмъ только, чтобы этой статьи не было помѣщено въ капитуляціи. Я былъ доволенъ, ибо желалъ этого не для газетъ, а для жителей Дрездена; мнѣ хотѣлось, чтобы они были очевидцами униженія Французовъ передъ Русскими.

По ратификаціи условій, я немедленно послалъ копію съ оныхъ при рапортѣ моемъ генералу Ланскому.

Рапортъ. «Вчерашняго числа я предпринялъ усиленное обозрѣніе Дрездена. Ротмистръ Чеченскій, командующій 1-мъ Бугскимъ казачьимъ полкомъ, отличился; это его привычка. Убито: оберъ-офицеровъ 1, ранено: казаковъ 4; убито и ранено лошадей 9. Испуганный непріятель вступилъ въ переговоры, въ слѣдствіе коихъ я завтрашняго числа занимаю половину города Дрездена, и копію съ условій, мною ратификованныхъ, имѣю честь пред-

ставить вашему превосходительству». *Полковникъ Давыдовъ.* 1813 года марта 9 дня у палиссадъ Дрездена.

До разсвѣта я велѣлъ партіи готовиться къ парадному вступленію въ городъ, то есть чиститься и холиться; надо было блеснуть чѣмъ Богъ послалъ. Сами мы нарядились въ самыя новыя одежды. Я тогда носилъ курчавую, черную какъ крыло ворона и окладистую бороду; одежда моя состояла въ черномъ чекменѣ, красныхъ шараварахъ и въ красной шапкѣ съ чернымъ околышемъ; я имѣлъ на бедрѣ Черкесскую шашку, и ордена на шеѣ: Владиміра, Анну, алмазами украшенную, и Прусскій «за достоинство»,—въ петлицѣ: Георгія. Храповицкій и Чеченскій были въ подобной же одеждѣ; но Левенштернъ въ пѣхотномъ мундирѣ, такъ же, какъ и Бекетовъ съ Макаровымъ въ ментикахъ ихъ полка и Алябьевъ въ мундирѣ казачьяго графа Мамонова полка.

Порядокъ вступленія войскъ въ городъ я назначилъ слѣдующій:

Я впереди, окруженный Храповицкимъ, Левенштерномъ, Бекетовымъ, Макаровымъ и Алябьевымъ. Ахтырскіе гусары позади насъ въ родѣ моего конвоя.

За нами 1-й Бугскій казачій полкъ, предшествуемый пѣсенниками.

Потомъ Донской Попова 13-го полкъ, а за нимъ Донской Мелентьева полкъ.

Въ 10 часовъ утра явились ко мнѣ гражданскіе чиновники, депутаты города.

Они ѣхали къ казачьему начальнику, грубому, необразованному,—и выпучили глаза, услыша меня, бородача, отвѣчавшаго на привѣтствія ихъ благодарностію, облеченную во Французскія фразы, впрочемъ довольно пошлыя.

Послѣ этого я долго говорилъ имъ о высокой судьбѣ, ожидающей Германію, если она не измѣнитъ призыву чести и достоинству своего имени; о благодарности, коей она обязана Императору Александру; о средствахъ, кои у ней подъ рукою, для изъявленія этой благодарности; что я казакъ, наѣздникъ, солдатъ, не понимаю ничего въ политикѣ, но думаю, но увѣренъ, что если Саксонцы покажутъ примѣръ возстанія за дѣло столь справедливое, столь священное,—они тѣмъ много угодятъ великодушному Монарху Россіи, вступившему въ Германію для Германіи, а не для себя,—ибо его уже дѣло сдѣлано. Словомъ, Богъ знаетъ, что я тутъ наговорилъ безъ малѣйшаго затрудненія: все сказанное мною невольно черпалось изъ прокламацій, осыпавшихъ тогда Германію. Ежедневно чтеніе ихъ снабжало готовыми фразами людей безтолковѣйшихъ. Съ моей стороны я имъ много былъ обязанъ. Цѣлыя груды ихъ лежали въ памяти моей,

какъ запасъ сосисокъ для угощенія Нѣмцевъ. Я имъ пользовался; но за то такъ въ него самъ въѣлся, что едва не заговорилъ съ казаками и даже съ деньщикомъ моимъ отрывками изъ прокламацій.

Этого числа съ самаго утра Дюрютъ позволилъ переѣздъ жителямъ изъ Стараго въ Новый Городъ и пребываніе въ немъ до полудни, то есть до выступленія гарнизона *, что произвело въ этой половинѣ Дрездена чрезвычайное стеченіе народа. Многіе даже, предвидя незамедлительное освобожденіе Стараго Города отъ Французовъ, не возвратились и остались въ Новомъ до ухода Дюрюта къ Лейпцигу.

Въ полдень вся моя партія сѣла на коней, и по предписанному мною порядку вступила въ ворота укрѣпленія. Тутъ стоялъ гарнизонъ. *Онъ отдалъ честь, сдѣлавъ на караулъ при барабанномъ боѣ.* У караула стоялъ тотъ самый капитанъ Франкъ, первый адъютантъ Дюрюта, который былъ уполномоченъ имъ при договорѣ. Я благодарилъ гарнизонъ легкимъ приподнятіемъ шапки, подозвалъ къ себѣ капитана Франка и пригласилъ его на завтракъ. Тогда мы двинулись впередъ, и пѣсенники, ѣхавшіе впереди Бугскаго полка, залились: «Растоскуйся, моя сударушка!»

Погода была прелестная. Число любопытныхъ невѣроятно. На всей большой улицѣ не оставалось

* Изъ Оделсбена.

пустаго мѣста. Во всѣхъ окошкахъ трехъ и четырехъ-этажныхъ домовъ торчали головы; крыши усѣяны были народомъ. Иные махали платками, другіе бросали шляпы на воздухъ, и все кричало, все ревѣло, все вопило: «Ура! Александръ! ура! Россія!» И въ этомъ многогласномъ хорѣ, прославлявшемъ два столь огромныя имена, недостойное имя мое извивалось, какъ извивается голосъ флейточки между громовыми звуками трубъ и литавръ.

Мнѣ отвели квартиру у банкира Прейлинга, на большой улицѣ. Тамъ дожидались меня всѣ почетные чиновники города; но я проѣхалъ мимо, прямо къ берегу, для размѣщенія пикетовъ вдоль Эльбы. Партія моя между тѣмъ располагалась биваками по большой улицѣ, дабы быть всегда подъ рукою.

Оконча обязанности службы, я слѣзъ съ коня и вошелъ на квартиру, гдѣ принялъ городскихъ чиновниковъ. Между ними я помню директора Кадетскаго Корпуса, толстоватаго, рыжаго генерала въ красномъ военномъ мундирѣ съ желтыми отворотами, и начальника Японскаго Дворца, кажется, г-на Липіуса, старичка пудренаго; прочихъ я забылъ наружность, а имена и подавно. Я употребилъ въ разговорѣ съ ними тотъ же чужой умъ, какъ и съ депутатами, съ нѣкоторыми однакожь измѣненіями. Всѣ были довольны— и я не менѣе ихъ, когда, взаимно раскланявшись, мы разстались.

Немедленно поскакалъ отъ меня курьеръ къ Ланскому съ рапортомъ моимъ.

Рапортъ. «Въ полдень я вступилъ съ войсками въ Новый Дрезденъ. Завтра, 11 марта, вечеромъ я уничтожаю перемиріе, заключенное мною съ Дюрютомъ; слѣдственно 13-го вечеромъ можно будетъ свободно дѣйствовать, какъ внутри города, такъ и въ окрестностяхъ онаго. Покорнѣйше прошу вашего превосходительства довести до свѣдѣнія господина корпуснаго командира обстоятельство это. Замедленіе въ прибытіи пѣхоты и артиллеріи въ Новый Городъ легко можетъ лишить насъ пріобрѣтеннаго.» *Полковникъ Давыдовъ.* 1813 года 10 марта. Н. Г. Дрезденъ.

Въ этотъ самый день Саксонскій генералъ Лекокъ съ Саксонскою пѣхотою, а Либенау съ Саксонскою кавалеріею выступили изъ Стараго Дрездена,—первый въ Торгау, а послѣдній къ королю въ Плауенъ, что въ Войетландѣ. Ихъ замѣнили Баварцы Рехберха, пришедшіе изъ Мейссена *

На другой день, осмотря пикеты, я съ конвоемъ Ахтырскихъ гусаръ ѣздилъ въ Кадетскій Корпусъ и въ Японскій Дворецъ. Я помню, что, осматривая чертежи кадетовъ, я, въ качествѣ казака, немало удивилъ памятью моею директора корпуса, показавъ ему на планѣ Плауенской долины и ея окрестностей всѣ подробности позиціи Дауна во время Семилѣтней Войны въ 1758 году; напомнилъ ему, что Австрійская конница расположена была на равнинѣ между Дрезденомъ и Плауеномъ; что самъ

* Изъ Оделебена.

Даунъ съ пѣхотою занималъ высоты отъ Плауена до Виндберга. Сенсеръ стоялъ на высотахъ Геншена для защиты тыла арміи и Посендорфской дефилеи, а Брентано прежде въ Стреленѣ, а потомъ въ Никернѣ,—и наконецъ, смѣрявъ циркулемъ ширину долины между Плауеномъ и Подчапелемъ, просилъ позволенія у генерала замѣтить ему, что на планѣ она шире, чѣмъ въ натурѣ: ибо извѣстно, что въ этомъ мѣстѣ ширина ея не простирается далѣе 400 шаговъ. Рыжій мой генералъ выпучилъ глаза не хуже депутатовъ, коимъ я наканунѣ заговорилъ на Французскомъ языкѣ, и вмѣсто разсужденія со мною о позиціи Дауна и о Семилѣтней Войнѣ, поднялъ руки къ верху и съ громогласнымъ восклицаніемъ спросилъ меня, неужели я *казацкой націи*? Я весьма серьёзно увѣрилъ его въ этомъ, и мы разстались.—Не то было въ Японскомъ Дворцѣ. Увы! въ этой сокровищницѣ искусствъ и художествъ я самъ наскочилъ на Плауенскую неприступную для меня позицію! Тутъ не было воспоминаній ни о Семилѣтней Войнѣ, ни о сраженіяхъ, ни о наѣздахъ: тутъ были статуи, треножники и прочія древности, вовсе чуждыя невѣжественной моей современности. Я ходилъ по заламъ, дивился всему, и не судилъ и не рядилъ, какъ въ Кадетскомъ Корпусѣ; тутъ я былъ истиннымъ Башкирцемъ. Въ этотъ день пріѣзжали ко мнѣ, не болѣе какъ на одинъ часъ времени, князь Мадатовъ и Орловъ. Оба они, какъ пріятели, поздравляли меня съ удачею моей.

Уже съ утра этого дня я предписалъ Городскому Правленію о принятіи мѣръ къ заготовленію въ городѣ и въ окрестностяхъ онаго провіанта и фуража на 40-тысячную армію, по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ о свозѣ къ берегу Эльбы матеріаловъ для постройки плотовъ и поромовъ, болѣе, въ мысляхъ моихъ, для пуганія Дюрюта переправой, чѣмъ для переправы. Я полагалъ эту хитрость не лишнею въ случаѣ перехода Эльбы Орловымъ, который обѣщался мнѣ съ перваго шага обратиться въ тылъ Старому Дрездену.

12-го, большая часть тяжестей и довольное число Французскихъ войскъ потянулись изъ города къ Лейпцигу, и Баварскія войска Рехберха выступили въ Мейссенъ *. Въ теченіе этого дня партія подполковника Пренделя вступила въ Новый Городъ. Вечеромъ пикетные мои дали мнѣ знать о стукѣ пушечныхъ колесъ и о шумѣ проходящихъ войскъ за рѣкою, полагая, что это происходитъ отъ рѣшительнаго выхода непріятеля изъ Стараго Города. Я бросился къ мосту, и чтобы самому въ этомъ увѣриться, пробрался тихонько къ обвалу взорванныхъ сводовъ, къ самой непріятельской батареѣ, стоявшей по ту сторону обвала. Долго я прислушивался; но кромѣ разговора Французскихъ канонеровъ, на батареи находившихся, ничего не могъ услышать. Я узналъ послѣ, что шумъ этотъ точно про-

* Изъ Оделебена.

исходилъ отъ начатаго уже отступленія нѣкоторой части войскъ Дюрюта, испугавшагося перехода на лѣвый берегъ передовыхъ войскъ Орлова, и опасавшагося единовременнаго нападенія на него съ моей стороны. Онъ принялъ начатое мною приготовленіе къ постройкѣ поромовъ и плотовъ за истинное намѣреніе мое переправляться въ Старый Дрезденъ, при первомъ извѣстіи о переправѣ Орлова, старанія и хлопоты коего на счетъ переправы ему уже были извѣстны.

СТИХОТВОРЕНІЯ,

ПРИСЛАННЫЯ ИЗЪ ГЕРМАНІИ. *

XVI.

Въ душномъ воздуха молчаньѣ,
Какъ предчувствіе грозы,
Жарче розъ благоуханье,
Звонче голосъ стрекозы . . . .

Чу! за бѣлой, дымной тучей
Глухо прокатился громъ;
Небо молніей летучей
Опоясалось кругомъ . . .

---

* Первыя пятнадцать стихотвореній, присланныя изъ Германіи тѣмъ же авторомъ, помѣщены въ III томѣ Современника на 1836 годъ, стр. 5—22.

Жизни нѣкій преизбытокъ
Въ знойномъ воздухѣ разлитъ,
Какъ божественный напитокъ
Въ жилахъ млѣетъ и горитъ!

Дѣва, дѣва, что́ волнуетъ
Дымку персей молодыхъ?
Что́ мутится, что́ тоскуетъ
Влажный блескъ очей твоихъ?

Что́ блѣднѣя замираетъ
Пламя дѣвственныхъ ланитъ?
Что́ такъ грудь твою спираетъ
И уста твои палитъ? . . .

Сквозь рѣсницы шелковыя
Проступили двѣ слезы . . . .
Иль то капли дождевыя
Зачинающей грозы? . . . .

XVII.

Чтó ты клонишь надъ водами,
Ива, макушку свою,
И дрожащими листами,
Словно жадными устами,
Ловишь бѣглую струю?

Хоть томится, хоть трепещетъ
Каждый листъ твой надъ струей. . . .
Но струя бѣжитъ и плещетъ,
И на солнцѣ нѣжась блещетъ,
И смѣется надъ тобой.

XVIII.

Вечеръ мглистый и ненастный....
Чу, не жаворонка-ль гласъ?
Ты ли утра гость прекрасный
Въ этотъ поздній мертвый часъ?...
Гибкій, рѣзвый, звучно-ясный,
Въ этотъ мертвый, поздній часъ?...
Какъ безумья смѣхъ ужасный,
Онъ всю душу мнѣ потрясъ!

XIX.

И гробъ опущенъ ужь въ могилу,
И все столпилося вокругъ.
Толкутся, дышатъ черезъ силу,
Спираетъ грудь тлетворный духъ.

И надъ могилою раскрытой,
Въ возглавіи, гдѣ гробъ стоитъ,
Ученый пасторъ, сановитый,
Рѣчь погребальную гласитъ.

Вѣщаетъ бренность человѣчью,
Грѣхопаденье, кровь Христа—
И умною, пристойной рѣчью
Толпа различно занята....

А небо такъ нетлѣнно-чисто,
Такъ безпредѣльно надъ землей,—
И птицы рѣютъ голосисто
Въ воздушной безднѣ голубой....

XX.

Востокъ бѣлѣлъ... ладья катилась;
Вѣтрило весело звучало;
Какъ опрокинутое небо,
Подъ нами море трепетало.

Востокъ алѣлъ... она молилась,
Съ кудрей откинувъ покрывало;
Дышала на устахъ молитва,
Во взорѣ небо ликовало.

Востокъ вспылалъ... она склонилась,
Блестящая поникла выя,
И по младенческимъ ланитамъ
Струились капли огневыя....

XXI.

Какъ птичка, раннею зарей
Міръ, пробудившись, встрепенулся. ..
Ахъ, лишь одной главы моей
Сонъ благодатный не коснулся!
Хоть свѣжесть утренняя вѣетъ
Въ моихъ всклокоченныхъ власахъ,
На мнѣ, я чую, тяготѣетъ,
Вчерашній зной, вчерашній прахъ!...

О, какъ пронзительны и дики,
Какъ ненавистны для меня
Сей шумъ, движенье, говоръ, крики
Младаго, пламеннаго дня!...
О, какъ лучи его багровы,
Какъ жгутъ они мои глаза!..
О ночь, ночь, гдѣ твои покровы,
Твой тихій сумракъ и роса!...

Обломки старыхъ поколѣній,
Вы, пережившіе свой вѣкъ!
Какъ вашихъ жалобъ, вашихъ пеней
Неправый праведенъ упрекъ!

Какъ грустно, полусонной тѣнью,
Съ изнеможеніемъ въ кости,
На встрѣчу солнцу и движенью
За новымъ племенемъ брести!....

XXII.

ДВУМЪ СЕСТРАМЪ.

Обѣихъ васъ я видѣлъ вмѣстѣ —
И всю тебя узналъ я въ ней....
Тажь взоровъ тихость, нѣжность гласа,
Тажь прелесть утренняго часа,
Что вѣяла съ главы твоей!

И все какъ въ зеркалѣ волшебномъ,
Все обозначилося вновь:
Минувшихъ дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!...

XXIII.

Душа моя — Элизіумъ тѣней,
Тѣней безмолвныхъ, свѣтлыхъ и прекрасныхъ,
Ни замысламъ годины буйной сей,
Ни радостямъ, ни горю непричастныхъ.

Душа моя, Элизіумъ тѣней!
Что общаго межъ жизнью и тобою,
Межъ вами, призраки минувшихъ, лучшихъ дней,
И сей безчувственной толпою? . . .

Ѳ. Т.

Мюнхенъ.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА.

Береги честь съ молоду.

Пословица.

ГЛАВА I.

СЕРЖАНТЪ ГВАРДІИ.

Былъ бы гвардіи онъ завтра жъ капитанъ.
—Того не надобно: пусть въ арміи послужитъ.
Изрядно сказано! Пускай его потужитъ . . . .
. . . .
Да кто его отецъ?

Княжнинъ.

Отецъ мой, Андрей Петровичь Гриневъ, въ молодости своей служилъ при графѣ Минихѣ, и вышелъ въ отставку премьеръ-майромъ въ 17... году. Съ тѣхъ поръ жилъ онъ въ своей Симбирской деревнѣ, гдѣ и женился на дѣвицѣ Авдотьѣ Василь-

евнѣ Ю., дочери бѣднаго тамошняго дворянина. Насъ было девять человѣкъ дѣтей. Всѣ мои братья и сестры умерли во младенчествѣ. Я былъ записанъ въ Семеновскій полкъ сержантомъ, по милости майора гвардіи князя Б., близкаго нашего родственника. Я считался въ отпуску до окончанія наукъ. Въ то время воспитывались мы не по нынѣшнему. Съ пятилѣтняго возраста отданъ я былъ на руки стремянному Савельичу, за трѣзвое поведеніе пожалованному мнѣ въ дядьки. Подъ его надзоромъ, на двѣнадцатомъ году выучился я Русской грамотѣ и могъ очень здраво судить о свойствахъ борзаго кобеля. Въ это время батюшка нанялъ для меня Француза, мосье Бопре, котораго выписали изъ Москвы вмѣстѣ съ годовымъ запасомъ вина и Прованскаго масла. Пріѣздъ его сильно не понравился Савельичу. «Слава Богу»—ворчалъ онъ про себя—«кажется, дитя умытъ, причесанъ, накормленъ. Куда какъ нужно тратить лишнія деньги и нанимать мусье, какъ будто и своихъ людей не стало!»

Бопре въ отечествѣ своемъ былъ парикмахеромъ, потомъ въ Пруссіи солдатомъ, потомъ пріѣхалъ въ Россію pour être outchitel, не очень понимая значенія этого слова. Онъ былъ добрый малой, но вѣтренъ и безпутенъ до крайности. Главною его слабостію была страсть къ прекрасному полу; не рѣдко за свои нѣжности получалъ онъ толчки, отъ которыхъ охалъ по цѣлымъ суткамъ. Къ тому же не былъ онъ (по его выраженію) и *врагомъ бутылки*, т. е. (говоря по-Русски) любилъ хлебнуть лишнее.

Но какъ вино подавалось у насъ только за обѣдомъ, и то по рюмочкѣ, при чемъ учителя обыкновенно и обносили: то мой Бопре очень скоро привыкъ къ Русской настойкѣ, и даже сталъ предпочитать ее винамъ своего отечества, какъ не въ примѣръ болѣе полезную для желудка. Мы тотчасъ поладили, и хотя по контракту обязанъ онъ былъ учить меня *по-Французски, по-Нѣмецки и всѣмъ наукамъ,* но онъ предпочелъ наскоро выучиться отъ меня кое-какъ болтать по-Русски,—и потомъ каждый изъ насъ занимался уже своимъ дѣломъ. Мы жили душа въ душу. Другаго ментора я и не желалъ. Но вскорѣ судьба насъ разлучила, и вотъ по какому случаю:

Прачка Палашка, толстая и рябая дѣвка, и кривая коровница Акулька, какъ-то согласились въ одно время кинуться матушкѣ въ ноги, винясь въ преступной слабости и съ плачемъ жалуясь на мусье, обольстившаго ихъ неопытность. Матушка шутить этимъ не любила, и пожаловалась батюшкѣ. У него расправа была коротка. Онъ тотчасъ потребовалъ каналью Француза. Доложили, что мусье давалъ мнѣ свой урокъ. Батюшка пошелъ въ мою комнату. Въ это время Бопре спалъ на кровати сномъ невинности. Я былъ занятъ дѣломъ. Надобно знать, что для меня выписана была изъ Москвы географическая карта. Она висѣла на стѣнѣ безо всякаго употребленія и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я рѣшился сдѣлать изъ нее змѣй, и пользуясь сномъ Бопре, принялся за

работу. Батюшка вошелъ въ то самое время, какъ я прилаживалъ мочальный хвостъ къ Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражненія въ географіи, батюшка дернулъ меня за ухо, потомъ подбѣжалъ къ Бопре, разбудилъ его очень неосторожно, и сталъ осыпать укоризнами. Бопре въ смятеніи хотѣлъ было привстать, и не могъ: несчастный Французъ былъ мертво пьянъ. Семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ. Батюшка за воротъ приподнялъ его съ кровати, вытолкалъ изъ дверей, и въ тотъ же день прогналъ со двора, къ неописанной радости Савельича. Тѣмъ и кончилось мое воспитаніе.

Я жилъ недорослемъ, гоняя голубей и играя въ чахарду съ дворовыми мальчишками. Между тѣмъ минуло мнѣ шестнадцать лѣтъ. Тутъ судьба моя перемѣнилась.

Однажды осенью матушка варила въ гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрѣлъ на кипучія пѣнки. Батюшка у окна читалъ Придворный Календарь, ежегодно имъ получаемый. Эта книга имѣла всегда сильное на него вліяніе: никогда не перечитывалъ онъ ея безъ особеннаго участія, и чтеніе это производило въ немъ всегда удивительное волненіе желчи. Матушка, знавшая наизусть всѣ его свычаи и обычаи, всегда старалась засунуть несчастную книгу какъ можно подалѣе, и такимъ образомъ Придворный Календарь не попадался ему на глаза иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ. За то, когда онъ случайно его находилъ, то бывало по

цѣлымъ часамъ не выпускалъ ужь изъ своихъ рукъ. И такъ батюшка читалъ Придворный Календарь, изрѣдко пожимая плечами и повторяя въ полголоса: «Генералъ-поручикъ! . . Онъ у меня въ ротѣ былъ сержантомъ! . . . Обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалеръ! . . А давно ли мы?» . . . . Наконецъ батюшка швырнулъ Календарь на диванъ, и погрузился въ задумчивость, не предвѣщавщую ничего добраго.

Вдругъ онъ обратился къ матушкѣ: «Авдотья Васильевна, а сколько лѣтъ Петрушѣ?»

—Да вотъ пошелъ семнадцатый годокъ—отвѣчала матушка. Петруша родился въ тотъ самый годъ, какъ окривѣла тетушка Настасья Герасимовна, и когда еще. . . .

«Добро»—прервалъ батюшка—«пора его въ службу. Полно ему бѣгать по дѣвичьимъ, да лазить на голубятни.»

Мысль о скорой разлукѣ со мною такъ поразила матушку, что она уронила ложку въ кострюльку, и слезы потекли по ея лицу. Напротивъ того трудно описать мое восхищеніе. Мысль о службѣ сливалась во мнѣ съ мыслями о свободѣ, объ удовольствіяхъ Петербургской жизни. Я воображалъ себя офицеромъ гвардіи, что по мнѣнію моему было верхомъ благополучія человѣческаго.

Батюшка не любилъ ни перемѣнять свои намѣренія, ни откладывать ихъ исполненіе. День отъѣзду моему былъ назначенъ. Наканунѣ батюшка объ-

явилъ, что намѣренъ писать со мною къ будущему моему начальнику, и потребовалъ пера и бумаги.

«Не забудь, Андрей Петровичь»—сказала матушка— «поклониться и отъ меня князю Б.; я дескать надѣюсь, что онъ не оставитъ Петрушу своими милостями.»

—Что за вздоръ!—отвѣчалъ батюшка нахмурясь. Къ какой стати стану я писать къ князю Б.?

«Да вѣдь ты сказалъ, что изволишь писать къ начальнику Петруши.»

— Ну, а тамъ что?

«Да вѣдь начальникъ Петрушинъ—князь Б. Вѣдь Петруша записанъ въ Семеновскій полкъ.»

—Записанъ! А мнѣ какое дѣло что онъ записанъ? Петруша въ Петербургъ не поѣдетъ. Чему научится онъ служа въ Петербургѣ? Мотать да повѣсничать? Нѣтъ, пускай послужитъ онъ въ арміи, да потянетъ лямку, да понюхаетъ пороху, да будетъ солдатъ, а не шаматонъ. Записанъ въ гвардіи! Гдѣ его пашпортъ? Подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспортъ, хранившійся въ ея шкатулкѣ вмѣстѣ съ сорочкою, въ которой меня крестили, и вручила его батюшкѣ дрожащею рукою. Батюшка прочелъ его со вниманіемъ, положилъ передъ собою на столъ, и началъ свое письмо.

Любопытство меня мучило. Куда-жь отправляютъ меня, если ужь не въ Петербургъ? Я не сводилъ глазъ съ пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконецъ онъ кончилъ, запечаталъ письмо въ одномъ пакетѣ съ паспортомъ, снялъ очки, и подозвавъ меня, сказалъ: «Вотъ тебѣ письмо къ Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты ѣдешь въ Оренбургъ служить подъ его начальствомъ.»

И такъ, всѣ мои блестящія надежды рушились! Вмѣсто веселой Петербургской жизни ожидала меня скука въ сторонѣ глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думалъ я съ такимъ восторгомъ, показалась мнѣ тяжкимъ несчастіемъ. Но спорить было нечего! На другой день по утру подвезена была къ крыльцу дорожная кибитка; уложили въ нее чемоданъ, погребецъ съ чайнымъ приборомъ и узлы съ булками и пирогами, послѣдними знаками домашняго баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказалъ мнѣ: «Прощай, Петръ. Служи вѣрно, кому присягнешь; слушайся начальниковъ; за ихъ лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; отъ службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье съ нову, а честь съ молоду.» Матушка въ слезахъ наказывала мнѣ беречь мое здоровье, а Савельичу смотрѣть за дитятей. Надѣли на меня заячій тулупъ, а сверху лисью шубу. Я сѣлъ въ кибитку съ Савельичемъ, и отправился въ дорогу, обливаясь слезами.

Въ ту же ночь пріѣхалъ я въ Симбирскъ, гдѣ долженъ былъ пробыть сутки для закупки нужныхъ вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился въ трактирѣ. Савельичь съ утра отправился по лавкамъ. Соскуча глядѣть изъ окна на грязный переулокъ, я пошелъ бродить по всѣмъ комнатамъ. Вошедъ въ билліардную, увидѣлъ я высокаго барина, лѣтъ тридцати пяти, съ длинными черными усами, въ халатѣ, съ кіемъ въ рукѣ и съ трубкой въ зубахъ. Онъ игралъ съ маркеромъ, который при выигрышѣ выпивалъ рюмку водки, а при проигрышѣ долженъ былъ лѣсть подъ билліардъ на четверинкахъ. Я сталъ смотрѣть на ихъ игру. Чѣмъ долѣе она продолжалась, тѣмъ прогулки на четверинкахъ становились чаще, пока наконецъ маркеръ остался подъ билліардомъ. Баринъ произнесъ надъ нимъ нѣсколько сильныхъ выраженій въ видѣ надгробнаго слова, и предложилъ мнѣ сыграть партію. Я отказался по неумѣнію. Это показалось ему, по видимому, страннымъ. Онъ поглядѣлъ на меня какъ бы съ сожалѣніемъ; однако мы разговорились. Я узналъ, что его зовутъ Иваномъ Ивановичемъ Зуринымъ, что онъ ротмистръ ** гусарскаго полка и находится въ Симбирскѣ при пріемѣ рекрутъ, а стоитъ въ трактирѣ. Зуринъ пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ вмѣстѣ чѣмъ Богъ послалъ, по-солдатски. Я съ охотою согласился. Мы сѣли за столъ. Зуринъ пилъ много и подчивалъ и меня, говоря что надобно привыкать къ службѣ; онъ разсказывалъ мнѣ армейскіе анекдоты, отъ которыхъ я со смѣху чуть не валялся, и мы встали изъ-за стола

совершенными пріятелями. Тутъ вызвался онъ вы
учить меня играть на билліардѣ. «Это» — говорилъ
онъ — «необходимо для нашего брата служиваго. Въ
походѣ, напримѣръ, придешь въ мѣстечко; чѣмъ при
кажешь заняться? Вѣдь не все же бить Жидовъ. По
неволѣ пойдешь въ трактиръ и станешь играть на
билліардѣ; а для того надобно умѣть играть!» Я
совершенно былъ убѣжденъ, и съ большимъ приле
жаніемъ принялся за ученіе. Зуринъ громко о
бодрялъ меня, дивился моимъ быстрымъ успѣхамъ; и
послѣ нѣсколькихъ уроковъ, предложилъ мнѣ играть
въ деньги, по одному грошу, не для выигрыша, а
такъ, чтобъ только не играть даромъ, что̀, по его
словамъ, самая скверная привычка. Я согласился и
на то, а Зуринъ велѣлъ подать пуншу и уговорилъ
меня попробовать, повторяя, что къ службѣ надоб
но мнѣ привыкать; а безъ пуншу, что и служба!
Я послушался его. Между тѣмъ игра наша продол
жалась. Чѣмъ чаще прихлебывалъ я отъ моего ста
кана, тѣмъ становился отважнѣе. Шары поминут
но летали у меня черезъ бортъ; я горячился, бра
нилъ маркера, который считалъ Богъ вѣдаетъ какъ,
часъ отъ часу умножалъ игру, словомъ, — велъ себя
какъ мальчишка, вырвавшійся на волю. Между
тѣмъ время прошло незамѣтно. Зуринъ взглянулъ
на часы, положилъ кій, и объявилъ мнѣ, что я
проигралъ сто рублей. Это меня немножко смути
ло. Деньги мои были у Савельича. Я сталъ изви
няться. Зуринъ меня прервалъ: «Помилуй! Не изволь
и безпокоиться. Я могу и подождать, а покамѣстъ
поѣдемъ къ Аринушкѣ.»

Что прикажете? День я кончилъ также безпутно, какъ и началъ. Мы отужинали у Аринушки. Зуринъ поминутно мнѣ подливалъ, повторяя, что надобно къ службѣ привыкать. Вставъ изъ-за стола, я чуть держался на ногахъ; въ полночь Зуринъ отвезъ меня въ трактиръ.

Савельичь встрѣтилъ насъ на крыльцѣ. Онъ ахнулъ, увидя несомнѣнные признаки моего усердія къ службѣ. «Что это, сударь, съ тобою сдѣлалось?»—сказалъ онъ жалкимъ голосомъ. «Гдѣ ты это нагрузился? Ахти, Господи! отроду такого грѣха не бывало!»—Молчи, хрычь!—отвѣчалъ я ему, запинаясь;—ты вѣрно пьянъ, пошелъ спать......и уложи меня.

На другой день я проснулся съ головною болью, смутно припоминая себѣ вчерашнія происшествія. Размышленія мои прерваны были Савельичемъ, вошедшимъ ко мнѣ съ чашкою чая. «Рано, Петръ Андреичь»—сказалъ онъ мнѣ, качая головою—«рано начинаешь гулять. И въ кого ты пошелъ? Кажется, ни батюшка, ни дѣдушка пьяницами не бывали; о матушкѣ и говорить нечего: отроду, кромѣ квасу, въ ротъ ничего не изволила брать. А кто всему виноватъ? Проклятый мусье. То и дѣло, бывало, къ Антипьевнѣ забѣжитъ. «Мадамъ, же ву при, водкю». Вотъ тебѣ и же ву при! Нечего сказать: добру наставилъ, собачій сынъ. И нужно было нанимать въ дядьки басурмана, какъ будто у барина не стало и своихъ людей!»

*

Мнѣ было стыдно. Я отвернулся и сказалъ ему: Поди вонъ, Савельичь; я чаю не хочу. Но Савельича мудрено было унять, когда бывало примется за проповѣдь. «Вотъ видишь ли, Петръ Андреичь, каково подгуливать. И головкѣ-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человѣкъ пьющій ни на что не годенъ. . . . Выпей-ка огуречнаго разсолу съ медомъ, а всего бы лучше опохмѣлиться полстаканчикомъ настойки. Не прикажешь ли?»

Въ это время мальчикъ вошелъ, и подалъ мнѣ записку отъ И. И. Зурина. Я развернулъ ее и прочелъ слѣдующія строки:

«Любезный Петръ Андреевичь, пожалуйста пришли мнѣ съ моимъ мальчикомъ сто рублей, которые ты мнѣ вчера проигралъ. Мнѣ крайняя нужда въ деньгахъ.

Готовый ко услугамъ

Иванъ Зуринъ.»

Дѣлать было нечего. Я взялъ на себя видъ равнодушный, и обратясь къ Савельичу, который былъ *и денегъ и бѣлья и дѣлъ моихъ рачитель*, приказалъ отдать мальчику сто рублей. «Какъ! за чѣмъ?» спросилъ изумленный Савельичь.—Я ихъ ему долженъ — отвѣчалъ я со всевозможной холодностію. «Долженъ!» возразилъ Савельичь, часъ отъ часу приведенный въ большее изумленіе; — «да когда же, сударь, успѣлъ ты ему задолжать? Дѣло что-

то не ладно. Воля твоя, сударь, а денегъ я не выдамъ.»

Я подумалъ, что если въ сiю рѣшительную минуту не переспорю упрямаго старика, то ужь въ послѣдствiи времени трудно мнѣ будетъ освободиться отъ его опеки, и взглянувъ на него гордо, сказалъ: Я твой господинъ, а ты мой слуга. Деньги мои. Я ихъ проигралъ, потому что такъ мнѣ вздумалось. А тебѣ совѣтую не умничать, и дѣлать то, что тебѣ приказываютъ.

Савельичъ такъ былъ пораженъ моими словами, что сплеснулъ руками и остолбенѣлъ. Что же ты стоишь!—закричалъ я сердито. Савельичъ заплакалъ. «Батюшка Петръ Андреичъ»—произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ—«не умори меня съ печали. Свѣтъ ты мой! послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутилъ, что у насъ и денегъ-то такихъ не водится. Сто рублей! Боже ты милостивый! Скажи, что тебѣ родители крѣпко на крѣпко заказали не играть, окромѣ какъ въ орѣхи».... Полно врать — прервалъ я строго — подавай сюда деньги, или я тебя въ зашеи прогоню.

Савельичъ поглядѣлъ на меня съ глубокой грустью и пошелъ за моимъ долгомъ. Мнѣ было жаль бѣднаго старика; но я хотѣлъ вырваться на волю и доказать, что ужь я не ребенокъ. Деньги были доставлены Зурину. Савельичъ поспѣшилъ вывезти меня изъ проклятаго трактира. Онъ явил-

ся съ извѣстіемъ, что лошади готовы. Съ неспокойной совѣстію и съ безмолвнымъ раскаяніемъ выѣхалъ я изъ Симбирска, не простясь съ моимъ учителемъ и не думая съ нимъ уже когда нибудь увидѣться.

ГЛАВА II.

ВОЖАТЫЙ.

Сторональ моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не самъ ли я на тебя зашелъ,
Что не добрый ли да меня конь завезъ:
Завезла меня, добраго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмѣлинушка кабацкая.

Старинная пѣсня.

—

Дорожныя размышленія мои были не очень при-тны. Проигрышъ мой, по тогдашнимъ цѣнамъ ылъ немаловаженъ. Я не могъ не признаться въ ушѣ, что поведеніе мое въ Симбирскомъ трактирѣ ыло глупо, и чувствовалъ себя виноватымъ пе-едъ Савельичемъ. Все это меня мучило. Старикъ грюмо сидѣлъ на облучкѣ, отворотясь отъ меня

и молчалъ, изрѣдка только покрякивая. Я непремѣнно хотѣлъ съ нимъ помириться, и не зналъ съ чего начать. Наконецъ я сказалъ ему: «Ну, ну, Савельичь! полно, помиримся, виноватъ; вижу самъ, что виноватъ. Я вчера напроказилъ, а тебя напрасно обидѣлъ. Обѣщаюсь впередъ вести себя умнѣе и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся.»

—Эхъ, батюшка Петръ Андреичь!—отвѣчалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ. Сержусь-то я на самого себя; самъ я кругомъ виноватъ. Какъ мнѣ было оставлять тебя одного въ трактирѣ! Что дѣлать? Грѣхъ попуталъ: вздумалъ забрести къ дьячихѣ, повидаться съ кумою. Такъ то: зашелъ къ кумѣ, да засѣлъ въ тюрьмѣ. Бѣда да и только! Какъ покажусь я на глаза господамъ? Что скажутъ они, какъ узнаютъ, что дитя пьетъ и играетъ.

Чтобъ утѣшить бѣднаго Савельича, я далъ ему слово впредь безъ его согласія не располагать ни одною копейкою. Онъ мало по мало успокоился, хотя все еще изрѣдка ворчалъ про себя, качая головою: «Сто рублей! легко ли дѣло!»

Я приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или точнѣе по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону, и наконецъ, снявъ шапку, оборо-

тился ко мнѣ и сказалъ: «Баринъ, не прикажешь ли воротиться?»

—Это за чѣмъ?

«Время ненадежно: вѣтеръ слегка подымается; — вишь, какъ онъ сметаетъ порошу.»

—Чтожъ за бѣда!

«А видишь тамъ что?» (Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ.)

—Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи да яснаго неба.

«А вонъ—вонъ: это облачко.»

Я увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было сперва за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало буранъ.

Я слыхалъ о тамошнихъ мятеляхъ, и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичь, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ; я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи, и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ; но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла, и постепенно облегала небо. Пошелъ

мелкій снѣгъ — и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ; сдѣлалась мятель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло. «Ну, баринъ»—закричалъ ямщикъ—«бѣда: буранъ!» . . .

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностію, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ — и скоро стали. «Что же ты не ѣдешь?» спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.—Да что ѣхать? —отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка;—невѣсть и такъ куда заѣхали: дороги нѣтъ, и мгла кругомъ. — Я сталъ было его бранить. Савельичь за него заступился: «И охота было не слушаться» — говорилъ онъ сердито— «воротился бы на постоялый дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря бъ утихла, отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро бы на свадьбу!» — Савельичь былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь. Савельичь ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь увидѣть хоть признакъ жила или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго круженія мятели. . . . . Вдругъ увидѣлъ я что-то черное. «Эй, ямщикъ!»—закричалъ я—«смотри: что̀ тамъ такое чернѣется?» Ямщикъ сталъ всматриваться. —А Богъ знаетъ, баринъ—сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто; возъ не

возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волкъ или человѣкъ.

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подвигаться намъ на встрѣчу. Черезъ двѣ минуты мы поравнялись съ человѣкомъ. «Гей, добрый человѣкъ!»—закричалъ ему ямщикъ. «Скажи, не знаешь ли гдѣ дорога?»

—Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ отвѣчалъ дорожный, да что толку?

Послушай, мужичокъ—сказалъ я ему—знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?

«Сторона мнѣ знакомая»—отвѣчалъ дорожный—«слава Богу, исхожена и изъѣзжана вдоль и поперегъ. Да вишь какая погода: какъ разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться, да переждать, авось буранъ утихнетъ да небо прояснится: тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ».

Его хладнокровіе ободрило меня. Я ужь рѣшился, предавъ себя Божіей волѣ, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ проворно на облучекъ и сказалъ ямщику; «Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай въ право, да поѣзжай». — А почему ѣхать мнѣ въ право?—спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ.—Гдѣ ты видишь дорогу? Не бось: лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй не стой.—

Ямщикъ казался мнѣ правъ. «Въ самомъ дѣлѣ»—сказалъ я;—«почему думаешь ты, что жило не далече?»—А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ — отвѣчалъ дорожный,—и я слышу, дымомъ пахнуло; знать, деревня близко.—Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то въѣзжая на сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичь охалъ, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустилъ цыновку, закутался въ шубу и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды.

Мнѣ приснился сонъ, котораго никогда не могъ я позабыть, и въ которомъ до сихъ поръ вижу нѣчто пророческое, когда соображаю съ нимъ странныя обстоятельства моей жизни. Читатель извинитъ меня: ибо вѣроятно знаетъ по опыту, какъ сродно человѣку предаваться суевѣрію, не смотря на всевозможное презрѣніе къ предразсудкамъ.

Я находился въ томъ состояніи чувствъ и души, когда существенность, уступая мечтаніямъ, сливается съ ними въ неясныхъ видѣніяхъ первосонія. Мнѣ казалось, буранъ еще свирѣпствовалъ, и мы еще блуждали по снѣжной пустынѣ... Вдругъ увидѣлъ я ворота, и въѣхалъ на барскій дворъ нашей усадьбы. Первою мыслію моею было опасеніе, чтобъ батюшка не прогнѣвался на меня за невольное воз-

вращеніе подъ кровлю родительскую, и не почелъ бы его умышленнымъ ослушаніемъ. Съ безпокойствомъ я выпрыгнулъ изъ кибитки, и вижу: матушка встрѣчаетъ меня на крыльцѣ съ видомъ глубокаго огорченія. «Тише,»—говоритъ она мнѣ—«отецъ боленъ при смерти и желаетъ съ тобою проститься.»—Пораженный страхомъ, я иду за нею въ спальню. Вижу, комната слабо освѣщена; у постели стоятъ люди съ печальными лицами. Я тихонько подхожу къ постели; матушка приподнимаетъ пологъ и говоритъ: «Андрей Петровичь, Петруша пріѣхалъ; онъ воротился, узнавъ о твоей болѣзни; благослови его». Я сталъ на колѣни, и устремилъ глаза мои на больнаго. Чтожь? . . . Вмѣсто отца моего, вижу въ постели лежитъ мужикъ съ черной бородою, весело на меня поглядывая. Я въ недоумѣніи оборотился къ матушкѣ, говоря ей: Что это значитъ? Это не батюшка. И къ какой мнѣ стати просить благословенія у мужика?—«Все равно, Петруша,»—отвѣчала мнѣ матушка—«это твой посаженный отецъ; поцѣлуй у него ручку, и пусть онъ тебя благословитъ»....Я не соглашался. Тогда мужикъ вскочилъ съ постели, выхватилъ топоръ изъ-за спины и сталъ махать во всѣ стороны. Я хотѣлъ бѣжать.... и не могъ; комната наполнилась мертвыми тѣлами; я спотыкался о тѣла и скользилъ въ кровавыхъ лужахъ... Страшный мужикъ ласково меня кликалъ, говоря «Не бойсь, подойди подъ мое благословеніе»....Ужасъ и недоумѣніе овладѣли мною....И въ эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельичь держалъ меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: пріѣхали.»

—Куда пріѣхали?—спросилъ я, протирая глаза:— «На постоялый дворъ. Господь помогъ, наткнулись прямо на заборъ. Выходи, сударь, скорѣе, да обогрѣйся.»

Я вышелъ изъ кибитки. Буранъ еще продолжался, хотя съ меньшею силою. Было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Хозяинъ встрѣтилъ насъ у воротъ, держа фонарь подъ полою, и ввелъ меня въ горницу, тѣсную, но довольно чистую; лучина освѣщала ее. На стѣнѣ висѣла винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяинъ, родомъ Яицкій казакъ, казался, мужикъ лѣтъ шестидесяти, еще свѣжій и бодрый. Савельичь внесъ за мною погребецъ, потребовалъ огня, чтобъ готовить чай, который никогда такъ не казался мнѣ нуженъ. Хозяинъ пошелъ хлопотать.

— Гдѣ же вожатый? — спросилъ я у Савельича.

«Здѣсь, ваше благородіе» — отвѣчалъ мнѣ голосъ сверху. Я взглянулъ на полати, и увидѣлъ черную бороду и два сверкающіе глаза. — Что, братъ, прозябъ?—«Какъ не прозябнуть въ одномъ худенькомъ армякѣ! Былъ тулупъ, да что грѣха таить? заложилъ вечоръ у цѣловальника: морозъ показался не великъ.» Въ эту минуту хозяинъ вошелъ съ кипящимъ самоваромъ; я предложилъ вожатому нашему чашку чаю; мужикъ слѣзъ съ полатей. Наружность его показалась мнѣ замѣчательна. Онъ былъ лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ.

Въ черной бородѣ его показывалась просѣдь; живые большіе глаза такъ и бѣгали. Лице его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. Волоса были обстрижены въ кружокъ; на немъ былъ оборванный армякъ и Татарскіе шаровары. Я поднесъ ему чашку чаю; онъ отвѣдалъ и поморщился. «Ваше благородіе, сдѣлайте мнѣ такую милость,— прикажите поднести стаканъ вина; чай не наше казацкое питье.» Я съ охотой исполнилъ его желаніе. Хозяинъ вынулъ изъ ставца штофъ и стаканъ, подошелъ къ нему, и взглянувъ ему въ лице: «Эхе» —сказалъ онъ—«опять ты въ нашемъ краю! Отколѣ Богъ принесъ?»—Вожатый мой мигнулъ значительно и отвѣчалъ поговоркою: «Въ огородѣ леталъ, конопли клевалъ; швырнула бабушка камушкомъ—да мимо. Ну, а что ваши?»

—Да что наши! — отвѣчалъ хозяинъ, продолжая иносказательный разговоръ.—Стали было къ вечерни звонить, да попадья не велитъ: попъ въ гостяхъ, черти на погостѣ.—«Молчи, дядя,»—возразилъ мой бродяга—«будетъ дождикъ, будутъ и грибки; а будутъ грибки, будетъ и кузовъ: А теперь (тутъ онъ мигнулъ опять) заткни топоръ за спину: лѣсничій ходитъ. Ваше благородіе! за ваше здоровье!»—При сихъ словахъ онъ взялъ стаканъ, перекрестился и выпилъ однимъ духомъ. Потомъ поклонился мнѣ, и воротился на полати.

Я ничего не могъ тогда понять изъ этого воровскаго разговора; но послѣ ужь догадался, что дѣло

жлю о дѣлахъ Яицкаго войска, въ то время только что усмиреннаго послѣ бунта 1772 года. Савельичь слушалъ съ видомъ большаго неудовольствія. Онъ посматривалъ съ подозрѣніемъ то на хозяина, то на вожатаго. Постоялый дворъ, или, по тамошнему, *уметъ*, находился въ сторонѣ, въ степи, далече отъ всякаго селенія, и очень походилъ на разбойническую пристань. Но дѣлать было нечего. Нельзя было и подумать о продолженіи пути. Безпокойство Савельича очень меня забавляло. Между тѣмъ я расположился ночевать и легъ на лавку. Савельичь рѣшился убраться на печь; хозяинъ легъ на полу. Скоро вся изба захрапѣла, и я заснулъ какъ убитый.

Проснувшись по утру довольно поздно, я увидѣлъ, что буря утихла. Солнце сіяло. Снѣгъ лежалъ ослѣпительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился съ хозяиномъ, который взялъ съ насъ такую умѣренную плату, что даже Савельичь съ нимъ не заспорилъ и не сталъ торговаться по своему обыкновенію, и вчерашнія подозрѣнія изгладились совершенно изъ головы его. Я позвалъ вожатаго, благодарилъ за оказанную помочь, и велѣлъ Савельичу дать ему полтину на водку. Савельичь нахмурился. «Полтину на водку!» — сказалъ онъ, — «за что это? За то, что ты же изволилъ подвезти его къ постоялому двору? Воля твоя, сударь: нѣтъ у насъ лишнихъ полтинъ. Всякому давать на водку, такъ самому скоро придется голодать.» Я не могъ спорить съ

Савельичемъ. Деньги, по моему обѣщанію, находились въ полномъ его распоряженіи. Мнѣ было досадно однакожъ, что не могъ отблагодарить человѣка, выручившаго меня, если не изъ бѣды, то по крайней мѣрѣ изъ очень непріятнаго положенія. Хорошо—сказалъ я хладнокровно; если не хочешь дать полтину, то вынь ему что нибудь изъ моего платья. Онъ одѣтъ слишкомъ легко. Дай ему мой заячій тулупъ.

«Помилуй, батюшка Петръ Андреичъ!» — сказалъ Савельевичь, «За чѣмъ ему твой заячій тулупъ? Онъ его пропьетъ, собака, въ первомъ кабакѣ.»

—Это, старинушка, ужь не твоя печаль—сказалъ мой бродяга, «пропью ли я или нѣтъ. Его благородіе мнѣ жалуетъ шубу съ своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дѣло не спорить и слушаться.

«Бога ты не боишься, разбойникъ!»—отвѣчалъ ему Савелъичь сердитымъ голосомъ. «Ты видишь, что дитя еще не смыслитъ, а ты и радъ его обобрать, простоты его ради. За чѣмъ тебѣ барскій тулупчикъ? Ты и не напялишь его на свои окаянныя плечища.»

—Прошу не умничать,—сказалъ я своему дядькѣ; сей-часъ неси сюда тулупъ.

«Господи владыко!» простоналъ мой Савельичь.— «Заячій тулупъ почти новешенькій! И добро бы кому, а то пьяницѣ оголѣлому!»

Однако заячій тулупъ явился. Мужичокъ тутъ же сталъ его примѣривать. Въ самомъ дѣлѣ тулупъ, изъ котораго успѣлъ и я вырости, былъ немножко для него узокъ. Однако онъ кое-какъ умудрился, и надѣлъ его, распоровъ по швамъ. Савельичь чуть не завылъ, услышавъ, какъ нитки затрещали. Бродяга былъ чрезвычайно доволенъ моимъ подаркомъ. Онъ проводилъ меня до кибитки и сказалъ съ низкимъ поклономь: «Спасибо, ваше благородіе! Награди васъ Господь за вашу добродѣтель. Вѣкъ не забуду вашихъ милостей».—Онъ пошелъ въ свою сторону, а я отправился далѣе, не обращая вниманія на досаду Савельича, и скоро позабылъ о вчерашней вьюгѣ, о своемъ вожатомъ и о заячьемъ тулупѣ.

Пріѣхавъ въ Оренбургъ, я прямо явился къ генералу. Я увидѣлъ мужчину роста высокаго, но уже сгорбленнаго старостію. Длинные волосы его были совсѣмъ бѣлы. Старый полинялый мундиръ напоминалъ воина временъ Анны Іоанновны, а въ его рѣчи сильно отзывался Нѣмецкій выговоръ. Я подалъ ему письмо отъ батюшки. При имени его, онъ взглянулъ на меня быстро: «Поже мой!» сказалъ онъ. «Тавно-ли, кажется, Андрей Петровичь былъ еще твоихъ лѣтъ; а теперь вотъ ушь какой у него молотецъ! Ахъ, фремя, фремя!»—Онъ распечаталъ письмо и сталъ читать его въ полголоса, дѣлая свои замѣчанія: «Милостивый государь Иванъ Карловичь, надѣюсь что ваше превосходительство»....... Это что за серемоніи? Фуй, какъ ему не софѣстно! Конечно: дисциплина перво дѣло, но такъ ли пи-

шутъ къ старому камрадъ?.... «ваше превосходительство не забыло».... гм....«и.... когда... покойнымъ фельдмаршаломъ Мин..... походѣ... также и... Каролинку».... Эхе, брудеръ! такъ онъ еше помнитъ стары наши проказъ? «Теперь о дѣлѣ.... Къ вамъ моего повѣсу».... гм....«держать въ ежевыхъ рукавицахъ».... Что такое ешевы рукавицъ? Это должно быть Русска поговоркъ... Что такое держать въ ешевыхъ рукавицахъ?»—повторилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

—Это значитъ,—отвѣчалъ я ему съ видомъ какъ можно болѣе невиннымъ,—обходиться ласково, не слишкомъ строго, давать побольше воли, держать въ ежевыхъ рукавицахъ.

«Гм, понимаю....«и не давать ему воли».... нѣтъ, видно ешевы рукавицы значитъ не то....«При семъ .... его паспортъ».. Гдѣжь онъ? А, вотъ....«Отписать въ Семеновскій».... Хорошо, хорошо: все будетъ сдѣлано.... «Позволишь безъ чиновъ обнять себя и....старымъ товарищемъ и другомъ» — а! наконецъ догадался.... и прочая и прочая.... Ну, батюшка» — сказалъ онъ, прочитавъ письмо и отложивъ въ сторону мой паспортъ — «все будетъ сдѣлано: ты будешь офицеромъ переведенъ въ *** полкъ, и чтобъ тебѣ времени не терять, то завтра же поѣзжай въ Бѣлогорскую крѣпость, гдѣ ты будешь въ командѣ капитана Миронова, добраго и честнаго человѣка. Тамъ ты будешь на службѣ настоящей, научишься дисциплинѣ. Въ Орен-

бургѣ дѣлать тебѣ нечего; разсѣяніе вредно молодому человѣку. А сегодня милости просимъ отобѣдать у меня.»

Часъ отъ часу не легче! подумалъ я про себя: къ чему послужило мнѣ то, что почти въ утробѣ матери, я былъ уже гвардіи сержантомъ! Куда это меня завело? Въ *** полкъ и въ глухую крѣпость на границу Киргизъ-Кайсацкихъ степей!... Я отобѣдалъ у Андрея Карловича, втроемъ съ его старымъ адъютантомъ. Строгая Нѣмецкая экономія царствовала за его столомъ, и я думаю, что страхъ видѣть иногда лишняго гостя за своею холостою трапезою былъ отчасти причиною поспѣшнаго удаленія моего въ гарнизонъ. На другой день я простился съ генераломъ и отправился къ мѣсту моего назначенія.

ГЛАВА III.

КРѢПОСТЬ.

Мы въ фортеціи живемъ,
Хлѣбъ ѣдимъ и воду пьемъ;
А какъ лютые враги
Придутъ къ намъ на пироги,
Зададимъ гостямъ пирушку:
Зарядимъ картечью пушку.

Солдатская пѣсня.

Старинные люди, мой батюшка.

Недоросль.

Бѣлогорская крѣпость находилась въ сорока верстахъ отъ Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Рѣка еще не замерзала, и ея свинцовыя волны грустно чернѣли въ однообразныхъ берегахъ, покрытыхъ бѣлымъ снѣгомъ. За ними простирались Киргиз-

скія степи. Я погрузился въ размышленія, большею частію печальныя. Гарнизонная жизнь мало имѣла для меня привлекательности. Я старался вообразить себѣ капитана Миронова, моего будущаго начальника, и представлялъ его строгимъ, сердитымъ старикомъ, не знающимъ ничего, кромѣ своей службы, и готовымъ за всякую бездѣлицу сажать меня подъ арестъ на хлѣбъ и на воду. Между тѣмъ началс смеркаться. Мы ѣхали довольно скоро. Далече ли до крѣпости?—спросилъ я у своего ямщика.—«Недалече»—отвѣчалъ онъ. «Вонъ ужь видна».—Я глядѣлъ во всѣ стороны, ожидая увидѣть грозные бастіоны башни и валъ; но ничего не видалъ, кромѣ деревушки, окруженной бревенчатымъ заборомъ. Съ одной стороны стояли три или четыре скирда сѣна, полузанесенные снѣгомъ; съ другой скривившаяся мѣльница, съ лубочными крыльями, лѣниво опущенными. Гдѣ же крѣпость?—спросилъ я съ удивленіемъ.—«Да вотъ она»—отвѣчалъ ямщикъ, указывая на деревушку, и съ этимъ словомъ мы въ нее въѣхали. У воротъ увидѣлъ я старую чугунную пушку; улицы были тѣсны и кривы; избы низки и большею частію покрыты соломою. Я велѣлъ ѣхати къ коменданту, и черезъ минуту кибитка остановилась передъ деревяннымъ домикомъ, выстроеннымъ на высокомъ мѣстѣ, близъ деревянной ж церкви.

Никто не встрѣтилъ меня. Я пошелъ въ сѣни и отворилъ дверь въ переднюю. Старый инвалидъ, сидя на столѣ, нашивалъ синюю заплату на локот

зеленаго мундира. Я велѣлъ ему доложить обо мнѣ. «Войди, батюшка»—отвѣчалъ инвалидъ; «наши дома.» Я вошелъ въ чистенькую комнатку, убранную по-старинному. Въ углу стоялъ шкафъ съ посудой; на стѣнѣ висѣлъ дипломъ офицерскій за стекломъ и въ рамкѣ; около него красовались лубочныя картинки, представляющія взятіе Кистрина и Очакова, также выборъ невѣсты и погребеніе кота. У окна сидѣла старушка въ тѣлогрѣйкѣ и съ платкомъ на головѣ. Она разматовала нитки, которыя держалъ, распяливъ на рукахъ, кривой старичокъ въ офицерскомъ мундирѣ. «Что вамъ угодно, батюшка?»—спросила она, продолжая свое занятіе. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ на службу и явился по долгу своему къ господину капитану, и съ этимъ словомъ обратился-было къ кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мною рѣчь. «Ивана Кузмича дома нѣтъ»—сказала она; «онъ пощелъ въ гости къ отцу Герасиму; да все равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка.» Она кликнула дѣвку и велѣла ей позвать урядника. Старичокъ своимъ одинокимъ глазомъ поглядывалъ на меня съ любопытствомъ. «Смѣю спросить» — сказалъ онъ; «вы въ какомъ полку изволили служить?» Я удовлетворилъ его любоыптству. «А смѣю спросить» — продолжалъ онъ, «за чѣмъ изволили вы перейти изъ гвардіи въ гарнизонъ?» Я отвѣчалъ, что такова была воля начальства. «Чаятельно, за неприличные гвардіи офицеру поступки» — продолжалъ неутомимый вопрошатель.—«Полно врать пустяки»—

сказала ему капитанша—«ты видишь, молодой человѣкъ съ дороги усталъ; ему не до тебя . . . . (держи-ка руки прямѣе . . . .). А ты, мой батюшка»—продолжала она, обращаясь ко мнѣ—«не печалься, что тебя упекли въ наше захолустье. Не ты первый, не ты послѣдній. Стерпится, слюбится. Швабринъ Алексѣй Иванычь вотъ ужь пятый годъ какъ къ намъ переведенъ за смертоубійство. Богъ знаетъ, какой грѣхъ его попуталъ; онъ, изволишь видѣть, поѣхалъ за городъ съ однимъ поручикомъ, да взяли съ собою шпаги, да и ну другъ въ друга пырять; а Алексѣй Иванычь и закололъ поручика, да еще при двухъ свидѣтеляхъ! Что прикажешь дѣлать? На грѣхъ мастера нѣтъ.»

Въ эту минуту вошелъ урядникъ, молодой и статный казакъ. «Максимычь!»—сказала ему капитанша.—«Отведи г. офицеру квартиру, да почище.»—«Слушаю, Василиса Егоровна,—отвѣчалъ урядникъ.—Не помѣстить ли его благородіе къ Ивану Полежаеву?»—«Врешь, Максимычь»—сказала капитанша: «у Полежаева и такъ тѣсно; онъ же мнѣ кумъ, и помнитъ, что мы его начальники. Отведи г. офицера. . . какъ ваше имя и отчество, мой батюшка?»—Петръ Андреичь. — «Отведи Петра Андреича къ Семену Кузову. Онъ, мошенникъ, лошадь свою пустилъ ко мнѣ въ огородъ. Ну что, Максимычь, все ли благополучно?»

—Все, слава Богу, тихо,—отвѣчалъ казакъ;—только капралъ Прохоровъ подрался въ банѣ съ Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

«Иванъ Игнатьичь!»—сказала капитанша кривому старичку.—«Разбери Прохорова съ Устиньей, кто правъ кто виноватъ. Да обоихъ и накажи. Ну, Максимычь, ступай себѣ съ Богомъ. Петръ Андреичь, Максимычь отведетъ васъ на вашу квартиру.»

Я откланялся. Урядникъ привелъ меня въ избу, стоявшую на высокомъ берегу рѣки, на самомъ краю крѣпости. Половина избы занята была семьею Семена Кузова, другую отвели мнѣ. Она состояла изъ одной горницы довольно опрятной, раздѣленной надвое перегородкой. Савельичь сталъ въ ней распоряжаться; я сталъ глядѣть въ узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло нѣсколько избушекъ; по улицѣ бродило нѣсколько курицъ. Старуха, стоя на крыльцѣ съ корытомъ, кликала свиней, которыя отвѣчали ей дружелюбнымъ хрюканьемъ. И вотъ въ какой сторонѣ осужденъ я былъ проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошелъ отъ окошка и легъ спать безъ ужина, не смотря на увѣщанія Савельича, который повторялъ съ сокрушеніемъ: «Господи Владыко! ничего кушать не изволитъ! Что скажетъ барыня, коли дитя занеможетъ?»

На другой день по утру я только-что сталъ одѣваться, какъ дверь отворилась и ко мнѣ вошелъ молодой офицеръ невысокаго роста, съ лицемъ смуглымъ и отмѣнно некрасивымъ, но чрезвычайно живымъ. «Извините меня»—сказалъ онъ мнѣ по-Французски— «что я безъ церемоніи прихожу съ вами познакомить-

ся. Вчера узналъ я о вашемъ пріѣздѣ; желаніе увидѣть наконецъ человѣческое лице такъ овладѣло мною что я не вытерпѣлъ. Вы это поймете, когда проживете здѣсь еще нѣсколько времени.»—Я догадался что это былъ офицеръ, выписанный изъ гвардіи за поединокъ. Мы тотчасъ познакомились. Швабринъ былъ очень не глупъ. Разговоръ его былъ остеръ и занимателенъ. Онъ съ большой веселостію описалъ мнѣ семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смѣялся отъ чистаго сердца, какъ вошелъ ко мнѣ тотъ самый инвалидъ, который чистилъ мундиръ въ передней коменданта, и отъ имени Василисы Егоровны позвалъ меня къ нимъ обѣдать. Швабринъ вызвался идти со мною вмѣстѣ.

Подходя къ комендантскому дому, мы увидѣли на площадкѣ человѣкъ двадцать старенькихъ инвалидовъ съ длинными косами и въ треугольныхъ шляпахъ. Они выстроены были во фрунтъ. Впереди стоялъ комендантъ, старикъ бодрый и высокаго роста, въ колпакѣ и въ китайчатомъ халатѣ. Увидя насъ, онъ къ намъ подошелъ, сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ, и сталъ опять командовать. Мы остановились-было смотрѣть на ученіе; но онъ просилъ насъ идти къ Василисѣ Егоровнѣ, обѣщаясь быть вслѣдъ за нами. «А здѣсь»—прибавилъ онъ—«нечего вамъ смотрѣть.»

Василиса Егоровна приняла насъ запросто и радушно, и обошлась со мною какъ бы вѣкъ была знакома. Инвалидъ и Палашка накрывали столъ. «Что это мой

Иванъ Кузмичь сегодня такъ заучился!»—сказала комендантша. «Палашка, позови барина обѣдать. Да гдѣ же Маша?»—Тутъ вошла дѣвушка лѣтъ осьмнадцати, круглолицая, румяная, съ свѣтлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши, которыя у ней такъ и горѣли. Съ перваго взгляда она не очень мнѣ понравилась. Я смотрѣлъ на нее съ предубѣжденіемъ: Швабринъ описалъ мнѣ Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна сѣла въ уголъ и стала шить. Между тѣмъ подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за нимъ Палашку. «Скажи барину: гости-де ждутъ, щи простынутъ; слава Богу, ученье не уйдетъ; успѣетъ накричаться.»—Капитанъ вскорѣ явился, сопровождаемый кривымъ старичкомъ. «Что это, мой батюшка?»—сказала ему жена «Кушанье давнымъ-давно подано, а тебя не дозовешься.»—А слышь ты, Василиса Егоровна,—отвѣчалъ Иванъ Кузмичь,—я былъ занятъ службой: солдатушекъ училъ.

«И, полно!»—возразила капитанша.—«Только слава, что солдатъ учишь: ни имъ служба не дается, ни ты въ ней толку не вѣдаешь. Сидѣлъ бы дома, да Богу молился, такъ было бы лучше. Дорогіе гости, милости просимъ за столъ.»

Мы сѣли обѣдать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, гдѣ живутъ и каково ихъ состояніе? Услыша, что у батюшки триста душъ крестьянъ, «легко ли!»—сказала она; «вѣдь есть

же на свѣтѣ богатые люди! А у насъ, мой батюшка, всего-то душъ одна дѣвка Палашка; да слава Богу, живемъ по маленьку. Одна бѣда: Маша; дѣвка на выданьи, а какое у ней приданое? частый гребень, да вѣникъ, да алтынъ денегъ (прости Богъ!) съ чѣмъ въ баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человѣкъ; а то сиди себѣ въ дѣвкахъ вѣковѣчной невѣстою.»—Я взглянулъ на Марью Ивановну; она вся покраснѣла, и даже слезы капнули на ея тарелку. Мнѣ стало жаль ея, и я спѣшилъ перемѣнить разговоръ. Я слышалъ,—сказалъ я довольно некстати,—что на вашу крѣпость собираются напасть Башкирцы. «Отъ кого, батюшка, ты изволилъ это слышать?»—спросилъ Иванъ Кузмичь. —Мнѣ такъ сказывали въ Оренбургѣ,—отвѣчалъ я. «Пустяки!»—сказалъ комендантъ. «У насъ давно ничего не слыхать. Башкирцы—народъ напуганный, да и Киргизцы проучены. Не бось, на насъ не сунутся; а насунутся, такъ я такую задамъ острастку, что лѣтъ на десять угомоню.»—И вамъ не страшно,—продолжалъ я, обращаясь къ капитаншѣ,—оставаться въ крѣпости, подверженной такимъ опасностямъ?—«Привычка, мой батюшка»—отвѣчала она «Тому лѣтъ двадцать какъ насъ изъ полка перевели сюда, и не приведи Господи какъ я боялась проклятыхъ этихъ нехристей! Какъ завижу, бывало рысьи шапки, да какъ заслышу ихъ визгъ, вѣришь ли, отецъ мой, сердце такъ и замретъ! А теперь такъ привыкла, что и съ мѣста не тронусь какъ придутъ намъ сказать, что злодѣи около крѣпости рыщутъ.»

— Василиса Егоровна прехрабрая дама — замѣтилъ важно Швабринъ. — Иванъ Кузмичь можетъ это засвидѣтельствовать.

«Да, слышь ты,»—сказалъ Иванъ Кузмичь; «баба-то не робкаго десятка.»

—А Марья Ивановна?—спросилъ я; также ли смѣла, какъ и вы?

«Смѣла ли Маша?»—отвѣчала ея мать. «Нѣтъ, Маша трусиха. До сихъ поръ не можетъ слышать выстрѣла изъ ружья: такъ и затрепещется. А какъ тому два года Иванъ Кузмичь выдумалъ въ мои имянины палить изъ нашей пушки, такъ она, моя голубушка, чуть со страха на тотъ свѣтъ не отправилась. Съ тѣхъ поръ ужь и не палимъ изъ проклятой пушки.»

Мы встали изъ-за стола. Капитанъ съ капитанmeю отправились спать; а я пошелъ къ Швабрину, съ которымъ и провелъ цѣлый вечеръ.

ГЛАВА IV.

ПОЕДИНОКЪ.

—Инъ изволь и стань же въ позитуру.
Посмотришь, проколю какъ я твою фигуру!

Княжнинъ.

—

Прошло нѣсколько недѣль, и жизнь моя въ Бѣлогорской крѣпости сдѣлалась для меня не только сносною, но даже и пріятною. Въ домѣ коменданта былъ я принятъ какъ родной. Мужъ и жена были люди самые почтенные. Иванъ Кузмичь, вышедшій въ офицеры изъ солдатскихъ дѣтей, былъ человѣкъ необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его имъ управляла, что согласовалось съ его безпечностію. Василиса Егоровна и на дѣла службы

смотрѣла какъ на свои хозяйскія, и управляла крѣпостію такъ точно, какъ и своимъ домкомъ. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я въ ней нашелъ благоразумную и чувствительную дѣвушку. Незамѣтнымъ образомъ я привязался къ доброму семейству, даже къ Ивану Игнатьичу, кривому гарнизонному поручику, о которомъ Швабринъ выдумалъ, будто бы онъ былъ въ непозволительной связи съ Василисой Егоровной, что не имѣло и тѣни правдоподобія; но Швабринъ о томъ не безпокоился.

Я былъ произведенъ въ офицеры. Служба меня не отягощала. Въ богоспасаемой крѣпости не было ни смотровъ, ни ученій, ни карауловъ. Комендантъ по собственной охотѣ училъ иногда своихъ солдатъ; но еще не могъ добиться, чтобы всѣ они знали, которая сторона правая, которая лѣвая. У Швабрина было нѣсколько Французскихъ книгъ. Я сталъ читать, и во мнѣ пробудилась охота къ литтературѣ. По утрамъ я читалъ, упражнялся въ переводахъ, а иногда и въ сочиненіи стиховъ. Обѣдалъ почти всегда у коменданта, гдѣ обыкновенно проводилъ остатокъ дня, и куда вечеромъ иногда являлся отецъ Герасимъ съ женою Акулиной Памфиловной, первою вѣстовщицею во всемъ околодкѣ. Съ А. И. Швабринымъ, разумѣется, видѣлся я каждый день; но часъ отъ часу бесѣда его становилась для меня менѣе пріятною. Всегдашнія шутки его насчетъ семьи коменданта мнѣ очень не нравились, особенно колкія замѣчанія о Марьѣ Ивано-

внѣ. Другаго общества въ крѣпости не было; н
я другаго и не желалъ.

Не смотря на предсказанія, Башкирцы не во
мущались. Спокойствіе царствовало вокругъ на
шей крѣпости. Но миръ былъ прерванъ незап
нымъ междоусобіемъ.

Я ужь сказывалъ, что я занимался литтературо
Опыты мои, для тогдашняго времени, были и
рядны, и Александръ Петровичь Сумароковъ, н
сколько лѣтъ послѣ, очень ихъ похвалялъ. Однаж
ды удалось мнѣ написать пѣсенку, которой былъ
доволенъ. Извѣстно, что сочинители иногда, под
видомъ требованія совѣтовъ, ищутъ благосклонна
слушателя. И такъ, переписавъ мою пѣсенку, я п
несъ ее къ Швабрину, который одинъ во всей кр
пости могъ оцѣнить произведеніе стихотворца. П
слѣ маленькаго предисловія, вынулъ я изъ карма
свою тетрадку и прочелъ ему слѣдующіе стишки

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть.
И ахъ, Машу избѣгая,
Мышлю вольность получить!

Но глаза, что мя плѣнили,
Всеминутно предо мной;
Они духъ во мнѣ смутили,
Сокрушили мой покой.

Ты, узнавъ мои напасти,
Сжалься, Маша, надо мной;
Зря меня въ сей лютой части,
И что я плѣненъ тобой.

Какъ ты это находишь?—спросилъ я Швабрина, кидая похвалы, какъ дани, мнѣ непремѣнно слѣдущей. Но къ великой моей досадѣ, Швабринъ, обыкевенно снисходительный, рѣшительно объявилъ, го пѣсня моя нехороша.

Почему такъ?—спросилъ я его, скрывая свою доду.

«Потому» — отвѣчалъ онъ—«что такіе стихи доойны учителя моего, Василья Кирилыча Тредьковскаго и очень напоминаютъ мнѣ его любовные уплетцы.

Тутъ онъ взялъ отъ меня тетрадку и началъ немилосердо разбирать каждый стихъ и каждое слово, дѣваясь надо мной самымъ колкимъ образомъ. Я вытерпѣлъ, вырвалъ изъ рукъ его мою тетрадку сказалъ, что ужь отроду не покажу ему своъ сочиненій. Швабринъ посмѣялся и надъ этой розою.—«Посмотримъ сказалъ онъ—« сдержишь ли свое слово: стихотворцамъ нуженъ слушатель, къ Ивану Кузмичу графинчикъ водки передъ обѣмъ. А кто эта Маша, передъ которой изъясняешь въ нѣжной страсти и въ любовной напасти? Ужь Марья ль Ивановна?»

—Не твое дѣло—отвѣчалъ я нахмурясь,—кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнѣнія ни твоихъ догадокъ.

«Ого! Самолюбивый стихотворецъ и скромный любовникъ!»—продолжалъ Швабринъ, часъ отъ часу болѣе раздражая меня;—«но послушай дружескаго совѣта: коли ты хочешь успѣть, то совѣтую дѣйствовать не пѣсенками.»

—Что это, сударь, значитъ? Изволь объясниться

«Съ охотою. Это значитъ, что ежели хочешь чтобъ Маша Миронова ходила къ тебѣ въ сумерки то вмѣсто нѣжныхъ стишковъ подари ей пару серегъ.

Кровь моя закипѣла. А почему ты объ ней такого мнѣнія?—спросилъ я, съ трудомъ удерживая свое негодованіе.

«А потому, отвѣчалъ онъ съ адской усмѣшкою,»—«что знаю по опыту ея нравъ и обычай.»

—Ты лжешь, мерзавецъ!—вскричалъ я въ бѣшенствѣ,—ты лжешь самымъ безстыднымъ образомъ.

Швабринъ перемѣнился въ лицѣ. «Это тебѣ такъ не пройдетъ»—сказалъ онъ, стиснувъ мнѣ руку. «Вы мнѣ дадите сатисфакцію.»

—Изволь; когда хочешь! —отвѣчалъ я обрадовавшись. Въ эту минуту я готовъ былъ растерзать его

Я тотчасъ отправился къ Ивану Игнатьичу, и засталъ его съ иголкою въ рукахъ: по препорученію комендантши, онъ нанизывалъ грибы для сушенья на зиму. «А, Петръ Андреичь!»—сказалъ онъ увидя меня; «добро пожаловать! Какъ это васъ Богъ принесъ? по какому дѣлу, смѣю спросить?» Я въ короткихъ словахъ объяснилъ ему, что я поссорился съ Алексѣемъ Иванычемъ, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моимъ секундантомъ. Иванъ Игнатьичь выслушалъ меня со вниманіемъ, вытараща на меня свой единственный глазъ. «Вы изволите говорить»—сказалъ онъ мнѣ—«что хотите Алексѣя Иваныча заколоть и желаете, чтобъ я при томъ былъ свидѣтелемъ? Такъ-ли? смѣю спросить.»

—Точно такъ.

«Помилуйте, Петръ Андреичь! Что это вы затѣяли! Вы съ Алексѣемъ Иванычемъ побранились? Велика бѣда! Брань на вороту не виснетъ. Онъ васъ побранилъ, а вы его выругайте; онъ васъ въ рыло, а вы его въ ухо, въ другое, въ третье — и разойдитесь; а мы васъ ужъ помиримъ. А то: доброе ли дѣло заколоть своего ближняго, смѣю спросить? И добро бъ ужъ закололи вы его: Богъ съ нимъ, съ Алексѣемъ Иванычемъ; я и самъ до него не охотникъ. Ну, а если онъ васъ просверлитъ? На что это будетъ похоже? Кто будетъ въ дуракахъ, смѣю спросить?»

Разсужденія благоразумнаго поручика не поколебали меня. Я остался при своемъ намѣреніи. «Какъ

вамъ угодно»—сказалъ Иванъ Игнатьичъ; «дѣлайте, какъ разумѣете. Да за чѣмъ же мнѣ тутъ быть свидѣтелемъ? Къ какой стати? Люди дерутся; что за невидальщина, смѣю спросить? Слава Богу, ходилъ я подъ Шведа и подъ Турку: всего насмотрѣлся.»

Я кое-какъ сталъ изъяснять ему должность секунданта, но Иванъ Игнатьичь никакъ не могъ меня понять. «Воля ваша»— сказалъ онъ. «Коли ужь мнѣ и вмѣшаться въ это дѣло, такъ развѣ пойти къ Ивану Кузмичу да донести ему по долгу службы, что въ фортеціи умышляется злодѣйствіе противное казенному интересу: не благоугодно ли будетъ господину коменданту принять надлежащія мѣры»....

Я испугался и сталъ просить Ивана Игнатьича ничего не сказывать коменданту; насилу его уговорилъ; онъ далъ мнѣ слово, и я рѣшился отъ него отступиться

Вечеръ провелъ я, по обыкновенію своему, у коменданта. Я старался казаться веселымъ и равнодушнымъ, дабы не подать никакого подозрѣнія и избѣгнуть докучныхъ вопросовъ; но признаюсь, я не имѣлъ того хладнокровія, которымъ хвалятся почти всегда тѣ, которые находились въ моемъ положеніи. Въ этотъ вечеръ я расположенъ былъ къ нѣжности и къ умиленію. Марья Ивановна нравилась мнѣ болѣе обыкновеннаго. Мысль, что, можетъ быть, вижу ее въ послѣдній разъ, придавала ей въ моихъ глазахъ что-то трогательное. Швабринъ явился тутъ же. Я

отвелъ его въ сторону, и увѣдомилъ его о своемъ разговорѣ съ Иваномъ Игнатьичемъ. «Зачѣмъ намъ секунданты сказалъ онъ мнѣ сухо: «безъ нихъ обойдемся.» Мы условились драться за скирдами, что находились подлѣ крѣпости, и явиться туда на другой день въ седьмомъ часу утра. Мы разговаривали, по видимому, такъ дружелюбно, что Иванъ Игнатьичь отъ радости проболтался. «Давно бы такъ»— сказалъ онъ мнѣ съ довольнымъ видомъ; «худой миръ лучше доброй ссоры, а и не честенъ такъ здоровъ.»

«Что, что. Иванъ Игнатьичь?»—сказала комендантша, которая въ углу гадала въ карты; «я не вслушалась.»

Иванъ Игнатьичь, замѣтивъ во мнѣ знаки неудовольствія и вспомня свое обѣщаніе, смутился и не зналъ, что отвѣчать. Швабринъ подоспѣлъ къ нему на помощь.»

«Иванъ Игнатьичь»—сказалъ онъ—«ободряетъ нашу мировую.

—А съ кѣмъ это, мой батюшка, ты ссорился?

«Мы было поспорили довольно крупно съ Петромъ Андреичемъ.»

—За что такъ?

«За сущую бездѣлицу: за пѣсенку, Василиса Егоровна.»

—Нашли за что ссориться! за пѣсенку!.. да какъ же это случилось?

«Да вотъ какъ: Петръ Андреичъ сочинилъ недавно пѣсню и сегодня запѣлъ ее при мнѣ, а я затянулъ мою любимую:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять въ полночь.

Вышла разладица. Петръ Андреичъ было и разсердился; но потомъ разсудилъ, что всякъ воленъ пѣть, что кому угодно. Тѣмъ и дѣло кончилось.»

Безстыдство Швабрина чуть меня не взбѣсило; но никто, кромѣ меня, не понялъ грубыхъ его оби-няковъ; по крайней мѣрѣ, никто не обратилъ на нихъ вниманія. Отъ пѣсенокъ разговоръ обратился къ стихотворцамъ, и комендантъ замѣтилъ, что всѣ они люди безпутные и горькіе пьяницы, и дружески совѣтовалъ мнѣ оставить стихотворство, какъ дѣло службѣ противное и ни къ чему доброму не доводящее.

Присутствіе Швабрина было мнѣ несносно. Я скоро простился съ комендантомъ и съ его семействомъ; пришедъ домой, осмотрѣлъ свою шпагу, попробовалъ ея конецъ, и легъ спать, приказавъ Савельичу разбудить меня въ седьмомъ часу.

На другой день въ назначенное время я стоялъ уже за скирдами, ожидая моего противника. Вскорѣ и онъ явился. «Насъ могутъ застать»—сказалъ он

мнѣ; «надобно поспѣшить.» Мы сняли мундиры, остались въ однихъ камзолахъ и обнажили шпаги. Въ эту минуту изъ-за скирда вдругъ появился Иванъ Игнатьичъ и человѣкъ пять инвалидовъ. Онъ потребовалъ насъ къ коменданту. Мы повиновались съ досадою; солдаты насъ окружили, и мы отправились въ крѣпость вслѣдъ за Иваномъ Игнатьичемъ, который велъ насъ въ торжествѣ, шагая съ удивительной важностію.

Мы вошли въ комендантскій домъ. Иванъ Игнатьичь отворилъ двери, провозгласивъ торжественно: «привелъ!» Насъ встрѣтила Василиса Егоровна. «Ахъ, мои батюшки! На что это похоже? какъ? что? въ нашей крѣпости заводить смертоубійство! Иванъ Кузмичь, сей часъ ихъ подъ арестъ! Петръ Андреичь! Алексѣй Иванычь! подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги въ чуланъ. Петръ Андреичь! Этого я отъ тебя не ожидала. Какъ тебѣ не совѣстно? Добро Алексѣй Иванычь: онъ за душегубство и изъ гвардіи выписанъ, онъ и въ Господа Бога не вѣруетъ; а ты-то что? туда же лѣзешь?»

Иванъ Кузмичь вполнѣ соглашался съ своею супругою и приговаривалъ: «А слышь ты, Василиса Егоровна правду говоритъ. Поединки формально запрещены въ воинскомъ артикулѣ.» Между тѣмъ Палашка взяла у насъ наши шпаги и отнесла въ чуланъ. Я не могъ не засмѣяться. Швабринъ сохранилъ свою важность. «При всемъ моемъ уваженіи

къ вамъ»—сказалъ онъ ей хладнокровно—«не могу
замѣтить, что напрасно вы изволите безпокоить
подвергая насъ вашему суду. Предоставьте это Ива
Кузмичу: это его дѣло».—Ахъ, мой батюшка!—воз
зила комендантша;—да развѣ мужъ и жена не еди
духъ и едина плоть? Иванъ Кузмичь! Чтó ты зѣ
ешь? Сей часъ разсади ихъ по разнымъ угламъ
хлѣбъ да на воду, чтобъ у нихъ дурь-то прош
да пусть отецъ Герасимъ наложитъ на нихъ эпи
мію, чтобъ молили у Бога прощенія, да каял
передъ людьми.

Иванъ Кузмичь не зналъ, на что рѣшиться. Мар
Ивановна была чрезвычайно блѣдна. Мало по ма
буря утихла; комендантша успокоилась и застави
насъ другъ друга поцѣловать. Палашка принес
намъ наши шпаги. Мы вышли отъ коменданта,
видимому, примиренные. Иванъ Игнатьичь насъ
провождалъ.—Какъ вамъ не стыдно было—сказа
я ему сердито—доносить на насъ коменданту пос
того, какъ дали мнѣ слово того не дѣлать?—«Ка
Богъ святъ, я Ивану Кузмичу того не говорилъ»—
вѣчалъ онъ; «Василиса Егоровна вывѣдала все
меня. Она всѣмъ и распорядилась безъ вѣдома
менданта. Впрочемъ, слава Богу, что все такъ к
чилось.» Съ этимъ словомъ онъ повернулъ домой,
Швабринъ и я остались наединѣ. Наше дѣло эти
кончиться не можетъ — сказалъ я ему. «Коне
но»—отвѣчалъ Швабринъ; «вы своею кровью буде
отвѣчать мнѣ за вашу дерзость; но за нами вѣ
ятно станутъ присматривать. Нѣсколько дней на

должно будетъ притворяться. До свиданія!» — И мы разстались, какъ ни въ чемъ не бывали.

Возвратясь къ коменданту, я по обыкновенію своему подсѣлъ къ Марьѣ Ивановнѣ. Ивана Кузмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйствомъ. Мы разговаривали въ полголоса. Марья Ивановна съ нѣжностію выговаривала мнѣ за безпокойство, причиненное всѣмъ моею ссорою съ Швабринымъ. «Я такъ и обмерла» — сказала она — «когда сказали намъ, что вы намѣрены биться на шпагахъ. Какъ мужчины странны! За одно слово, о которомъ черезъ недѣлю вѣрно бъ они позабыли, они готовы рѣзаться и жертвовать не только жизнію, но и совѣстію и благополучіемъ тѣхъ, которые... Но я увѣрена, что не вы зачинщикъ ссоры. Вѣрно виноватъ Алексѣй Иванычь.»

—А почему же вы такъ думаете, Марья Ивановна?

«Да такъ... онъ такой насмѣшникъ! Я не люблю Алексѣя Иваныча. Онъ очень мнѣ противенъ; а странно: ни за что бъ я не хотѣла, чтобъ и я ему также не нравилась. Это меня безпокоило бы страхъ.»

—А какъ вы думаете, Марья Ивановна? Нравитесь ли вы ему, или нѣтъ?

Марья Ивановна заикнулась и покраснѣла. «Мнѣ кажется» — сказала она, «я думаю, что нравлюсь».

—Почему же вамъ такъ кажется?

«Потому что онъ за меня сватался.»

—Сватался! Онъ за васъ сватался? Когда же?

«Въ прошломъ году. Мѣсяца два до вашего пріѣзда.»

—И вы не пошли?

«Какъ изволите видѣть. Алексѣй Иванычь конечно человѣкъ умный, и хорошей фамиліи, и имѣетъ состояніе; но какъ подумаю, что надобно будетъ подъ вѣнцомъ при всѣхъ съ нимъ поцѣловаться.... Ни за что! ни за какія благополучія!»

Слова Марьи Ивановны открыли мнѣ глаза и объяснили мнѣ многое. Я понялъ упорное злорѣчіе, которымъ Швабринъ ее преслѣдовалъ. Вѣроятно, замѣчалъ онъ нашу взаимную склонность и старался отвлечь насъ другъ отъ друга. Слова, подавшія поводъ къ нашей ссорѣ, показались мнѣ еще болѣе гнусными, когда вмѣсто грубой и непристойной насмѣшки, увидѣлъ я въ нихъ обдуманную клевету. Желаніе наказать дерзкаго злоязычника сдѣлалось во мнѣ еще сильнѣе, и я съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать удобнаго случая.

Я дожидался не долго. На другой день, когда сидѣлъ я за элегіей и грызъ перо въ ожиданіи риѳмы, Швабринъ постучался подъ моимъ окошкомъ. Я оставилъ перо, взялъ шпагу и къ нему вышелъ. «Зачѣмъ откладывать?»—сказалъ мнѣ Швабринъ; «за

нами не смотрятъ. Сойдемъ къ рѣкѣ. Тамъ никто намъ не помѣшаетъ. Мы отправились, молча. Спустясь по крутой тропинкѣ, мы остановились у самой рѣки и обнажили шпаги. Швабринъ былъ искуснѣе меня, но я сильнѣе и смѣлѣе, и monsieur Бопре, бывшій нѣкогда солдатомъ, далъ мнѣ нѣсколько уроковъ въ фехтованіи, которыми я и воспользовался. Швабринъ не ожидалъ найти во мнѣ столь опаснаго противника. Долго мы не могли сдѣлать другъ другу никакого вреда; наконецъ, примѣтя, что Швабринъ ослабѣваетъ, я сталъ съ живостію на него наступать и загналъ его почти въ самую рѣку. Вдругъ услышалъ я свое имя, громко произнесенное. Я оглянулся, и увидѣлъ Савельича, сбѣгающаго ко мнѣ по нагорной тропинкѣ . . . . Въ это самое время меня сильно кольнуло въ грудь пониже праваго плеча; я упалъ и лишился чувствъ.

ГЛАВА V.

ЛЮБОВЬ.

Ахъ ты дѣвка, дѣвка красная!
Не ходи, дѣвка, молода замужъ;
Ты спроси, дѣвка, отца, матери,
Отца, матери, роду племени;
Накопи, дѣвка, ума-разума,
Ума-разума, приданова.

Пѣсня народная.

Буде лучше меня найдешь, позабудешь,
Если хуже меня найдешь, воспомянешь.

То же.

—

Очнувшись, я нѣсколько времени не могъ опо мниться и не понималъ, чтó со мною сдѣлалось. Я лежалъ на кровати, въ незнакомой горницѣ, и чув ствовалъ большую слабость. Передо мною стоялъ Савельичь со свѣчкою въ рукахъ. Кто-то бережн развивалъ перевязи, которыми грудь и плечо был

у меня стянуты. Мало по малу мысли мои прояснились. Я вспомнилъ свой поединокъ, и догадался, что былъ раненъ. Въ эту минуту скрыпнула дверь. «Что? каковъ?»—произнесъ по шепту голосъ, отъ котораго я затрепеталъ. — Все въ одномъ положеніи,— отвѣчалъ Савельичъ со вздохомъ;—все безъ памяти, вотъ уже пятыя сутки.—Я хотѣлъ оборотиться, но не могъ. Гдѣ я? кто здѣсь? сказалъ я съ усиліемъ. Марья Ивановна подошла къ моей кровати и наклонилась ко мнѣ. «Что? какъ вы себя чувствуете?» сказала она. Слава Богу—отвѣчалъ я слабымъ голосомъ. Это вы, Марья Ивановна? Скажите мнѣ.... я не въ силахъ былъ продолжать, и замолчалъ. Савельичъ ахнулъ. Радость изобразилась на его лицѣ. Опомнился! опомнился!» — повторялъ онъ. «Слава себѣ, Владыко! Ну, батюшка Петръ Андреичъ! напугалъ ты меня! легко ли? пятыя сутки!»... Марья Ивановна перервала его рѣчь. «Не говори съ нимъ много, Савельичъ»—сказала она. Онъ еще слабъ». Она вышла и тихонько притворила дверь. Мысли мои волновались. И такъ я былъ въ домѣ коменданта, Марья Ивановна входила ко мнѣ. Я хотѣлъ сдѣлать Савельичу нѣкоторые вопросы, но старикъ замоталъ головою и заткнулъ себѣ уши. Я съ досадою закрылъ глаза и вскорѣ забылся сномъ.

Проснувшись, подозвалъ я Савельича, и вмѣсто его увидѣлъ передъ собою Марью Ивановну; ангельскій голосъ ея меня привѣтствовалъ. Не могу выразить сладостнаго чувства, овладѣвшаго мною въ эту минуту. Я схватилъ ея руку и прильнулъ къ

ней, обливая слезами умиленія. Маша не отрывала ее.... и вдругъ ея губки коснулись моей щеки, и я почувствовалъ ихъ жаркій и свѣжій поцѣлуй. Огонь пробѣжалъ по мнѣ. Милая, добрая Марья Ивановна — сказалъ я ей — будь моею женою, согласись на мое счастіе. — Она опомнилась. «Ради Бога успокойтесь» — сказала она, отнявъ у меня свою руку. «Вы еще въ опасности: рана можетъ открыться. Поберегите себя хоть для меня.» Съ этимъ словомъ она ушла, оставя меня въ упоеніи восторга. Счастіе воскресило меня. Она будетъ моя! она меня любитъ! Эта мысль наполняла все мое существованіе.

Съ той поры мнѣ часъ отъ часу становилось лучше. Меня лечилъ полковой цырюльникъ, ибо въ крѣпости другаго лекаря не было, и, слава Богу, не умничалъ. Молодость и природа ускорили мое выздоровленіе. Все семейство коменданта за мною ухаживало. Марья Ивановна отъ меня не отходила Разумѣется, при первомъ удобномъ случаѣ я принялся за прерванное объясненіе, и Марья Ивановна выслушала меня терпѣливѣе. Она безо всякаго жеманства призналась мнѣ въ сердечной склонности и сказала, что ея родители конечно рады будутъ ея счастію. «Но подумай хорошенько» — прибавила она; «со стороны твоихъ родныхъ не будетъ ли препятствія?»

Я задумался. Въ нѣжности матушкиной я не сомнѣвался; но, зная нравъ и образъ мыслей отца, я

чувствовалъ, что любовь моя не слишкомъ его тронетъ, и что онъ будетъ на нее смотрѣть, какъ на блажь молодаго человѣка. Я чистосердечно признался въ томъ Марьѣ Ивановнѣ, и рѣшился однако писать къ батюшкѣ какъ можно краснорѣчивѣе, прося родительскаго благословенія. Я показалъ письмо Марьѣ Ивановнѣ, которая нашла его столь убѣдительнымъ и трогательнымъ, что не сомнѣвалась въ успѣхѣ его, и предалась чувствамъ нѣжнаго своего сердца со всею довѣрчивостію молодости и любви.

Съ Швабринымъ я помирился въ первые дни моего выздоровленія. Иванъ Кузмичь, выговаривая мнѣ за поединокъ, сказалъ мнѣ. «Эхъ, Петръ Андреичь! надлежало бы мнѣ посадить тебя подъ арестъ, да ты ужь и безъ того наказанъ. А Алексѣй Иванычь у меня таки сидитъ въ хлѣбномъ магазинѣ подъ карауломъ, и шпага его подъ замкомъ у Василисы Егоровны. Пускай онъ себѣ надумается, да раскаится.» — Я слишкомъ былъ счастливъ, чтобъ хранить въ сердцѣ чувство непріязненное. Я сталъ просить за Швабрина, и добрый комендантъ, съ согласія своей супруги, рѣшился его освободить. Швабринъ пришелъ ко мнѣ; онъ изъявилъ глубокое сожалѣніе о томъ, что случилось между нами; признался, что былъ кругомъ виноватъ, и просилъ меня забыть о прошедшемъ. Будучи отъ природы незлопамятенъ, я искренно простилъ ему и нашу ссору и рану, мною отъ него полученную. Въ клеветѣ его видѣлъ я досаду оскорбленнаго самолюбія и отвергнутой

любви, и великодушно извинялъ своего несчастнаго соперника.

Вскорѣ я выздоровѣлъ, и могъ перебраться на мою квартиру. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я отвѣта на посланное письмо, не смѣя надѣяться, и стараясь заглушить печальныя предчувствія. Съ Василисой Егоровной и съ ея мужемъ я еще не объяснился; но предложеніе мое не должно было ихъ удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не старались скрывать отъ нихъ свои чувства, и мы заранѣе были ужь увѣрены въ ихъ согласіи.

Наконецъ однажды утромъ Савельичь вошелъ ко мнѣ, держа въ рукахъ письмо. Я схватилъ его съ трепетомъ. Адресъ былъ написанъ рукою батюшки. Это пріуготовило меня къ чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мнѣ матушка, а онъ въ концѣ приписывалъ нѣсколько строкъ. Долго не распечатывалъ я пакета и перечитывалъ торжественную надпись: «Сыну моему Петру Андреевичу Гриневу, въ Оренбургскую Губернію въ Бѣлогорскую крѣпость.» Я старался по почерку угадать расположеніе духа, въ которомъ писано было письмо; наконецъ рѣшился его распечатать, и съ первыхъ строкъ увидѣлъ, что все дѣло пошло къ чорту. Содержаніе письма было слѣдующее:

«Сынъ мой Петръ! Письмо твое, въ которомъ просишь ты насъ о родительскомъ нашемъ благословеніи и согласіи на бракъ съ Марьей Ивановой

дочерью Мироновой, мы получили 15 сего мѣсяца, и не только ни моего благословенія, ни моего согласія дать я тебѣ не намѣренъ, но еще и собираюсь до тебя добраться, да за проказы твои проучить тебя путемъ, какъ мальчишку, не смотря на твой офицерскій чинъ: ибо ты доказалъ, что шпагу носить еще недостоинъ, которая пожалована тебѣ на защиту отечества, а не для дуелей съ такими же сорванцами, каковъ ты самъ. Немедленно буду писать къ Андрею Карловичу, прося его перевести тебя изъ Бѣлогорской крѣпости куда нибудь подальше, гдѣ бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнавъ о твоемъ поединкѣ и о томъ, что ты раненъ, съ горести занемогла и теперь лежитъ. Что́ изъ тебя будетъ? Молю Бога, чтобъ ты исправился, хоть и не смѣю надѣяться на Его великую милость

Отецъ твой *А. Г.*»

Чтеніе сего письма возбудило во мнѣ разныя чувствованія. Жестокія выраженія, на которыя батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебреженіе, съ какимъ онъ упоминалъ о Марьѣ Ивановнѣ казалось мнѣ столь же непристойнымъ, какъ и несправедливымъ. Мысль о переведеніи моемъ изъ Бѣлогорской крѣпости меня ужасала, но всего болѣе огорчило меня извѣстіе о болѣзни матери. Я негодовалъ на Савельича, не сомнѣваясь, что поединокъ мой сталъ извѣстенъ родителямъ черезъ него. Шагая взадъ и впередъ по тѣсной моей комнатѣ, я остановился передъ нимъ и сказалъ,

взглянувъ на него грозно: Видно тебѣ не довольно, что я, благодаря тебя, раненъ и цѣлый мѣсяцъ былъ на краю гроба; ты и мать мою хочешь уморить. Савельичь былъ пораженъ какъ громомъ. «Помилуй, сударь»—сказалъ онъ чуть не зарыдавъ,—«что̀ это изволишь говорить? Я причина, что ты былъ раненъ! Богъ видитъ, бѣжалъ я заслонить тебя своею грудью отъ шпаги Алексѣя Иваныча! Старость проклятая помѣшала. Да чтожъ я сдѣлалъ матушкѣ-то твоей?» — Что ты сдѣлалъ?—отвѣчалъ я. Кто просилъ тебя писать на меня доносы? развѣ ты приставленъ ко мнѣ въ шпіоны?—«Я? писалъ на тебя доносы?»—отвѣчалъ Савельичь со слезами. «Господи Царю Небесный! Такъ изволь-ка прочитать, что̀ пишетъ ко мнѣ баринъ: увидишь, какъ я доносилъ на тебя.» Тутъ онъ вынулъ изъ кармана письмо и я прочелъ слѣдующее:

«Стыдно тебѣ, старый песъ, что ты, не взирая на мои строгія приказанія, мнѣ не донесъ о сынѣ моемъ Петрѣ Андреевичѣ, и что посторонніе принуждены увѣдомлять меня о его проказахъ. Такъ ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, стараго пса! пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство къ молодому человѣку. Съ полученіемъ сего, приказываю тебѣ немедленно отписать ко мнѣ, каково теперь его здоровье, о которомъ пишутъ мнѣ, что поправилось; да въ какое именно мѣсто онъ раненъ и хорошо ли его залечили.»

Очевидно было, что Савельичь передо мною былъ правъ, и что я напрасно оскорбилъ его упрекомъ и подозрѣніемъ. Я просилъ у него прощенія; но старикъ былъ неутѣшенъ. «Вотъ до чего я дожилъ» — повторялъ онъ; «вотъ какихъ милостей дослужился отъ своихъ господъ! Я и старый песъ, и свинопасъ, да я жь и причина твоей раны? Нѣтъ, батюшка Петръ Андреичь! не я, проклятый мусье всему виноватъ: онъ научилъ тебя тыкаться желѣзными вертелами, да притопывать, какъ будто тыканіемъ да топаніемъ убережешься отъ злаго человѣка! Нужно было нанимать мусье, да тратить лишніе деньги!»

Но кто же бралъ на себя трудъ увѣдомить отца моего о моемъ поведеніи? Генералъ? Но онъ, казалось, обо мнѣ не слишкомъ заботился; а Иванъ Кузмичь не почелъ за нужное рапортовать о моемъ поединкѣ. Я терялся въ догадкахъ. Подозрѣнія мои остановились на Швабринѣ. Онъ одинъ имѣлъ выгоду въ доносѣ, коего слѣдствіемъ могло быть удаленіе мое изъ крѣпости и разрывъ съ комендантскимъ семействомъ. Я пошелъ объявить обо всемъ Марьѣ Ивановнѣ. Она встрѣтила меня на крыльцѣ. «Что̀ это съ вами сдѣлалось?» — сказала она, увидѣвъ меня. Какъ вы блѣдны! — Все кончено! — отвѣчалъ я, и отдалъ ей батюшкино письмо. Она поблѣднѣла въ свою очередь. Прочитавъ, она возвратила мнѣ письмо дрожащею рукою и сказала дрожащимъ голосомъ: «Видно мнѣ не судьба.... Родные ваши не хотятъ меня въ свою семью. Буди во всемъ воля Господня! Богъ лучше нашего знаетъ, что̀ намъ надобно.

Дѣлать нечего, Петръ Андреичь; будьте хоть вы счастливы»…. Этому не бывать!—вскричалъ я, схвативъ ее за руку; ты меня любишь; я готовъ на все. Пойдемъ, кинемся въ ноги къ твоимъ родителямъ; они люди простые, не жестокосердые гордецы… Они насъ благословятъ; мы обвѣнчаемся… а тамъ, современемъ, я увѣренъ, мы умолимъ отца моего; матушка будетъ за насъ; онъ меня проститъ…. «Нѣтъ, Петръ Андреичь»—отвѣчала Маша —«я не выйду за тебя безъ благословенія твоихъ родителей. Безъ ихъ благословенія не будетъ тебѣ счастія. Покоримся волѣ Божіей. Коли найдешь себѣ суженую, коли полюбишь другую — Богъ съ тобою, Петръ Андреичь; а я за васъ обоихъ»…. Тутъ она заплакала и ушла отъ меня; я хотѣлъ было войти за нею въ комнату, но чувствовалъ, что былъ не въ состояніи владѣть самимъ собою и воротился домой.

Я сидѣлъ погруженный въ глубокую задумчивость, какъ вдругъ Савельичь прервалъ мои размышленія. «Вотъ, сударь»—сказалъ онъ, подавая мнѣ исписанный листъ бумаги;—«посмотри, доносчикъ ли я на своего барина, и стараюсь ли я помутить сына съ отцемъ.» Я взялъ изъ рукъ его бумагу: это былъ отвѣтъ Савельича на полученное имъ письмо. Вотъ онъ отъ слова до слова:

Государь Андрей Петровичь, отецъ нашъ милостивый!

«Милостивое писаніе ваше я получилъ, въ которомъ изволишь гнѣваться на меня, раба вашего,

что де стыдно мнѣ не исполнять господскихъ приказаній;—а я, не старый песъ, а вѣрный вашъ слуга, господскихъ приказаній слушаюсь и усердно вамъ всегда служилъ и дожилъ до сѣдыхъ волосъ. Я жь про рану Петра Андреича ничего къ вамъ не писалъ, чтобъ не испужать понапрасну, и, слышно, барыня, мать наша Авдотья Васильевна и такъ съ испугу слегла, и за ея здоровье Богу буду молить. А Петръ Андреичъ раненъ былъ подъ правое плечо, въ грудь, подъ самую косточку, въ глубину на полтора вершка, и лежалъ онъ въ домѣ у коменданта, куда принесли мы его съ берега, и лечилъ его здѣшній цырюльникъ Степанъ Парамоновъ; и теперь Петръ Андреичъ, слава Богу здоровъ, и про него кромѣ хорошаго нечего и писать. Командиры, слышно, имъ довольны; а у Василисы Егоровны онъ какъ родной сынъ. А что съ нимъ случилась такая оказія, то быль молодцу не укора: конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается. И изволите вы писать, что сошлете меня свиней пасти, и на то ваша боярская воля. За симъ кланяюсь рабски.

Вѣрный холопъ вашъ

Архипъ Савельевъ.»

Я не могъ нѣсколько разъ не улыбнуться, читая грамоту добраго старика. Отвѣчать батюшкѣ я былъ не въ состояніи; а чтобъ успокоить матушку, письмо Савельича мнѣ показалось достаточнымъ.

Съ той поры положеніе мое перемѣнилось. Марья Ивановна почти со мною не говорила, и всячески старалась избѣгать меня. Домъ коменданта сталъ для меня постылъ. Мало по малу пріучился я сидѣть одинъ у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мнѣ пеняла; но видя мое упрямство, оставила меня въ покоѣ. Съ Иваномъ Кузмичемъ видѣлся я только, когда того требовала служба. Съ Швабринымъ встрѣчался рѣдко и неохотно, тѣмъ болѣе что замѣчалъ въ немъ скрытую къ себѣ непріязнь, что и утверждало меня въ моихъ подозрѣніяхъ. Жизнь моя сдѣлалась мнѣ несносна. Я впалъ въ мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездѣйствіе. Любовь моя разгаралась въ уединеніи и часъ отъ часу становилась мнѣ тягостнѣе. Я потерялъ охоту къ чтенію и словесности. Духъ мой упалъ. Я боялся или сойти съ ума или удариться въ распутство. Неожиданныя происшествія, имѣвшія важныя вліянія на всю мою жизнь, дали вдругъ моей душѣ сильное и благое потрясеніе.

—

ГЛАВА VI.

ПУГАЧЕВЩИНА.

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будемъ сказывати.

Пѣсня.

Прежде, нежели приступлю къ описанію стран-
ыхъ происшествій, коимъ я былъ свидѣтель, я
олженъ сказать нѣсколько словъ о положеніи, въ
оторомъ находилась Оренбургская Губернія въ кон-
ѣ 1773 года.

Сія обширная и богатая губернія обитаема бы-
множествомъ полудикихъ народовъ, признавшихъ
це недавно владычество Россійскихъ Государей.

Ихъ поминутныя возмущенія, непривычка къ законамъ и гражданской жизни, легкомысліе и жестокость требовали со стороны правительства непрестаннаго надзора для удержанія ихъ въ повиновеніи. Крѣпости выстроены были въ мѣстахъ, признанныхъ удобными, и заселены по большей части казаками, давнишними обладателями Яицкихъ береговъ. Но Яицкіе казаки, долженствовавшіе охранять спокойствіе и безопасность сего края, съ нѣкотораго времени были сами для правительства неспокойными и опасными подданными. Въ 1772 году произошло возмущеніе въ ихъ главномъ городкѣ. Причиною тому были строгія мѣры, предпринятыя генералъ-майоромъ Траубенбергомъ, дабы привести войско къ должному повиновенію. Слѣдствіемъ было варварское убіеніе Траубенберга, своевольная перемѣна въ управленіи, и наконецъ усмиреніе бунта картечью и жестокими наказаніями.

Это случилось нѣсколько времени передъ прибытіемъ моимъ въ Бѣлогорскую крѣпость. Все было уже тихо, или казалось таковымъ; начальство слишкомъ легко повѣрило мнимому раскаянію лукавыхъ мятежниковъ, которые злобствовали въ тайнѣ и выжидали удобнаго случая для возобновленія безпорядковъ.

Обращаюсь къ своему разсказу.

Однажды вечеромъ (это было въ началѣ октября 1773 года) сидѣлъ я дома одинъ, слушая вой осенняго вѣтра и смотря въ окно на тучи, бѣгу-

щія мимо луны. Пришли меня звать отъ имени коменданта. Я тотчасъ отправился. У коменданта нашелъ я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкаго урядника. Въ комнатѣ не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендантъ со мною поздоровался съ видомъ озабоченнымъ. Онъ заперъ двери, всѣхъ усадилъ, кромѣ урядника, который стоялъ у дверей, вынулъ изъ кармана бумагу и сказалъ намъ: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что́ пишетъ генералъ.» Тутъ онъ надѣлъ очки и прочелъ слѣдующее:

«Господину коменданту Бѣлогорской крѣпости капитану Миронову.

«По секрету.

«Симъ извѣщаю васъ, что убѣжавшій изъ-подъ караула Донской казакъ и раскольникъ Емельянъ Пугачевъ, учиня непростительную дерзость принятіемъ на себя имени покойнаго Императора Петра III, собралъ злодѣйскую шайку, произвелъ возмущеніе въ Яицкихъ селеніяхъ, и уже взялъ и разорилъ нѣсколько крѣпостей, производя вездѣ грабежи и смертныя убійства. Того ради, съ полученіемъ сего, имѣете вы, господинъ капитанъ, немедленно принять надлежащія мѣры къ отраженію помянутаго злодѣя и самозванца, а буде можно и къ совершенному уничтоженію онаго, если онъ обратится на крѣпость, ввѣренную вашему попеченію.»

«Принять надлежащія мѣры!»—сказалъ комендантъ, снимая очки и складывая бумагу. «Слышь ты, легко сказать. Злодѣй-то видно силенъ; а у насъ всего сто

тридцать человѣкъ, не считая казаковъ, на которыхъ плоха надежда, не въ укоръ буди тебѣ сказано, Максимычь (Урядникъ усмѣхнулся). Однако дѣлать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы, да ночные дозоры; въ случаѣ нападенія запирайте ворота, да выводите салдатъ. Ты, Максимычь, смотри крѣпко за своими казаками. Пушку осмотрѣть, да хорошенько вычистить. А пуще всего содержите все это въ тайнѣ, чтобъ въ крѣпости никто не могъ о томъ узнать преждевременно.»

Раздавъ сіи повелѣнія, Иванъ Кузмичь насъ распустилъ. Я вышелъ вмѣстѣ съ Швабринымъ, разсуждая о томъ, что́ мы слышали. Какъ ты думаешь, чѣмъ это кончится?— спросилъ я его. «Богъ знаетъ»—отвѣчалъ онъ; «посмотримъ. Важнаго покамѣстъ еще ничего не вижу. Если же» ..... Тутъ онъ задумался и въ разсѣяніи сталъ насвистывать Французскую арію.

Не смотря на всѣ наши предосторожности, вѣсть о появленіи Пугачева разнеслась по крѣпости. Иванъ Кузмичь, хоть и очень уважалъ свою супругу, но ни за что на свѣтѣ не открылъ бы ей тайны, ввѣренной ему по службѣ. Получивъ письмо отъ генерала, онъ довольно искуснымъ образомъ выпроводилъ Василису Егоровну, сказавъ ей, будто бы отецъ Герасимъ получилъ изъ Оренбурга какія-то чудныя извѣстія, которыя содержитъ въ великой тайнѣ. Василиса Егоровна тотчасъ захотѣла отправиться въ

гости къ попадьѣ, и, по совѣту Ивана Кузмича, взяла съ собою и Машу, чтобъ ей не было скучно одной.

Иванъ Кузмичь, оставшись полнымъ хозяиномъ, тотчасъ послалъ за нами, а Палашку заперъ въ чуланъ, чтобъ она не могла насъ подслушать.

Василиса Егоровна возвратилась домой, не успѣвъ ничего вывѣдать отъ попадьи, и узнала, что во время ея отсутствія было у Ивана Кузмича совѣщаніе, и что Палашка была подъ замкомъ. Она догадалась, что была обманута мужемъ, и приступила къ нему съ допросомъ. Но Иванъ Кузмичь приготовился къ нападенію. Онъ ни мало не смутился и бодро отвѣчалъ своей любопытной сожительницѣ: «А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить соломою; а какъ отъ того можетъ произойти несчастіе, то я и отдалъ строгій приказъ впредь соломою бабамъ печей не топить, а топить хворостомъ и валежникомъ.»—А для чего жь было тебѣ запирать Палашку?—спросила комендантша.—За что бѣдная дѣвка просидѣла въ чуланѣ, пока мы не воротились?—Иванъ Кузмичь не былъ приготовленъ къ таковому вопросу; онъ запутался и пробормоталъ что-то очень нескладное. Василиса Егоровна увидѣла коварство своего мужа; но зная, что ничего отъ него не добьется, прекратила свои вопросы и завела рѣчь о соленыхъ огурцахъ, которые Акулина Памфиловна приготовляла совершенно особеннымъ образомъ. Во всю ночь Василиса Егоровна не могла заснуть, и

никакъ не могла догадаться, что́ бы такое было въ головѣ ея мужа, о чемъ бы ей нельзя было знать.

На другой день, возвращаясь отъ обѣдни, она увидѣла Ивана Игнатьича, который вытаскивалъ изъ пушки тряпички, камешки, щепки, бабки и соръ всякаго рода, запиханный въ нее ребятишками. «Что́ бы значили эти военныя приготовленія?»—думала комедантша; «ужь ве ждуть ли нападенія отъ Киргизцевъ? Но не ужь-то Иванъ Кузмичь сталъ бы отъ меня таить такіе пустяки?» Она кликнула Ивана Игнатьича съ твердымъ намѣреніемъ вывѣдать отъ него тайну, которая мучила ея дамское любопытство.

Василиса Егоровна сдѣлала ему нѣсколько замѣчаній касательно хозяйства, какъ судія, начинающій слѣдствіе вопросами посторонними, дабы сперва усыпить осторожность отвѣтчика. Потомъ, помолчавъ нѣсколько минутъ, она глубоко вздохнула и сказала качая головою: «Господи Боже мой! Вишь какія новости! Что изъ этого будетъ?»

—И, матушка!—отвѣчалъ Иванъ Игнатьичь. Богъ милостивъ: солдатъ у насъ довольно, пороху много, пушку я вычистилъ. Авось дадимъ отпоръ Пугачеву. Господь не выдастъ, свинья не съѣстъ!

«А что за человѣкъ этотъ Пугачевъ?» — спросила комендантша.

Тутъ Иванъ Игнатьичь замѣтилъ, что проговорился, и закусилъ языкъ. Но уже было поздно. Васи-

лиса Егоровна принудила его во всемъ признаться, давъ ему слово не разсказывать о томъ никому.

Василиса Егоровна сдержала свое обѣщаніе и никому не сказала ни одного слова, кромѣ какъ попадьѣ, и то потому только, что корова ея ходила еще въ степи и могла быть захвачена злодѣями.

Вскорѣ всѣ заговорили о Пугачевѣ. Толки были различны. Комендантъ послалъ урядника съ порученіемъ развѣдать хорошенько обо всемъ по сосѣднимъ селеніямъ и крѣпостямъ. Урядникъ возвратился черезъ два дня и объявилъ, что въ степи верстъ за шестьдесятъ отъ крѣпости видѣлъ онъ множество огней и слышалъ отъ Башкирцевъ, что идетъ невѣдомая сила. Впрочемъ не могъ онъ сказать ничего положительнаго, потому что ѣхать далѣе побоялся.

Въ крѣпости между казаками замѣтно стало необыкновенное волненіе; во всѣхъ улицахъ они толпились въ кучки, тихо разговаривали между собою, и расходились, увидя драгуна или гарнизоннаго солдата. Подосланы были къ нимъ лазутчики. Юлай, крещеный Калмыкъ, сдѣлалъ комендату важное донесеніе. Показанія урядника, по словамъ Юлая, были ложны; по возвращеніи своемъ, лукавый казакъ объявилъ своимъ товарищамъ, что онъ былъ у бунтовщиковъ, представлялся самому ихъ предводителю, который допустилъ его къ своей рукѣ и долго съ нимъ разговаривалъ. Комендантъ немедленно посадилъ урядника подъ караулъ, а Юлая назначилъ на

его мѣсто. Эта новость принята была казаками съ явнымъ неудовольствіемъ. Они громко роптали, и Иванъ Игнатьичь, исполнитель комендантскаго распоряженія, слышалъ своими ушами, какъ они говорили: «Вотъ ужó тебѣ будетъ, гарнизонная крыса!» Комендантъ думалъ въ тотъ же день допросить своего арестанта; но урядникъ бѣжалъ изъ-подъ караула, вѣроятно, при помощи своихъ единомышленниковъ.

Новое обстоятельство усилило безпокойство коменданта. Схваченъ былъ Башкирецъ съ возмутительными листами. По сему случаю комендантъ думалъ опять собрать своихъ офицеровъ, и для того хотѣлъ опять удалить Василису Егоровну подъ благовиднымъ предлогомъ. Но какъ Иванъ Кузмичь былъ человѣкъ самый прямодушный и правдивый, то и не нашелъ другаго способа, кромѣ какъ единожды уже имъ употребленнаго.

«Слышь ты, Василиса Егоровна»—сказалъ онъ ей покашливая. «Отецъ Герасимъ получилъ, говорятъ, изъ города» . . . .—Полно врать, Иванъ Кузмичь,—перервала комендантша; ты, знать, хочешь собрать совѣщаніе, да безъ меня потолковать объ Емельянѣ Пугачевѣ; да лихъ не проведешь.»—Иванъ Кузмичь выгарацилъ глаза. «Ну, матушка»—сказалъ онъ— коли ты уже все знаешь, такъ пожалуй оставайся; мы потолкуемъ и при тебѣ.»—То то, батька мой,—отвѣчала она; не тебѣ бы хитрить; посылай-ка за офицерами.

Мы собрались опять. Иванъ Кузмичь въ присутствіи жены прочелъ намъ воззваніе Пугачева, писанное какимъ нибудь полуграмотнымъ казакомъ. Разбойникъ объявлялъ о своемъ намѣреніи немедленно идти на нашу крѣпость; приглашалъ казаковъ и солдатъ въ свою шайку, а командировъ увѣщевалъ не сопротивляться, угрожая казнію въ противномъ случаѣ. Воззваніе написано было въ грубыхъ, но сильныхъ выраженіяхъ, и должно было произвести опасное впечатлѣніе на умы простыхъ людей.

«Каковъ мошенникъ!»—воскликнула комендантша. «Что смѣетъ еще намъ предлагать! Выйти къ нему на встрѣчу и положить къ ногамъ его знамена! Ахъ онъ собачій сынъ! Да развѣ не знаетъ онъ, что мы уже сорокъ лѣтъ въ службѣ, и всего, слава Богу, насмотрѣлись? Не ужъ-то нашлись такіе командиры, которые послушались разбойника?»

—Кажется, не должно бы—отвѣчалъ Иванъ Кузмичь. А слышно, злодѣй завладѣлъ ужь многими крѣпостями.

«Видно онъ въ самомъ дѣлѣ силенъ»—замѣтилъ Швабринъ.

—А вотъ сейчасъ узнаемъ настоящую его силу—сказалъ комендантъ.—Василиса Егоровна, дай мнѣ ключъ отъ анбара. Иванъ Игнатьичь, приведи-ка Башкирца, да прикажи Юлаю принести сюда плетей.

«Постой, Иванъ Кузмичь» — сказала комендантша, вставая съ мѣста. «Дай уведу Машу куда нибудь изъ

дому; а то услышитъ крикъ, перепугается. Да и я правду сказать, не охотница до розыска. Счастливо оставаться.»

Пытка въ старину такъ была укоренена въ обычаяхъ судопроизводства, что благодѣтельный указъ, уничтожившій оную, долго оставался безо всякаго дѣйствія. Думали, что собственное признаніе преступника необходимо было для его полнаго обличенія,— мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо, если отрицаніе подсудимаго не пріемлется въ доказательство его невинности, то признаніе его и того менѣе должно быть доказательствомъ его виновности. Даже и нынѣ случается мнѣ слышать старыхъ судей, жалѣющихъ объ уничтоженіи варварскаго обычая. Въ наше же время никто не сомнѣвался въ необходимости пытки, ни судьи, ни подсудимые. И такъ приказаніе коменданта никого изъ насъ не удивило и не встревожило. Иванъ Игнатьичь отправился за Башкирцемъ, который сидѣлъ въ анбарѣ подъ ключемъ у комендантши, и черезъ нѣсколько минутъ невольника привели въ переднюю. Комендантъ велѣлъ его къ себѣ представить.

Башкирецъ съ трудомъ шагнулъ черезъ порогъ (онъ былъ въ колодкѣ), и, снявъ высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянулъ на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человѣка. Ему казалось лѣтъ за семьдесятъ. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вмѣсто бо-

роды торчало нѣсколько сѣдыхъ волосъ; онъ былъ малаго росту, тощъ и сгорбленъ; но узенькіе глаза его сверкали еще огнемъ. «Эхе!» сказалъ комендантъ, узнавъ, по страшнымъ его примѣтамъ, одного изъ бунтовщиковъ, наказанныхъ въ 1741 году. «Да ты видно старый волкъ, побывалъ въ нашихъ капканахъ. Ты знать не въ первой уже бунтуешь, коли у тебя такъ гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослалъ?»

Старый Башкирецъ молчалъ и глядѣлъ на коменданта съ видомъ совершеннаго безсмыслія. «Что́ же ты молчишь?» продолжалъ Иванъ Кузмичь; «али бельмесъ по-Русски не разумѣешь? Юлай, спроси-ка у него по вашему, кто его подослалъ въ нашу крѣпость?»

Юлай повторилъ на Татарскомъ языкѣ вопросъ Ивана Кузмича. Но Башкирецъ глядѣлъ на него съ тѣмъ же выраженіемъ, и не отвѣчалъ ни слова.

«Якши» сказалъ комендантъ; «ты у меня заговоришь. Ребята! съимите-ка съ него дурацкій полосатый халатъ, да выстрочите ему спину. Смотри жь, Юлай: хорошенько его!»

Два инвалида стали Башкирца раздѣвать. Лице несчастнаго изобразило безпокойство. Онъ оглядывался на всѣ стороны, какъ звѣрокъ. пойманный дѣтьми. Когда жь одинъ изъ инвалидовъ взялъ его руки и положивъ ихъ себѣ около шеи, поднялъ старика на свои плечи, а Юлай взялъ плеть и за-

махнулся. тогда Башкирецъ застоналъ слабымъ, умоляющимъ голосомъ, и кивая головою, открылъ ротъ, въ которомъ вмѣсто языка шевелился коротκій обрубокъ.

Когда вспомню, что это случилось на моемъ вѣку, и что нынѣ дожилъ я до кроткаго царствованія Императора Александра, не могу не дивиться быстрымъ успѣхамъ просвѣщенія и распространенію правилъ человѣколюбія. Молодой человѣкъ! если записки мои попадутся въ твои руки, вспомни что лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній.

Всѣ были поражены. «Ну»—сказалъ комендантъ; видно намъ отъ него толку не добиться. Юлай, отведи Башкирца въ анбаръ. А мы, господа, кой о чемъ еще потолкуемъ.»

Мы стали разсуждать о нашемъ положеніи, какъ вдругъ Василиса Егоровна вошла въ комнату, задыхаясь и съ видомъ чрезвычайно встревоженнымъ.

«Что это съ тобою сдѣлалось?» спросилъ изумленный комендантъ.

—Батюшки, бѣда!—отвѣчала Василиса Егоровна. Нижнеозерная взята сегодня утромъ. Работникъ отца Герасима сейчасъ оттуда воротился. Онъ видѣлъ какъ ее брали. Комендантъ и всѣ офицеры перевѣшаны. Всѣ солдаты взяты въ полонъ. Того и гляди, злодѣи будутъ сюда.

Неожиданная вѣсть сильно меня поразила. Комендантъ Нижнеозерной крѣпости, тихій и скромный молодой человѣкъ, былъ мнѣ знакомъ: мѣсяца за два передъ тѣмъ проѣзжалъ онъ изъ Оренбурга съ молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузмича. Нижнеозерная находилась отъ нашей крѣпости верстахъ въ двадцати пяти. Съ часу на часъ должно было и намъ ожидать нападенія Пугачева. Участь Марьи Ивановны живо представилась мнѣ, и сердце у меня такъ и замерло.

Послушайте, Иванъ Кузмичь! — сказалъ я коменданту. Долгъ нашъ защищать крѣпость до послѣдняго нашего издыханія; объ этомъ и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщинъ. Отправьте ихъ въ Оренбургъ, если дорога еще свободна, или въ отдаленную, болѣе надежную крѣпость, куда злодѣи не успѣли бы достигнуть.

Иванъ Кузмичь оборотился къ женѣ и сказалъ ей: «А слышь ты, матушка, и въ самомъ дѣлѣ, не отправить ли васъ подалѣ, пока не управимся мы съ бунтовщиками?»

—И, пустое!—сказала комендантша. Гдѣ такая крѣпость, куда бы пули не залетали? Чѣмъ Бѣлогорская ненадежна? Слава Богу, двадцать второй годъ въ ней проживаемъ. Видали и Башкирцевъ и Киргизцевъ: авось и отъ Пугачева отсидимся!

«Ну, матушка» возразилъ Иванъ Кузмичь «оставайся пожалуй, коли ты на крѣпость нашу надѣешься.

Да съ Машей-то что намъ дѣлать? Хорошо, коли отсидимся, или дождемся сикурса; ну, а коли злодѣи возьмутъ крѣпость?»

—Ну, тогда..... Тутъ Василиса Егоровна заикнулась и замолчала съ видомъ чрезвычайнаго волненія.

«Нѣтъ, Василиса Егоровна» продолжалъ комендантъ, замѣчая, что слова его подѣйствовали, можетъ быть, въ первой разъ въ его жизни. «Машѣ здѣсь оставаться не гоже. Отправимъ ее въ Оренбургъ къ ея крестной матери: тамъ и войска и пушекъ довольно, и стѣна каменная. Да и тебѣ совѣтовалъ бы съ нею туда же отправиться; даромъ что ты старуха, а посмотри, что́ съ тобою будетъ, коли возьмутъ фортецію приступомъ.»

—Добро,—сказала комендантша,—такъ и быть, отправимъ Машу. А меня и во снѣ не проси: не поѣду. Нечего мнѣ подъ старость лѣтъ разставаться съ тобою, да искать одинокой могилы на чужой сторонкѣ. Вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать.

«И то дѣло» сказалъ комендантъ. «Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу въ дорогу. Завтра чѣмъ свѣтъ ее и отправимъ, да дадимъ ей и конвой, хоть людей лишнихъ у насъ и нѣтъ. Да гдѣ же Маша?»

—У Акулины Памфиловны,—отвѣчала комендантша. Ей сдѣлалось дурно, какъ услышала о взятіи Нижнеозерной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи Владыко, до чего мы дожили!

Василиса Егоровна ушла хлопотать объ отъѣздѣ дочери. Разговоръ у коменданта продолжался; но я уже въ него не мѣшался и ничего не слушалъ. Марья Ивановна явилась къ ужину, блѣдная и заплаканная. Мы отужинали молча, и встали изо стола скорѣе обыкновеннаго; простясь со всѣмъ семействомъ, мы отправились по домамъ. Но я нарочно забылъ свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовалъ, что застану Марью Ивановну одну. Въ самомъ дѣлѣ, она встрѣтила меня въ дверяхъ и вручила мнѣ шпагу. «Прощайте, Петръ Андреичь!» сказала она мнѣ со слезами; «Меня посылаютъ въ Оренбургъ. Будьте живы и счастливы; можетъ быть, Господь приведетъ насъ другъ съ другомъ увидѣться; если же нѣтъ» .... Тутъ она зарыдала. Я обнялъ ее.— Прощай, ангелъ мой,—сказалъ я,—прощай, моя милая моя желанная! Что̀ бы со мною ни было, вѣрь, что послѣдняя моя мысль и послѣдняя молитва будетъ о тебѣ! Маша рыдала, прильнувъ къ моей груди. Я съ жаромъ ее поцѣловалъ, и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА VII.

ПРИСТУПЪ.

Голова моя головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Ахъ, не выслужила головушка
Ни корысти себѣ, ни радости,
Какъ ни слова себѣ добраго
И не рангу себѣ высокаго;
Только выслужила головушка
Два высокіе столбика,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.

Народная пѣсня.

Въ эту ночь я не спалъ и не раздѣвался. Я намѣренъ былъ отправиться на зарѣ къ крѣпостнымъ воротамъ, откуда Марья Ивановна должна была выѣхать, и тамъ проститься съ нею въ послѣдній разъ. Я чувствовалъ въ себѣ великую перемѣну: волне-

ніе души моей было мнѣ гораздо менѣе тягостно, нежели то уныніе, въ которомъ еще недавно былъ я погруженъ. Съ грустію разлуки сливались во мнѣ и неясныя, но сладостныя надежды, и нетерпѣливое ожиданіе опасностей, и чувства благороднаго честолюбія. Ночь прошла незамѣтно. Я хотѣлъ уже выдти изъ дому, какъ дверь моя отворилась и ко мнѣ явился капралъ съ донесеніемъ, что наши казаки ночью выступили изъ крѣпости, взявъ насильно съ собою Юлая, и что около крѣпости разъѣзжаютъ невѣдомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успѣетъ выѣхать, ужаснула меня; я поспѣшно далъ капралу нѣсколько наставленій, и тотчасъ бросился къ коменданту.

Ужъ разсвѣтало. Я летѣлъ по улицѣ, какъ услышалъ, что зовутъ меня. Я остановился. «Куда вы?» сказалъ Иванъ Игнатьичь, догоняя меня. «Иванъ Кузмичь на валу, и послалъ меня за вами. Пугачь пришелъ.»—Уѣхала ли Марья Ивановна?—спросилъ я съ сердечнымъ трепетомъ. — «Не успѣла» отвѣчалъ Иванъ Игнатьичь: «дорога въ Оренбургъ отрѣзана; крѣпость окружена. Плохо, Петръ Андреичь!»

Мы пошли на валъ, возвышеніе образованное природой и укрѣпленное частоколомъ. Тамъ уже толпились всѣ жители крѣпости. Гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ. Пушку туда перетащили наканунѣ. Комендантъ расхаживалъ передъ своимъ малочисленнымъ строемъ. Близость опасности одушевляла стараго воина бодростію необыкновеной. По степи, не въ дальнемъ разстояніи отъ крѣпости, разъѣзжали чело-

вѣкъ двадцать верхами. Они, казалося, казаки, но между ими находились и Башкирцы, которыхъ легко можно было распознать по ихъ рысьимъ шапкамъ и по колчанамъ. Комендантъ обошелъ свое войско, говоря солдатамъ: «Ну, дѣтушки, постоимъ сегодня за матушку Государыню, и докажемъ всему свѣту, что мы люди бравые и присяжные!» Солдаты громко изъявили усердіе. Швабринъ стоялъ подлѣ меня и пристально глядѣлъ на непріятеля. Люди, разъѣзжающіе въ степи, замѣтя движеніе въ крѣпости, съѣхались въ кучку и стали между собою толковать. Комендантъ велѣлъ Ивану Игнатьичу навести пушку на ихъ толпу, и самъ приставилъ фитиль. Ядро зажужжало и пролетѣло надъ ними, не сдѣлавъ никакого вреда. Наѣздники, разсѣясь, тотчасъ ускакали изъ виду, и степь опустѣла.

Тутъ явилась на валу Василиса Егоровна и съ нею Маша, нехотѣвшая отстать отъ нея. «Ну, что?» сказала комендантша. «Каково идетъ баталья? Гдѣ же непріятель?»—Непріятель недалече—отвѣчалъ Иванъ Кузмичь.—Богъ дастъ все будетъ ладно. Что, Маша, страшно тебѣ?—«Нѣтъ, папенька,»—отвѣчала Марья Ивановна; дома одной страшнѣе.» Тутъ она взглянула на меня и съ усиліемъ улыбнулась. Я невольно стиснулъ рукоять моей шпаги, вспомня, что наканунѣ получилъ ее изъ ея рукъ, какъ бы на защиту моей любезной. Сердце мое горѣло. Я воображалъ себя ея рыцаремъ. Я жаждалъ доказать, что былъ достоинъ ея довѣренности и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать рѣшительной минуты.

Въ это время изъ-за высоты, находившейся въ полверстѣ отъ крѣпости, показались новыя конныя толпы, и вскорѣ степь усѣялась множествомъ людей, вооруженныхъ копьями и сайдаками. Между ими на бѣломъ конѣ ѣхалъ человѣкъ въ красномъ кафтанѣ съ обнаженной саблею въ рукѣ: это былъ самъ Пугачевъ. Онъ остановился; его окружили и, какъ видно, по его повелѣнію, четыре человѣка отдѣлились и во весь опоръ подскакали подъ самую крѣпость. Мы въ нихъ узнали своихъ измѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ держалъ надъ шапкою листъ бумаги; у другаго на копье воткнута была голова Юлая, которую, стряхнувъ, перекинулъ онъ къ намъ чрезъ частоколъ. Голова бѣднаго Калмыка упала къ ногамъ коменданта. Измѣнники кричали: «Не стрѣляйте; выходите вонъ къ Государю. Государь здѣсь!»

«Вотъ я васъ!» закричалъ Иванъ Кузмичь. «Ребята! стрѣляй!» Солдаты наши дали залпъ. Казакъ, державшій письмо, зашатался и свалился съ лошади; другіе поскакали назадъ. Я взглянулъ на Марью Ивановну. Пораженная видомъ окровавленной головы Юлая, оглушенная залпомъ, она казалась безъ памяти. Комендантъ подозвалъ капрала и велѣлъ ему взять листъ изъ рукъ убитаго казака. Капралъ вышелъ въ поле и возвратился, ведя подъ устцы лошадь убитаго. Онъ вручилъ коменданту письмо. Иванъ Кузмичь прочелъ его про себя и разорвалъ потомъ въ клочки. Между тѣмъ мятежники видимо приготовлялись къ дѣйствію. Вскорѣ пули начали

свистать около нашихъ ушей, и нѣсколько стрѣлъ воткнулись около насъ въ землю и въ частоколъ. «Василиса Егоровна!»—сказалъ комендантъ. «Здѣсь не бабье дѣло; уведи Машу; видишь: дѣвка ни жива, ни мертва.»

Василиса Егоровна, присмирѣвшая подъ пулями, взглянула на степь, на которой замѣтно было большое движеніе; потомъ оборотилась къ мужу и сказала ему: «Иванъ Кузмичь, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: благослови Машу. Маша, подойди къ отцу.»

Маша, блѣдная и трепещущая, подошла къ Ивану Кузмичу, стала на колѣни и поклонилась ему въ землю. Старый комендантъ перекрестилъ ее трижды; потомъ поднялъ, и поцѣловавъ, сказалъ ей измѣнившимся голосомъ: »Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человѣкъ, дай Богъ вамъ любовь да совѣтъ. Живите, какъ жили мы съ Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорѣе.» (Маша кинулась ему на шею, и зарыдала).—Поцѣлуемся жь и мы,—сказала заплакавъ комендантша. Прощай, мой Иванъ Кузмичь. Отпусти мнѣ, коли въ чемъ я тебѣ досадила! «Прощай, прощай, матушка!» сказалъ комендантъ, обнявъ свою старуху. «Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успѣешь, надѣнь на Машу сарафанъ.» Комендантша съ дочерью удалились. Я глядѣлъ во слѣдъ Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мнѣ головой. Тутъ Иванъ Кузмичь оборотился къ

намъ, и все вниманіе его устремилось на непріятеля. Мятежники съѣзжались около своего предводителя, и вдругъ начали слѣзать съ лошадей. «Теперь стойте крѣпко» сказалъ комендантъ; «будетъ приступъ».... Въ эту минуту раздался страшный визгъ и крики; мятежники бѣгомъ бѣжали къ крѣпости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендантъ подпустилъ ихъ на самое близкое разстояніе, и вдругъ выпалилъ опять. Картечь хватила въ самую средину толпы. Мятежники отхлынули въ обѣ стороны и попятились. Предводитель ихъ остался одинъ впереди .... Онъ махалъ саблею, и казалось, съ жаромъ ихъ уговаривалъ.... Крикъ и визгъ, умолкнувшіе на минуту, тотчасъ снова возобновились. «Ну, ребята» сказалъ комендантъ; «теперь отворяй ворота, бей въ барабанъ. Ребята! впередъ, на вылазку, за мною!»

Комендантъ, Иванъ Игнатьичь и я мигомъ очутились за крѣпостнымъ валомъ; но обробѣлый гарнизонъ не тронулся. «Что жь вы, дѣтушки, стоите?» закричалъ Иванъ Кузмичь. «Умирать, такъ умирать: дѣло служивое!» Въ эту минуту мятежники набѣжали на насъ и ворвались въ крѣпость. Барабанъ умолкъ; гарнизонъ бросилъ ружья; меня сшибли-было съ ногъ, но я всталъ и вмѣстѣ съ мятежниками вошелъ въ крѣпость. Комендантъ, раненный въ голову, стоялъ въ кучкѣ злодѣевъ, которые требовали отъ него ключей. Я бросился-было къ нему на помощь: нѣсколько дюжихъ казаковъ схватили меня и связали кушаками, пригова-

ривая: «Вотъ ужо вамъ будетъ, Государевымъ ослушникамъ!» Насъ потащили по улицамъ; жители выходили изъ домовъ съ хлѣбомъ и солью. Раздавался колокольный звонъ. Вдругъ закричали въ толпѣ, что Государь на площади ожидаетъ плѣнныхъ и принимаетъ присягу. Народъ повалилъ на площадь; насъ погнали туда же.

Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ на крыльцѣ комендантскаго дома. На немъ былъ красивый казацкій кафтанъ, обшитый голунами. Высокая соболья шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза. Лице его показалось мнѣ знакомо. Казацкіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца, съ крестомъ въ рукахъ, и, казалось, молча, умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили наскоро висѣлицу. Когда мы приближились, Башкирцы разогнали народъ и насъ представили Пугачеву. Колокольный звонъ утихъ; настала глубокая тишина. «Который комендантъ?» спросилъ самозванецъ. Нашъ урядникъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему: «Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему Государю?» Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы, и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: «Ты мнѣ не Государь, ты воръ и самозванецъ, слышь ты!» Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго капитана и потащили къ висѣлицѣ. На ея перекладинѣ очутился вер-

хомъ изувѣченный Башкирецъ, котораго допрашивали мы наканунѣ. Онъ держалъ въ рукѣ веревку и черезъ минуту увидѣлъ я бѣднаго Ивана Кузмича вздернутаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присягай» сказалъ ему Пугачевъ «Государю Петру Ѳеодоровичу!»—Ты намъ не Государь,—отвѣчалъ Иванъ Игнатьичь, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, воръ и самозванецъ!—Пугачевъ махнулъ опять платкомъ, и добрый поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною. Я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей. Тогда, къ неописанному моему изумленію, увидѣлъ я среди мятежныхъ старшинъ Швабрина, обстриженнаго въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ. «Вѣшать его!» сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня. Мнѣ накинули на шею петлю. Я сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля Его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу. Меня притащили подъ висѣлицу. «Не бось, не бось» повторяли мнѣ губители, можетъ быть и вправду желая меня ободрить. Вдругъ услышалъ я крикъ: «Постой-те, окаянные! погодите!».. Палачи остановились. Гляжу: Савельичь лежитъ въ ногахъ у Пугачева. «Отецъ родной!» говорилъ бѣдный дядька. «Что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ; а для примѣра и страха ради, вели

повѣсить хоть меня старика!» Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и оставили. «Батюшка нашъ тебя милуетъ» — говорили мнѣ. Въ эту минуту не могу сказать, чтобъ я обрадовался своему избавленію, не скажу однакожь, чтобъ я о немъ и сожалѣлъ. Чувствованія мои были слишкомъ смутны. Меня снова привели къ самозванцу и поставили передъ нимъ на колѣни. Пугачевъ протянулъ мнѣ жилистую свою руку. «Цѣлуй руку, цѣлуй руку!» —говорили около меня. Но я предпочелъ бы самую лютую казнь такому подлому униженію. «Батюшка Петръ Андреичь!» — шепталъ Савельичь, стоя за мною и толкая меня. «Не упрямься! Что тебѣ стоитъ? плюнь да поцѣлуй у злод.... (тьфу!) поцѣлуй у него ручку.» Я не шевелился. Пугачевъ опустилъ, сказавъ съ усмѣшкою: «Его благородіе знать одурѣлъ отъ радости. Подымите его!» — Меня подняли и оставили на свободѣ. Я сталъ смотрѣть на продолженіе ужасной комедіи.

Жители начали присягать. Они подходили одинъ за другимъ, цѣлуя распятіе и потомъ кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тутъ же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, рѣзалъ у нихъ косы. Они, отряхиваясь, подходили къ рукѣ Пугачева, который объявлялъ имъ прощеніе и принималъ въ свою шайку. Все это продолжалось около трехъ часовъ. Наконецъ Пугачевъ всталъ съ креселъ и сошелъ съ крыльца въ сопровожденіи своихъ старшинъ. Ему подвели бѣлаго коня, украшеннаго богатой сбруей. Два каза-

ка взяли его подъ руки и посадили на сѣдло. Онъ объявилъ отцу Герасиму, что будетъ обѣдать у него. Въ эту минуту раздался женскій крикъ. Нѣсколько разбойниковъ вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздѣтую донага. Одинъ изъ нихъ успѣлъ уже нарядиться въ ея душегрѣйку. Другіе таскали перины, сундуки, чайную посуду, бѣлье и всю рухлядь. «Батюшки мои!» кричала бѣдная старушка. «Отпустите душу на покаяніе. Отцы родные, отведите меня къ Ивану Кузмичу.» Вдругъ она взглянула на висѣлицу и узнала своего мужа. «Злодѣи!» закричала она въ иступленіи. «Что это вы съ нимъ сдѣлали? Свѣтъ ты мой, Иванъ Кузмичь, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки Прусскіе, ни пули Турецкія; не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣглаго каторжника!» — Унять старую вѣдьму! — сказалъ Пугачевъ. Тутъ молодой казакъ ударилъ ее саблею по головѣ, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачевъ уѣхалъ; народъ бросился за нимъ.

ГЛАВА VII.

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ.

Незванный гость хуже Татарина.

Пословица.

Площадь опустѣла. Я все стоялъ на одномъ мѣстѣ, и не могъ привести въ порядокъ мысли, смущенныя столь ужасными впечатлѣніями.

Неизвѣстность о судьбѣ Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Гдѣ она? что съ нею? успѣла ли спрятаться? надежно ли ея убѣжище?... Полный тревожными мыслями, я вошелъ въ комендантскій домъ... Все было пусто; стулья, столы,

сундуки были переломаны; посуда перебита; все растаскано. Я взбѣжалъ по маленькой лѣстницѣ, которая вела въ свѣтлицу, и въ первый разъ отроду вошелъ въ комнату Марьи Ивановны. Я увидѣлъ ея постелю, перерытую разбойниками; шкапъ былъ разломанъ и ограбленъ; лампадка теплилась еще передъ опустѣлымъ кивотомъ. Уцѣлѣло и зеркальцо, висѣвшее въ простѣнкѣ .... Гдѣ жь была хозяйка этой смиренной, дѣвической келльи? Страшная мысль мелькнула въ умѣ моемъ: я вообразилъ ее въ рукахъ у разбойниковъ .... Сердце мое сжалось .... Я горько, горько заплакалъ, и громко произнесъ имя моей любезной .... Въ эту минуту послышался легкій шумъ, и изъ-за шкапа явилась Палаша, блѣдная и трепещущая.

«Ахъ, Петръ Андреичь!»—сказала она, сплеснувъ руками. «Какой денёкъ! какія страсти!»...

А Марья Ивановна? — спросилъ я нетерпѣливо Что Марья Ивановна?

«Барышня жива»—отвѣчала Палаша. «Она спрятана у Акулины Памфиловны.»

—У попадьи! — вскричалъ я съ ужасомъ. Боже мой! да тамъ Пугачевъ!...

Я бросился вонъ изъ комнаты, мигомъ очутился на улицѣ и опрометью побѣжалъ въ домъ священника, ничего не видя и не чувствуя. Тамъ раздава-

лись крики, хохотъ и пѣсни .... Пугачевъ пировалъ съ своими товарищами. Палаша прибѣжала туда же за мною. Я подослалъ ее вызвать тихонько Акулину Памфиловну. Чрезъ минуту попадья вышла ко мнѣ въ сѣни съ пустымъ штофомъ въ рукахъ.

— Ради Бога! гдѣ Марья Ивановна? — спросилъ я съ неизъяснимымъ волненіемъ.

«Лежитъ, моя голубушка, у меня на кровати, тамъ за перегородкою» — отвѣчала попадья. «Ну, Петръ Андреичь, чуть-было не стряслась бѣда, да слава Богу, все прошло благополучно: злодѣй только-что усѣлся обѣдать, какъ она моя бѣдняжка очнется да застонетъ!... Я такъ и обмерла. Онъ услышалъ: «А кто это у тебя охаетъ, старуха?» Я вору въ поясъ: племянница моя, Государь; захворала, лежитъ, вотъ ужь другая недѣля. — «А молода твоя племянница?» — Молода, Государь. — «А покажи-ка мнѣ, старуха, свою племянницу.» — У меня сердце такъ и екнуло, да нечего было дѣлать. — Изволь, Государь; только дѣвка-то не сможетъ встать и придти къ твоей милости. — «Ничего, старуха, я и самъ пойду погляжу.» И вѣдь пошелъ окаянный за перегородку; какъ ты думаешь! вѣдь отдернулъ занавѣсъ, взглянулъ ястребиными своими глазами — и ничего... Богъ вынесъ! А вѣришь ли, я и батька мой такъ ужь и приготовились къ мученической смерти. Къ счастію, она моя голубушка не узнала его. Господи Владыко, дождались мы праздника! Нечего сказать! бѣдный Иванъ Кузмичь! кто бы подумалъ!...

А Василиса-то Егоровна? А Иванъ-то Игнатьичъ? Его-то за что?... Какъ это васъ пощадили? А каковъ Швабринъ, Алексѣй Иванычъ? Вѣдь остригся въ кружокъ и теперь у насъ тутъ же съ ними пируетъ! Проворенъ, нечего сказать! А какъ сказала я про больную племянницу, такъ онъ, вѣришь ли, такъ взглянулъ на меня, какъ-бы ножемъ насквозь; однако не выдалъ, спасибо ему и за то.» — Въ эту минуту раздались пьяные крики гостей и голосъ отца Герасима. Гости требовали вина, хозяинъ кликалъ сожительницу. Попадья расхлопоталась. «Ступайте себѣ домой, Петръ Андреичъ» сказала она; «теперь не до васъ; у злодѣевъ попойка идетъ. Бѣда, попадетесь подъ пьяную руку. Прощайте, Петръ Андреичъ. Что будетъ, то будетъ; авось Богъ не оставитъ!»

Попадья ушла. Нѣсколько успокоенный, я отправился къ себѣ на квартиру. Проходя мимо площади, я увидѣлъ нѣсколько Башкирцевъ, которые тѣснились около висѣлицы и стаскивали сапоги съ повѣшенныхъ; съ трудомъ удержалъ я порывъ негодованія, чувствуя безполезность заступленія. По крѣпости бѣгали разбойники, грабя офицерскіе дома. Вездѣ раздавались крики пьянствующихъ мятежниковъ. Я пришелъ домой. Савельичъ встрѣтилъ меня у порога: «Слава Богу!» вскричалъ онъ увидя меня. Я было думалъ, что злодѣи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Петръ Андреичъ! вѣришь ли? все у насъ разграбили, мошенники: платье, бѣлье, вещи, посуду—ничего не оставили. Да что ужъ! Слава Бо-

гу, что тебя живаго отпустили! А узналъ ли ты, сударь, атамана?»

—Нѣтъ, не узналъ; а кто жь онъ такой?

«Какъ, батюшка? Ты и позабылъ того пьяницу, который выманилъ у тебя тулупъ на постояломъ дворѣ? Заячій тулупчикъ совсѣмъ новёшенькій; а онъ, бестія, его такъ и распоролъ, напяливая на себя!»

Я изумился. Въ самомъ дѣлѣ сходство Пугачева съ моимъ вожатымъ было разительно. Я удостовѣрился, что Пугачевъ и онъ были одно и то же лице, и понялъ тогда причину пощады, мнѣ оказанной. Я не могъ не подивиться странному сцѣпленію обстоятельствъ: дѣтскій тулупъ, подаренный бродягѣ, избавлялъ меня отъ петли, и пьяница, шатавшійся по постоялымъ дворамъ, осаждалъ крѣпости и потрясалъ государствомъ!

«Не изволишь ли покушать?» спросилъ Савельичь, неизмѣнный въ своихъ привычкахъ. «Дома ничего нѣтъ; пойду, пошарю, да что нибудь тебѣ изготовлю.»

Оставшись одинъ, я погрузился въ размышленія. Что̀ мнѣ было дѣлать? Оставаться въ крѣпости подвластной злодѣю, или слѣдовать за его шайкою, было неприлично офицеру. Долгъ требовалъ, чтобъ я явился туда, гдѣ служба моя могла еще быть полезна отечеству въ настоящихъ, затруднитель-

ныхъ обстоятельствахъ... Но любовь сильно совѣтовала мнѣ оставаться при Марьѣ Ивановнѣ и быть ей защитникомъ и покровителемъ. Хотя я и предвидѣлъ скорую и несомнѣнную перемѣну въ обстоятельствахъ, но все же не могъ не трепетать, воображая опасность ея положенія.

Размышленія мои были прерваны приходомъ одного изъ казаковъ, который прибѣжалъ съ объявленіемъ, «что-де Великій Государь требуетъ тебя къ себѣ.» — Гдѣ же онъ? — спросилъ я, готовясь повиноваться.

«Въ комендантскомъ» отвѣчалъ казакъ. «Послѣ обѣда батюшка нашъ отправился въ баню, а теперь отдыхаетъ. Ну, ваше благородіе, по всему видно, что персона знатная: за обѣдомъ скушать изволилъ двухъ жареныхъ поросятъ, а пáрится такъ жарко, что и Тарасъ Курочкинъ не вытерпѣлъ, отдалъ вѣникъ Ѳомкѣ Бикбаеву, да на силу холодной водой откачался. Нечего сказать: всѣ пріемы такіе важные... А въ банѣ, слышно, показывалъ царскіе свои знаки на грудяхъ: на одной двуглавый орелъ, величиною съ пятакъ, а на другой персона его.»

Я не почелъ нужнымъ оспоривать мнѣнія казака, и съ нимъ вмѣстѣ отправился въ комендантскій домъ, заранѣ воображая себѣ свиданіе съ Пугачевымъ и стараясь предугадать, чѣмъ оно кончится. Читатель легко можетъ себѣ представить, что я не былъ совершенно хладнокровенъ.

Начинало смеркаться, когда пришелъ я къ комендантскому дому. Висѣлица съ своими жертвами страшно чернѣла. Тѣло бѣдной комендантши все еще валялось подъ крыльцемъ, у котораго два казака стояли на караулѣ. Казакъ, приведшій меня, отправился про меня доложить, и, тотчасъ же воротившись, ввелъ меня въ ту комнату, гдѣ наканунѣ такъ нѣжно прощался я съ Марьей Ивановною.

Необыкновенная картина мнѣ представилась. За столомъ, накрытымъ скатертью и установленнымъ штофами и стаканами, Пугачевъ и человѣкъ десять казацкихъ старшинъ сидѣли, въ шапкахъ и цвѣтныхъ рубашкахъ, разгоряченные виномъ, съ красными рожами и блистающими глазами. Между ими не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранныхъ измѣнниковъ. «А, ваше благородіе!» сказалъ Пугачевъ, увидя меня. «Добро пожаловать; честь и мѣсто, милости просимъ.» Собесѣдники потѣснились. Я молча сѣлъ на краю стола. Сосѣдъ мой, молодой казакъ, стройный и красивый, налилъ мнѣ стаканъ простаго вина, до котораго я не коснулся. Съ любопытствомъ сталъ я разсматривать сборище. Пугачевъ на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, облокотясь на столъ и подпирая черную бороду своимъ широкимъ кулакомъ. Черты лица его, правильныя и довольно пріятныя, не изъявляли ничего свирѣпаго. Онъ часто обращался къ человѣку лѣтъ пятидесяти, называя его то графомъ, то Тимоѳеичемъ, а иногда величая его дядюшкою. Всѣ обходились между собою какъ товарищи и не оказывали ника-

кого особеннаго предпочтенія своему предводителю. Разговоръ шелъ объ утреннемъ приступѣ, объ успѣхѣ возмущенія и о будущихъ дѣйствіяхъ. Каждый хвасталъ, предлагалъ свои мнѣнія и свободно оспоривалъ Пугачева. И на семъ-то странномъ военномъ совѣтѣ рѣшено было идти къ Оренбургу; движеніе дерзкое, и которое чуть было не увѣнчалось бѣдственнымъ успѣхомъ! Походъ былъ объявленъ къ завтрашнему дню. «Ну, братцы»—сказалъ Пугачевъ—«затянемъ-ка на сонъ грядущій мою любимую пѣсенку. Чумаковъ! начинай!»—Сосѣдъ мой затянулъ тонкимъ голоскомъ заунывную бурлацкую пѣсню, и всѣ подхватили хоромъ:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ доброму молодцу думу думати.
Что за утра мнѣ доброму молодцу въ допросъ идти
Передъ грознаго судью, самого Царя.
Еще станетъ Государь-Царь меня спрашивать;
Ты скажи, скажи дѣтинушка крестьянскій сынъ,
Ужь какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,
Еще много ли съ тобой было товарищей?
Я скажу тебѣ, надежа православный Царь,
Всее правду скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первой мой товарищъ темная ночь,
А второй мой товарищъ булатный ножъ,
А какъ третій-то товарищъ, то мой добрый конь,
А четвертой мой товарищъ, то тугой лукъ,

Что разсыльщики мои, то калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа православный Царь:
Исполать тебѣ, дѣтинушка крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиной.

Невозможно разсказать, какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ и безъ того выразительнымъ,— все потрясало меня какимъ-то піитическимъ ужасомъ.

Гости выпили еще по стакану, встали изо стола и простились съ Пугачевымъ. Я хотѣлъ за ними послѣдовать; но Пугачевъ сказалъ мнѣ: «Сиди; я хочу съ тобою переговорить.»—Мы остались глазъ на глазъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось обоюдное наше молчаніе. Пугачевъ смотрѣлъ на меня пристально, изрѣдка прищуривая лѣвый глазъ съ удивительнымъ выраженіемъ плутовства и насмѣшливости. Наконецъ онъ засмѣялся, и съ такою непритворной веселостію, что и я, глядя на него, сталъ смѣяться, самъ не зная чему.

«Что ваше благородіе?» сказалъ онъ мнѣ. «Струсилъ ты, признайся, когда молодцы мои накинули

тебѣ веревку на шею? Я чаю, небо съ овчинку показалось.... А покачался бы на перекладинѣ, если бъ не твой слуга. Я тотчасъ узналъ стараго хрыча. Ну, думалъ ли ты, ваше благородіе, что человѣкъ, который вывелъ тебя къ умету, былъ самъ Великій Государь? (Тутъ онъ взялъ на себя видъ важный и таинственный.) Ты крѣпко предо мною виноватъ»—продолжалъ онъ, «но я помиловалъ тебя за твою добродѣтель, за то, что ты оказалъ мнѣ услугу, когда принужденъ я былъ скрываться отъ своихъ недруговъ. То ли еще увидишь! Такъ ля еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обѣщаешься ли служить мнѣ съ усердіемъ?»

Вопросъ мошенника и его дерзость показались мнѣ такъ забавны, что я не могъ не усмѣхнуться.

«Чему ты усмѣхаешься?» спросилъ онъ меня нахмурясь. «Или ты не вѣришь, что я Великій Государь? Отвѣчай прямо.»

Я смутился. Признать бродягу Государемъ былъ я не въ состояніи: это казалось мнѣ малодушіемъ непростительнымъ. Назвать его въ глаза обманщикомъ—было подвергнуть себя погибели; и то, на что былъ я готовъ подъ висѣлицею въ глазахъ всего народа и въ первомъ пылу негодованія, теперь казалось мнѣ безполезной хвастливостію. Я колебался. Пугачевъ мрачно ждалъ моего отвѣта. Наконецъ (и еще нынѣ съ самодовольствіемъ поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во

мнѣ надъ слабостію человѣческою. Я отвѣчалъ Пугачеву: Слушай; скажу тебѣ всю правду. Разсуди, могу ли я признать въ тебѣ Государя? Ты человѣкъ смышленый: ты самъ увидѣлъ бы, что я лукавствую.

Кто-же я таковъ, по твоему разумѣнію?»

—Богъ тебя знаетъ; но кто бы ты ни былъ, ты шутишь опасную шутку.

Пугачевъ взглянулъ на меня быстро. «Такъ ты не вѣришь»—сказалъ онъ «чтобъ я былъ Государь Петръ Ѳедоровичь? Ну, добро. А развѣ нѣтъ удачи удалому? Развѣ въ старину Гришка Отрепьевъ не царствовалъ? Думай про меня что хочешь, а отъ меня не отставай. Какое тебѣ дѣло до инаго-прочаго? Кто ни попъ, тотъ батька. Послужи мнѣ вѣрой и правдою, и я тебя пожалую и въ фельдмаршалы и въ князья. Какъ ты думаешь?»

—Нѣтъ,—отвѣчалъ я съ твердостію. Я природный дворянинъ; я присягалъ Государынѣ Императрицѣ: тебѣ служить не могу. Коли ты въ самомъ дѣлѣ желаешь мнѣ добра, такъ отпусти меня въ Оренбургъ.

Пугачевъ задумался. «А коли отпущу» сказалъ онъ «такъ обѣщаешься ли по крайней мѣрѣ противъ меня не служить?«

—Какъ могу тебѣ въ этомъ обѣщаться?—отвѣчалъ я. Самъ знаешь, не моя воля: велятъ идти

противъ тебя—пойду, дѣлать нечего. Ты теперь самъ начальникъ; самъ требуешь повиновенія отъ своихъ. На что это будетъ похоже, если я отъ службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя въ твоей власти: отпустишь меня—спасибо; казнишь—Богъ тебѣ судья; а я сказалъ тебѣ правду.

Моя искренность поразила Пугачева. «Такъ и быть» сказалъ онъ, ударя меня по плечу. «Казнить, такъ казнить, миловать такъ миловать. Ступай себѣ на всѣ четыре стороны и дѣлай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себѣ спать, и меня ужь дрема клонитъ.»

Я оставилъ Пугачева и вышелъ на улицу. Ночь была тихая и морозная. Мѣсяцъ и звѣзды ярко сіяли, освѣщая площадь и висѣлицу. Въ крѣпости все было спокойно и темно. Только въ кабакѣ свѣтился огонь и раздавались крики запоздалыхъ гулякъ. Я взглянулъ на домъ священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, все въ немъ было тихо.

Я пришелъ къ себѣ на квартиру, и нашелъ Савельича, горюющаго по моемъ отсутствіи. Вѣсть о свободѣ моей обрадовала его несказанно. «Слава тебѣ, Владыко!» сказалъ онъ перекрестившись. «Чѣмъ свѣтъ оставимъ крѣпость и пойдемъ куда глаза глядятъ. Я тебѣ кое-что заготовилъ; покушай-ка,

батюшка, да и почивай себѣ до утра, какъ у Христа за пазушкой.»

Я послѣдовалъ его совѣту, и, поужинавъ съ большимъ аппетитомъ, заснулъ на голомъ полу, утомленный душевно и физически.

ГЛАВА IX.

РАЗЛУКА.

Сладко было спознаваться
Мнѣ, прекрасная, съ тобой;
Грустно, грустно разставаться,
Грустно, будто бы съ душой.

Херасковъ.

Рано утромъ разбудилъ меня барабанъ. Я пошелъ на сборное мѣсто. Тамъ строились уже толпы Пугачевскія около висѣлицы, гдѣ все еще висѣли вчерашнія жертвы. Казаки стояли верхами, солдаты подъ ружьемъ. Знамена развѣвались. Нѣсколько пушекъ, между коихъ узналъ я и нашу, поставлены

были на походные лафеты. Всѣ жители находились тутъ же, ожидая самозванца. У крыльца комендантскаго дома казакъ держалъ подъ устцы прекрасную бѣлую лошадь Киргизской породы. Я искалъ глазами тѣла комендантши. Оно было отнесено немного въ сторону и прикрыто рогожею. Наконецъ Пугачевъ вышелъ изъ сѣней. Народъ снялъ шапки. Пугачевъ остановился на крыльцѣ и со всѣми поздоровался. Одинъ изъ старшинъ подалъ ему мѣшокъ съ мѣдными деньгами, и онъ сталъ ихъ метать пригоршнями. Народъ съ крикомъ бросался ихъ подбирать, и дѣло обошлось не безъ увѣчья: Пугачева окружили главные изъ его сообщниковъ. Между ими стоялъ и Швабринъ. Взоры наши встрѣтились; въ моемъ онъ могъ прочесть презрѣніе, и онъ отворотился съ выраженіемъ искренней злобы и притворной насмѣшливости. Пугачевъ, увидѣвъ меня въ толпѣ, кивнулъ мнѣ головою и подозвалъ къ себѣ. «Слушай» сказалъ онъ мнѣ. «Ступай сей же часъ въ Оренбургъ и объяви отъ меня губернатору и всѣмъ генераламъ, чтобъ ожидали меня къ себѣ черезъ недѣлю. Присовѣтуй имъ встрѣтить меня съ дѣтскою любовію и послушаніемъ; не то не избѣжать имъ лютой казни. Счастливый путь, ваше благородіе!» Потомъ обратился онъ къ народу и сказалъ, указывая на Швабрина. «Вотъ вамъ, дѣтушки, новый командиръ. Слушайтесь его во всемъ, а онъ отвѣчаетъ мнѣ за васъ и за крѣпость.» Съ ужасомъ услышалъ я сіи слова: Швабринъ дѣлался начальникомъ крѣпости; Марья Ивановна оставалась въ его власти! Боже, что съ нею будетъ! Пугачевъ

сошелъ съ крыльца. Ему подвели лошадь. Онъ проворно вскочилъ въ сѣдло, не дождавшись казаковъ, которые хотѣли было подсадить его.

Въ это время, изъ толпы народа, вижу, выступилъ мой Савельичь, подходитъ къ Пугачеву, и подаетъ ему листъ бумаги. Я не могъ придумать, что̀ изъ того выйдетъ. «Это что?» спросилъ важно Пугачевъ.—Прочитай, такъ изволишь увидѣть—отвѣчалъ Савельичь. Пугачевъ принялъ бумагу и долго разсматривалъ съ видомъ значительнымъ. «Что ты такъ мудрено пишешь?» сказалъ онъ наконецъ. Наши свѣтлые очи не могутъ тутъ ничего разобрать. Гдѣ мой оберъ-секретарь?»

Молодой малой въ капральскомъ мундирѣ проворно подбѣжалъ къ Пугачеву. «Читай въ слухъ» сказалъ самозванецъ, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопытствовалъ узнать, о чемъ дядька мой вздумалъ писать Пугачеву. Оберъ-секретарь громогласно сталъ по складамъ читать слѣдующее:

«Два халата, миткалевый и шелковый полосатый, на шесть рублей.»

—Это что значитъ?—сказалъ, нахмурясь, Пугачевъ.

Прикажи читать далѣе—отвѣчалъ спокойно Савельичь.

Оберъ-Секретарь продолжалъ:

«Мундиръ изъ тонкаго зеленаго сукна, на семь рублей.

«Штаны бѣлые суконные, на пять рублей.

«Двѣнадцать рубахъ полотняныхъ Голландскихъ съ манжетами, на десять рублей.

«Погребецъ съ чайною посудою, на два рубля съ полтиною ....

—Что за вранье?—прервалъ Пугачевъ. Какое мнѣ дѣло до погребцовъ и до штановъ съ манжетами?

Савельичь крякнулъ и сталъ объясняться. «Это, батюшка, изволишь видѣть, реестръ барскому добру, раскраденному злодѣями» ....

—Какими злодѣями?—спросилъ грозно Пугачевъ.

«Виноватъ: обмолвился» отвѣчалъ Савельичь. «Злодѣи не злодѣи, а твои ребята, таки пошарили, да порастаскали. Не гнѣвись: конь и о четырехъ ногахъ да спотыкается. Прикажи ужь дочитать.»

—Дочитывай — сказалъ Пугачевъ. Секрстарь продолжалъ:

«Одѣяло ситцевое, другое тафтяное на хлопчатой бумагѣ, четыре рубля.

«Шуба лисья, крытая алымъ ратиномъ, 40 рублей.

«Еще заячій тулупчикъ, пожалованный твоей милости на постояломъ дворѣ, 15 рублей.

—Это что еще!—вскричалъ Пугачевъ, сверкнувъ огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бѣднаго моего дядьку. Онъ хотѣлъ было пуститься опять въ объясне

нія; но Пугачевь его прервалъ: «Какъ ты смѣлъ лѣзть ко мнѣ съ такими пустяками?» вскричалъ онъ, выхватя бумагу изъ рукъ секретаря и бросивъ ее въ лицо Савельичу. «Глупый старикъ! Ихъ обобрали: экая бѣда! Да ты долженъ, старый хрычь, вѣчно Бога молить за меня да за моихъ ребятъ, за то, что ты и съ бариномъ-то своимъ не висите здѣсь вмѣстѣ съ моими ослушниками . . . . Заячій тулупъ! Я-те дамъ заячій тулупъ! Да знаешь ли ты, что я съ тебя живаго кожу велю содрать на тулупы?»

—Какъ изволишь,—отвѣчалъ Савельичъ,—а я человѣкъ подневольный, и за барское добро долженъ отвѣчать.

Пугачевъ былъ видно въ припадкѣ великодушія. Онъ отворотился и отъѣхалъ, не сказавъ болѣе ни слова. Швабринъ и старшины послѣдовали за нимъ. Шайка выступила изъ крѣпости въ порядкѣ. Народъ пошелъ провожать Пугачева. Я остался на площади одинъ съ Савельичемъ. Дядька мой держалъ въ рукахъ свой реестръ и разсматривалъ его съ видомъ глубокаго сожалѣнія.

Видя мое доброе согласіе съ Пугачевымъ, онъ думалъ употребить оное въ пользу; но мудрое намѣреніе ему не удалось. Я сталъ-было его бранить за неумѣстное усердіе, и не могъ удержаться отъ смѣха. «Смѣйся, сударь» отвѣчалъ Савельичъ; «смѣйся; а какъ придется намъ сызнова заводиться всѣмъ хозяйствомъ, такъ посмотримъ, смѣшно ли будетъ.»

Я спѣшилъ въ домъ священника увидѣться съ Марьей Ивановной. Попадья встрѣтила меня съ печальнымъ извѣстіемъ. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала безъ памяти и въ бреду. Попадья ввела меня въ ея комнату. Я тихо подошелъ къ ея кровати. Перемѣна въ ея лицѣ поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоялъ я передъ нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утѣшали. Мрачныя мысли волновали меня. Состояніе бѣдной, беззащитной сироты, оставленной посреди злобныхъ мятежниковъ, собственное мое безсиліе устрашали меня. Швабринъ, Швабринъ пуще всего терзалъ мое воображеніе. Облеченный властію отъ самозванца, предводительствуя въ крѣпости, гдѣ оставалась несчастная дѣвушка— невинный предметъ его ненависти, онъ могъ рѣшиться на все. Что̀ мнѣ было дѣлать? Какъ подать ей помощь? Какъ освободить изъ рукъ злодѣя? Оставалось одно средство: я рѣшился тотъ же часъ отправиться въ Оренбургъ, дабы торопить освобожденіе Бѣлогорской крѣпости, и по возможности тому содѣйствовать. Я простился съ священникомъ и съ Акулиной Памфиловной, съ жаромъ поручая ей ту, которую почиталъ уже своею женою. Я взялъ руку бѣдной дѣвушки и поцѣловалъ ее, орошая слезами. «Прощайте» говорила мнѣ попадья, провожая меня; «прощайте, Петръ Андреичь. Авось увидимся въ лучшее время. Не забывайте насъ и пишите къ намъ почаще. Бѣдная Марья Ивановна,

кромѣ васъ, не имѣетъ теперь ни утѣшенія, ни покровителя.»

Вышедъ на площадь, я остановился на минуту, взглянулъ на висѣлицу, поклонился ей, вышелъ изъ крѣпости и пошелъ по Оренбургской дорогѣ, сопровождаемый Савельичемъ, который отъ меня не отставалъ.

Я шелъ, занятый своими размышленіями; какъ вдругъ услышалъ за собою конскій топотъ. Оглянулся; вижу: изъ крѣпости скачетъ казакъ, держа Башкирскую лошадь въ поводья и дѣлая издали мнѣ знаки. Я остановился, и вскорѣ узналъ нашего урядника. Онъ, подскакавъ, слѣзъ съ своей лошади и сказалъ, отдавая мнѣ поводья другой: «Ваше благородіе! Отецъ нашъ вамъ жалуетъ лошадь и шубу съ своего плеча (къ сѣдлу привязанъ былъ овчинный тулупъ). Да еще»—примолвилъ запинаясь урядникъ—«жалуетъ онъ вамъ . . . . полтину денегъ . . . . да я растерялъ ее дорогою: простите великодушно.» Савельичь посмотрѣлъ на него косо и проворчалъ: Растерялъ дорогою! А что же у тебя побрякиваетъ за пазухой? Безсовѣстный!—«Что у меня за пазухой-то побрякиваетъ?» возразилъ урядникъ, ни мало не смутясь. «Богъ съ тобою, старинушка! Это бренчитъ уздечка, а не полтина.» Добро,—сказалъ я, прерывая споръ. Благодари отъ меня того, кто тебя прислалъ; а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратномъ пути, и возьми себѣ на водку. «Очень благодаренъ, ваше благородіе» отвѣчалъ онъ, поворачивая свою лошадь; «вѣчно за васъ буду Бога мо-

лить.» При сихъ словахъ онъ поскакалъ назадъ, держась одной рукою за пазуху, и черезъ минуту скрылся изъ виду.

Я надѣлъ тулупъ и сѣлъ верхомъ, посадивъ за собою Савельича. «Вотъ видишь ли, сударь» сказалъ старикъ, «что я не даромъ подалъ мошеннику челобитье: вору-то стало совѣстно, хоть Башкирская долговязая кляча да овчинный тулупъ не сто́ятъ и половины того, что они, мошенники, у насъ украли, и того, что ты ему самъ изволилъ пожаловать; да все же пригодится, а съ лихой собаки хоть шерсти клокъ.»

ГЛАВА X.

ОСАДА ГОРОДА.

Занявъ луга и горы,
Съ вершины какъ орелъ, бросалъ на градъ онъ взоры.
За станомъ повелѣлъ соорудить раскатъ,
И въ немъ перуны скрывъ, въ нощи привесть подъ градъ.

Херасковъ.

—

Приближаясь къ Оренбургу, увидѣли мы толпу колодниковъ съ обритыми головами, съ лицами, обезображенными щипцами палача. Они работали около укрѣпленій, подъ надзоромъ гарнизонныхъ инвалидовъ. Иные вывозили въ тележкахъ соръ, наполнявшій ровъ; другіе лопатками копали землю; на валу каменьщики таскали кирпичь и чинили город-

скую стѣну. У воротъ часовые остановили насъ и потребовали нашихъ паспортовъ. Какъ скоро сержантъ услышалъ, что я ѣду изъ Бѣлогорской крѣпости, то и повелъ меня прямо въ домъ генерала.

Я засталъ его въ саду. Онъ осматривалъ яблони обнаженныя дыханіемъ осени, и, съ помощію стараго садовника, бережно ихъ укутывалъ теплой соломой. Лице его изображало спокойствіе, здоровье и добродушіе. Онъ мнѣ обрадовался, и сталъ разспрашивать объ ужасныхъ происшествіяхъ, коимъ я былъ свидѣтель. Я разсказалъ ему все. Старикъ слушалъ меня со вниманіемъ и между тѣмъ отрѣзывалъ сухія вѣтви. «Бѣдный Мироновъ!» сказалъ онъ, когда кончилъ я свою печальную повѣсть. «Жаль его: хорошій былъ офицеръ. И мадамъ Миронова добрая была дама, и какая майстерица грибы солить! А что Маша, капитанская дочка?» Я отвѣчалъ, что она осталась въ крѣпости на рукахъ у попадьи. «Ай, ай, ай!» замѣтилъ генералъ. «Это плохо, очень плохо. На дисциплину разбойниковъ никакъ нельзя положиться. Что̀ будетъ съ бѣдной дѣвушкою?» Я отвѣчалъ, что до Бѣлогорской крѣпости недалеко и что вѣроятно его превосходительство не замедлитъ выслать войско для освобожденія бѣдныхъ ея жителей. Генералъ покачалъ головою съ видомъ недовѣрчивости. «Посмотримъ, посмотримъ» сказалъ онъ. «Объ этомъ мы еще успѣемъ потолковать. Прошу ко мнѣ пожаловать на чашку чаю: сегодня у меня будетъ военный совѣтъ. Ты можешь намъ дать

вѣрныя свѣдѣнія о бездѣльникѣ Пугачевѣ и объ его войскѣ. Теперь покамѣстъ поди отдохни.

Я пошелъ на квартиру мнѣ отведенную, гдѣ Савельичь уже хозяйничалъ, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать назначеннаго времени. Читатель легко себѣ представитъ, что я не преминулъ явиться на совѣтъ, долженствовавшій имѣть такое вліяніе на судьбу мою. Въ назначенный часъ я уже былъ у генерала.

Я засталъ у него одного изъ городскихъ чиновниковъ, помнится, директора таможни, толстаго и румянаго старичка въ глазетовомъ кафтанѣ. Онъ сталъ разспрашивать меня о судьбѣ Ивана Кузмича, котораго называлъ кумомъ, и часто прерывалъ мою рѣчь дополнительными вопросами и нравоучительными замѣчаніями, которыя, если и не обличали въ немъ человѣка свѣдущаго въ военномъ искусствѣ то по крайней мѣрѣ обнаруживали сметливость и природный умъ. Между тѣмъ собрались и прочіе приглашенные. Когда всѣ усѣлись и всѣмъ разнесли по чашкѣ чаю, генералъ изложилъ весьма ясно и пространно, въ чемъ состояло дѣло: «Теперь, господа,» — продолжалъ онъ — «надлежитъ рѣшить, какъ намъ дѣйствовать противу мятежниковъ: *наступательно*, *или оборонительно?* Каждый изъ оныхъ способовъ имѣетъ свою выгоду и невыгоду. Дѣйствіе наступательное представляетъ болѣе надежды на скорѣйшее истребленіе непріятеля; дѣйствіе оборонительное болѣе вѣрно и безопа-

сно... И такъ начнемъ собирать голоса по законному порядку, то есть, начиная съ младшихъ по чину. Г. прапорщикъ'»—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. «Извольте объяснить намъ ваше мнѣніе.»

Я всталъ, и, въ короткихъ словахъ описавъ сперва Пугачева и шайку его, сказалъ утвердительно, что самозванцу способа не было устоять противу правильнаго оружія.

Мнѣніе мое было принято чиновниками съ явною неблагосклонностію. Они видѣли въ немъ опрометчивость и дерзость молодаго человѣка. Поднялся ропотъ, и я услышалъ явственно слово: молокососъ, произнесенное кѣмъ-то въ полголоса. Генералъ обратился ко мнѣ и сказалъ съ улыбкою: «Г. прапорщикъ! Первые голоса на военныхъ совѣтахъ подаются обыкновенно въ пользу движеній наступательныхъ: это законный порядокъ. Теперь станемъ продолжать собираніе голосовъ. Г. коллежскій совѣтникъ! скажите намъ ваше мнѣніе!»

Старичекъ въ глазетовомъ кафтанѣ поспѣшно допилъ третью свою чашку, значительно разбавленную ромомъ, и отвѣчалъ генералу: Я думаю, ваше превосходительство, что не должно дѣйствовать ни наступательно, ни оборонительно.

«Какъ-же такъ, господинъ коллежскій совѣтникъ?» возразилъ изумленный генералъ. «Другихъ способовъ

тактика не представляетъ: движеніе оборонительное, или наступательное»...

—Ваше превосходительство, двигайтесь подкупательно.

«Э хе, хе! мнѣніе ваше весьма благоразумно. Движенія подкупательныя тактикою допускаются, и мы воспользуемся вашимъ совѣтомъ. Можно будетъ обѣщать за голову бездѣльника... рублей семьдесятъ или даже сто... изъ секретной суммы»...

—И тогда,—прервалъ таможенный директоръ,—будь я Киргизскій баранъ, а не коллежскій совѣтникъ, если эти воры не выдадутъ намъ своего атамана скованнаго по рукамъ и по ногамъ.

«Мы еще объ этомъ подумаемъ и потолкуемъ»—отвѣчалъ генералъ. «Однако надлежитъ во всякомъ случаѣ предпринять и военныя мѣры. Господа, подайте голоса ваши по законному порядку.»

Всѣ мнѣнія оказались противными моему. Всѣ чиновники говорили о ненадежности войскъ, о невѣрности удачи, объ осторожности, и тому подобномъ. Всѣ полагали, что благоразумнѣе оставаться подъ прикрытіемъ пушекъ за крѣпкой каменной стѣною, нежели на открытомъ полѣ испытывать счастіе оружія. Наконецъ генералъ, выслушавъ всѣ мнѣнія, вытрехнулъ пепелъ изъ трубки и произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Государи мои! долженъ я вамъ объявить, что съ моей стороны, я совершенно съ мнѣніемъ господина прапорщика согласенъ: ибо мнѣніе сіе основано на всѣхъ правилахъ здравой тактики, которая всегда почти наступательныя движенія оборонительнымъ предпочитаетъ.»

Тутъ онъ остановился, и сталъ набивать свою трубку. Самолюбіе мое торжествовало. Я гордо посмотрѣлъ на чиновниковъ, которые между собою перешептывались съ видомъ неудовольствія и безпокойства.

«Но, государи мои»—продолжалъ онъ выпустивъ, вмѣстѣ съ глубокимъ вздохомъ, густую струю табачнаго дыму—«я не смѣю взять на себя столь великую отвѣтственность, когда дѣло идетъ о безопасности ввѣренныхъ мнѣ провинцій Ея Императорскимъ Величествомъ, Всемилостивѣйшей моею Государыней. И такъ я соглашаюсь съ большинствомъ голосовъ, которое рѣшило, что всего благоразумнѣе и безопаснѣе внутри города ожидать осады, а нападенія непріятеля силой артиллеріи и (буде окажется возможнымъ) вылазками—отражать.»

Чиновники въ свою очередь насмѣшливо поглядѣли на меня. Совѣтъ разошелся. Я не могъ не сожалѣть о слабости почтеннаго воина, который наперекоръ собственному убѣжденію, рѣшился слѣдовать мнѣніямъ людей несвѣдущихъ и неопытныхъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ сего знаменитаго совѣта, узнали мы, что Пугачевъ, вѣрный своему обѣщанію, приближался къ Оренбургу. Я увидѣлъ войско мятежниковъ съ высоты городской стѣны. Мнѣ показалось, что число ихъ вдесятеро увеличилось со времени послѣдняго приступа, коему былъ я свидѣтель. При нихъ была и артиллерія, взятая Пугачевымъ въ малыхъ крѣпостяхъ, имъ уже покоренныхъ. Вспомня рѣшеніе совѣта, я предвидѣлъ долговременное заключеніе въ стѣнахъ Оренбургскихъ, и чуть не плакалъ отъ досады.

Не стану описывать Оренбургскую осаду, которая принадлежитъ исторіи, а не семейственнымъ запискамъ. Скажу вкратцѣ, что сія осада по неосторожности мѣстнаго начальства была гибельна для жителей, которые претерпѣли голодъ и всевозможныя бѣдствія. Легко можно себѣ вообразить, что жизнь въ Оренбургѣ была самая несносная. Всѣ съ уныніемъ ожидали рѣшенія своей участи; всѣ охали отъ дороговизны, которая въ самомъ дѣлѣ была ужасна. Жители привыкли къ ядрамъ, залетавшимъ на ихъ дворы; даже приступы Пугачева ужъ не привлекали общаго любопытства. Я умиралъ со скуки. Время шло. Писемъ изъ Бѣлогорской крѣпости я не получалъ. Всѣ дороги были отрѣзаны. Разлука съ Марьей Ивановной становилась мнѣ нестерпима. Неизвѣстность о ея судьбѣ меня мучила. Единственное развлеченіе мое состояло въ наѣздничествѣ. По милости Пугачева, я имѣлъ добрую лошадь, съ которой дѣлился скудной пищею, и на ко-

торой ежедневно выѣзжалъ я за городъ перестрѣливаться съ Пугачевскими наѣздниками. Въ этихъ перестрѣлкахъ перевѣсъ былъ обыкновенно на сторонѣ злодѣевъ сытыхъ, пьяныхъ и доброконныхъ. Тощая городовая конница не могла ихъ одолѣть. Иногда выходила въ поле и наша голодная пѣхота; но глубина снѣга мѣшала ей дѣйствовать удачно противу разсѣянныхъ наѣздниковъ. Артиллерія тщетно гремѣла съ высоты вала, а въ полѣ вязла и не двигалась по причинѣ изнуренія лошадей. Таковъ былъ образъ нашихъ военныхъ дѣйствій! И вотъ что Оренбургскіе чиновники называли осторожностію и благоразуміемъ!

Однажды, когда удалось намъ какъ-то разсѣять и прогнать довольно густую толпу, наѣхалъ я на казака, отставшаго отъ своихъ товарищей; я готовъ былъ уже ударить его своею Турецкою саблею, какъ вдругъ онъ снялъ шапку и закричалъ: «Здравствуйте, Петръ Андреичь! Какъ васъ Богъ милуетъ?»

Я взглянулъ, и узналъ нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался. Здравствуй, Максимычь,—сказалъ я ему. Давно ли изъ Бѣлогорской?

«Недавно, батюшка Петръ Андреичь; только вчера воротился. У меня есть къ вамъ письмецо.»

— Гдѣ жъ оно? — вскричалъ я, весь такъ и вспыхнувъ.

«Со мною» отвѣчалъ Максимычъ, положивъ руку за пазуху. «Я обѣщался Палашѣ ужь какъ нибудь да вамъ доставить. Тутъ онъ подалъ мнѣ сложенную бумажку и тотчасъ ускакалъ. Я развернулъ ее и съ трепетомъ прочелъ слѣдующія строки:

«Богу угодно было лишить меня вдругъ отца и матери: не имѣю на землѣ ни родни, ни покровителей. Прибѣгаю къ вамъ, зная, что вы всегда желали мнѣ добра и что вы всякому человѣку готовы помочь. Молю Бога, чтобъ это письмо какъ нибудь до васъ дошло! Максимычъ обѣщалъ вамъ его доставить. Палаша слышала также отъ Максимыча, что васъ онъ часто издали видитъ на вылазкахъ, и что вы совсѣмъ себя не бережете и не думаете о тѣхъ, которые за васъ со слезами Бога молятъ. Я долго была больна; а когда выздоровѣла, Алексѣй Ивановичь, который командуетъ у насъ на мѣстѣ покойнаго батюшки, принудилъ отца Герасима выдать меня ему, застращавъ Пугачевымъ. Я живу въ нашемъ домѣ подъ карауломъ. Алексѣй Ивановичь принуждаетъ меня выдти за него замужъ. Онъ говоритъ, что спасъ мнѣ жизнь, потому что прикрылъ обманъ Акулины Памфиловны, которая сказала злодѣямъ, будто бы я ея племянница. А мнѣ легче было бы умереть, нежели сдѣлаться женою такого человѣка, каковъ Алексѣй Ивановичь. Онъ обходится со мною очень жестоко, и грозится, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезетъ меня въ лагерь къ злодѣю, и съ вами-де то же будетъ, что

съ Лизаветой Харловой. Я просила Алексѣя Ивановича дать мнѣ подумать. Онъ согласился ждать еще три дня; а коли черезъ три дня за него не выду, такъ ужь никакой пощады не будетъ. Батюшка Петръ Андреичь! вы одинъ у меня покровитель; заступитесь за меня бѣдную. Упросите генерала и всѣхъ командировъ прислать къ намъ поскорѣе сикурсу, да пріѣзжайте сами, если можете. Остаюсь вамъ покорная бѣдная сирота

Марья Миронова.»

Прочитавъ это письмо, я чуть съ ума не сошелъ. Я пустился въ городъ, безъ милосердія пришпоривая бѣднаго моего коня. Дорогою придумывалъ я и то и другое для избавленія бѣдной дѣвушки, и ничего не могъ выдумать. Прискакавъ въ городъ, я отправился прямо къ генералу, и опрометью къ нему вбѣжалъ.

Генералъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, куря свою пенковую трубку. Увидя меня, онъ остановился. Вѣроятно, видъ мой поразилъ его; онъ заботливо освѣдомился о причинѣ моего поспѣшнаго прихода. Ваше превосходительство,—сказалъ я ему— прибѣгаю къ вамъ, какъ къ отцу родному; ради Бога, не откажите мнѣ въ моей просьбѣ; дѣло идетъ о счастіи всей моей жизни.

«Что такое, батюшка?» спросилъ изумленный старикъ. «Что я могу для тебя сдѣлать? Говори.»

—Ваше превосходительство, прикажите взять мнѣ роту солдатъ и полсотни казаковъ и пустите меня очистить Бѣлогорскую крѣпость.

Генералъ глядѣлъ на меня пристально, полагая, вѣроятно, что я съ ума сошелъ (въ чемъ почти и не ошибался).

«Какъ это? Очистить Бѣлогорскую крѣпость?»— сказалъ онъ наконецъ.

—Ручаюсь вамъ за успѣхъ,—отвѣчалъ я съ жаромъ. Только отпустите меня.

«Нѣтъ, молодой человѣкъ»—сказалъ онъ качая головою. «На такомъ великомъ разстояніи непріятелю легко будетъ отрѣзать васъ отъ коммуникаціи съ главнымъ стратегическимъ пунктомъ и получить надъ вами совершенную побѣду. Пресѣченная коммуникація»....

Я испугался, увидя его завлеченнаго въ военныя разсужденія, и спѣшилъ его прервать. Дочь капитана Миронова,—сказалъ я ему,—пишетъ ко мнѣ письмо; она проситъ помощи; Швабринъ принуждаетъ ее выдти за него замужъ.

«Неужь-то? О, этотъ Швабринъ превеликій schelm, и если попадется ко мнѣ въ руки, то я велю его судить въ 24 часа, и мы разстрѣляемъ его на парапетѣ крѣпости! Но покамѣстъ надобно взять терпѣніе»....

—Взять терпѣніе!—вскричалъ я внѣ себя. А онъ между тѣмъ женится на Марьѣ Ивановнѣ!...

«О!» возразилъ генералъ. «Это еще не бѣда: лучше ей быть, покамѣстъ, женою Швабрина; онъ теперь можетъ оказать ей протекцію; а когда его разстрѣляемъ, тогда, Богъ дастъ, сыщутся ей и женишки. Миленькія вдовушки въ дѣвкахъ не сидятъ; то есть, хотѣлъ я сказать, что вдовушка скорѣе найдетъ себѣ мужа, нежели дѣвица.»

—Скорѣе соглашусь умереть,—сказалъ я въ бѣшенствѣ,—нежели уступить ее Швабрину!

«Ба, ба, ба, ба!»—сказалъ старикъ. «Теперь понимаю: ты видно въ Марью Ивановну влюбленъ. О, дѣло другое! Бѣдный малый! Но все же я никакъ не могу дать тебѣ роту солдатъ и полсотни казаковъ. Эта экспедиція была бы неблагоразумна; я не могу взять ее на свою отвѣтственность.»

Я потупилъ голову; отчаяніе мною овладѣло. Вдругъ мысль мелькнула въ головѣ моей: въ чемъ оная состояла, читатель увидитъ изъ слѣдующей главы, какъ говорятъ старинные романисты.

ГЛАВА XI.

МЯТЕЖНАЯ СЛОБОДА.

Въ ту пору левъ былъ сытъ, хоть съ роду онъ свирѣпъ
«За чѣмъ пожаловать изволилъ въ мой вертѣпъ?»
Спросилъ онъ ласково.

А. Сумароковъ.

—

Я оставилъ генерала и поспѣшилъ на свою квартиру. Савельичъ встрѣтилъ меня съ обыкновеннымъ своимъ увѣщаніемъ. «Охота тебѣ, сударь, перевѣдываться съ пьяными разбойниками! Боярское ли это дѣло? Не равёнъ часъ: ни за что пропадешь. И добро бы ужь ходилъ ты на Турку или на Шведа, а то грѣхъ и сказать на кого.»

Я прервалъ его рѣчь вопросомъ: сколько у меня всего-на-все денегъ? «Будетъ съ тебя»» отвѣчалъ онъ съ довольнымъ видомъ. «Мошенники какъ тамъ ни шарили, а я все-таки успѣлъ утаить.» И съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ кармана длинный вязаный кошелекъ полный серебра. Ну, Савельичь,—сказалъ я ему,—отдай же мнѣ теперь половину; а остальное возьми себѣ. Я ѣду въ Бѣлогорскую крѣпость.

«Батюшка Петръ Андреичь!» сказалъ добрый дядька дрожащимъ голосомъ. «Побойся Бога; какъ тебѣ пускаться въ дорогу въ нынѣшнее время, когда никуда проѣзду нѣтъ отъ разбойниковъ! Пожалѣй ты хоть своихъ родителей, коли самъ себя не жалѣешь. Куда тебѣ ѣхать? Зачѣмъ? Погоди маленько: войска придутъ, переловятъ мошенниковъ; тогда поѣзжай себѣ хоть на всѣ четыре стороны.»

Но намѣреніе мое было твердо принято. Поздно разсуждать,—отвѣчалъ я старику. Я долженъ ѣхать, я не могу не ѣхать. Не тужи, Савельичь: Богъ милостивъ; авось увидимся! Смотри же, не совѣстись и не скупись. Покупай, что тебѣ будетъ нужно хоть въ три-дорога. Деньги эти я тебѣ дарю. Если черезъ три дня я не ворочусь . . . .

«Что ты это, сударь?»—прервалъ меня Савельичь. «Чтобъ я тебя пустилъ одного! Да этого и во снѣ не проси. Коли ты ужь рѣшился ѣхать, то я хоть пѣшкомъ да пойду за тобой, а тебя не покину. Чтобъ я сталъ безъ тебя сидѣть за каменной стѣ-

ною! Да развѣ я съ ума сошелъ? Воля твоя, сударь, а я отъ тебя не отстану.

Я зналъ, что съ Савельичемъ спорить было нечего, и позволилъ ему приготовляться въ дорогу. Черезъ полчаса я сѣлъ на своего добраго коня, а Савельичь на тощую и хромую клячу, которую даромъ отдалъ ему одинъ изъ городскихъ жителей, не имѣя болѣе средствъ кормить ее. Мы пріѣхали къ городскимъ воротамъ; караульные насъ пропустили; мы выѣхали изъ Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шелъ мимо Бердской слободы, пристанища Пугачевскаго. Прямая дорога занесена была снѣгомъ; но по всей степи видны были конскіе слѣды, ежедневно обновляемые. Я ѣхалъ крупной рысью. Савельичь едва могъ слѣдовать за мною издали, и кричалъ мнѣ поминутно: «Потише, сударь, ради Бога, потише! Проклятая клячонка моя не успѣваетъ за твоимъ долгоногимъ бѣсомъ. Куда спѣшишь? Добро бы на пиръ, а то подъ обухъ, того и гляди.... Петръ Андреичь... батюшка Петръ Андреичь!... Не погуби!... Господи Владыко, пропадетъ барское дитя!»

Вскорѣ засверкали Бердскіе огни. Мы подъѣхали къ оврагамъ, естественнымъ укрѣпленіямъ слободы. Савельичь отъ меня не отставалъ, не прерывая жалобныхъ своихъ моленій. Я надѣялся объѣхать слободу благополучно, какъ вдругъ увидѣлъ въ сумра-

кѣ прямо передъ собой человѣкъ пять мужиковъ, вооруженныхъ дубинами: это былъ передовой караулъ Пугачевскаго пристанища. Насъ окликали. Не зная пароля, я хотѣлъ молча проѣхать мимо ихъ; но они меня тотчасъ окружили, и одинъ изъ нихъ схватилъ лошадь мою за узду. Я выхватилъ саблю и ударилъ мужика по головѣ; шапка спасла его, однако онъ зашатался и выпустилъ изъ рукъ узду. Прочіе смутились и отбѣжали; я воспользовался этой минутою, пришпорилъ лошадь и поскакалъ.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня отъ всякой опасности, какъ вдругъ, оглянувшись, увидѣлъ я, что Савельича со мною не было. Бѣдный старикъ на своей хромой лошади не могъ ускакать отъ разбойниковъ. Что было дѣлать? Подождавъ его нѣсколько минутъ и удостовѣрясь въ томъ, что онъ задержанъ, я поворотилъ лошадь и отправился его выручать.

Подъѣзжая къ оврагу, услышалъ я издали шумъ, крики и голосъ моего Савельича. Я поѣхалъ скорѣе, и вскорѣ очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня нѣсколько минутъ тому назадъ. Савельичь находился между ими. Они стащили старика съ его клячи, и готовились вязать. Прибытіе мое ихъ обрадовало. Они съ крикомъ бросились на меня и мигомъ стащили съ лошади. Одинъ изъ нихъ, повидимому главный, объявилъ намъ, что онъ сейчасъ поведетъ насъ къ Государю.

«А нашъ батюшка» прибавилъ онъ «воленъ приказать: сейчасъ ли вас повѣсить, али дождаться свѣту Божія.» Я не противился; Савельичь послѣдовалъ моему примѣру, и караульные повели насъ съ торжествомъ.

Мы перебрались черезъ оврагъ и вступили въ слободу. Во всѣхъ избахъ горѣли огни. Шумъ и крики раздавались вездѣ. На улицѣ я встрѣтилъ множество народу; но никто въ темнотѣ насъ не замѣтилъ и не узналъ во мнѣ Оренбургскаго офицера. Насъ привели прямо къ избѣ, стоявшей на углу перекрестка. У воротъ стояло нѣсколько винныхъ бочекъ и двѣ пушки. «Вотъ и дворецъ» сказалъ одинъ изъ мужиковъ; «сей часъ объ васъ доложимъ.» Онъ вошелъ въ избу. Я взглянулъ на Савельича; старикъ крестился, читая про себя молитву. Я дожидался долго; наконецъ мужикъ воротился и сказалъ мнѣ: «Ступай; нашъ батюшка велѣлъ впустить офицера.»

Я вошелъ въ избу, или во дворецъ, какъ называли ее мужики. Она освѣщена была двумя сальными свѣчами, а стѣны оклеяны были золотою бумагою; впрочемъ, лавки, столъ, рукомойникъ на веревочкѣ, полотенцо на гвоздѣ, ухватъ въ углу, и широкій шестокъ, уставленный горшками,—все было какъ въ обыкновенной избѣ. Пугачевъ сидѣлъ подъ образами, въ красномъ кафтанѣ, въ высокой шапкѣ, и важно подбочась. Около него стояло нѣсколько изъ главныхъ его товарищей, съ видомъ

притворнаго подобострастія. Видно было, что вѣсть о прибытіи офицера изъ Оренбурга пробудила въ бунтовщикахъ сильное любопытство, и что они приготовились встрѣтить меня съ торжествомъ. Пугачевъ узналъ меня съ перваго взгляду. Поддѣльная важность его вдругъ исчезла. «А, ваше благородіе!»—сказалъ онъ мнѣ съ живостію. «Какъ поживаешь? За чѣмъ тебя Богъ принесъ?» Я отвѣчалъ, что ѣхалъ по своему дѣлу, и что люди его меня остановили. «А по какому дѣлу?» спросилъ онъ меня. Я не зналъ, что̀ отвѣчать. Пугачевъ, полагая, что я не хочу объясниться при свидѣтеляхъ, обратился къ своимъ товарищамъ и велѣлъ имъ выдти. Всѣ послушались, кромѣ двухъ, которые не тронулись съ мѣста. «Говори смѣло при нихъ» сказалъ мнѣ Пугачевъ: «отъ нихъ я ничего не таю.» Я взглянулъ наискось на наперсниковъ самозванца. Одинъ изъ нихъ, щедушный и сгорбленный старичекъ съ сѣдою бородкою, не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ голубой ленты, надѣтой чрезъ плечо по сѣрому армяку. Но ввѣкъ не забуду его товарища. Онъ былъ высокаго росту, дороденъ и широкоплечь, и показался мнѣ лѣтъ сорока пяти. Густая рыжая борода, сѣрые сверкающіе глаза, носъ безъ ноздрей, и красноватыя пятна на лбу и на щекахъ, придавали его рябому, широкому лицу выраженіе неизъяснимое. Онъ былъ въ красной рубахѣ, въ Киргизскомъ халатѣ и въ казацкихъ шароварахъ. Первый (какъ узналъ я послѣ) былъ бѣглый капралъ Бѣлобородовъ; второй Аѳанасій Соколовъ (прозванный Хлопушей), ссыльный преступ-

никъ, три раза бѣжавшій изъ Сибирскихъ рудниковъ. Не смотря на чувства, исключительно меня волновавшія, общество, въ которомъ я такъ нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображеніе. Но Пугачевъ привелъ меня въ себя своимъ вопросомъ: «Говори: по какому же дѣлу выѣхалъ ты изъ Оренбурга?»

Странная мысль пришла мнѣ въ голову: мнѣ показалось, что Провидѣніе, вторично приведшее меня къ Пугачеву, подавало мнѣ случай привести въ дѣйство мое намѣреніе. Я рѣшился имъ воспользоваться, и, не успѣвъ обдумать то, на что рѣшался, отвѣчалъ на вопросъ Пугачева:

— Я ѣхалъ въ Бѣлогорскую крѣпость избавить сироту, которую тамъ обижаютъ.

Глаза у Пугачева засверкали. «Кто изъ моихъ людей смѣетъ обижать сироту?» закричалъ онъ. «Будь онъ семи пядень во лбу, а отъ суда моего не уйдетъ. Говори: кто виноватый?»

—Швабринъ виноватый,—отвѣчалъ я. Онъ держитъ въ неволѣ ту дѣвушку, которую ты видѣлъ, больную, у попадьи, и насильно хочетъ на ней жениться.

«Я проучу Швабрина» сказалъ грозно Пугачевъ. «Онъ узнаетъ, каково у меня своевольничать и обижать народъ. Я его повѣшу.»

«Прикажи слово молвить»—сказалъ Хлопуша хриплымъ голосомъ. «Ты поторопился назначить Швабрина въ коменданты крѣпости, а теперь торопишься его вѣшать. Ты ужь оскорбилъ казаковъ, посадивъ дворянина имъ въ начальники; не пугай же дворянъ, казня ихъ по первому наговору.»

«Нечего ихъ ни жалѣть, ни жаловать!» сказалъ старичекъ въ голубой лентѣ. «Швабрина сказнить не бѣда; а не худо и господина офицера допросить порядкомъ: за чѣмъ изволилъ пожаловать. Если онъ тебя Государемъ не признаетъ, такъ нечего у тебя и управы искать; а коли признаетъ, что́ же онъ до сегодняшняго дня сидѣлъ въ Оренбургѣ съ твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его въ приказную, да запалить тамъ огоньку: мнѣ сдается, что его милость подосланъ къ намъ отъ Оренбургскихъ командировъ.

Логика стараго злодѣя показалась мнѣ довольно убѣдительною. Морозъ пробѣжалъ по всему моему тѣлу, при мысли, въ чьихъ рукахъ я находился. Пугачевъ замѣтилъ мое смущеніе. «Ась, ваше благородіе?» сказалъ онъ мнѣ подмигивая. «Фельдмаршалъ мой, кажется, говоритъ дѣло. Какъ ты думаешь?»

Насмѣшка Пугачева возвратила мнѣ бодрость. Я спокойно отвѣчалъ, что я нахожусь въ его власти и что онъ воленъ поступать со мною, какъ ему будетъ угодно.

«Добро» сказалъ Пугачевъ. «Теперь скажи, въ какомъ состояніи вашъ городъ.

—Слава Богу,—отвѣчалъ я; все благополучно.

«Благополучно?» повторилъ Пугачевъ. «А народъ мретъ съ голоду!»

Самозванецъ говорилъ правду; но я по долгу присяги сталъ увѣрять, что все это пустые слухи, и что въ Оренбургѣ довольно всякихъ запасовъ.

«Ты видишь» подхватилъ старичекъ,—«что онъ тебя въ глаза обманываетъ. Всѣ бѣглецы согласно показываютъ, что въ Оренбургѣ голодъ и моръ, что тамъ ѣдятъ мертвечину, и то за честь; а его милость увѣряетъ, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повѣсить, то ужь на той же висѣлицѣ повѣсь и этого молодца, чтобъ никому не было завидно.»

Слова проклятаго старика, казалось, поколебали Пугачева. Къ счастію Хлопуша, сталъ противорѣчить своему товарищу. «Полно, Наумычь» сказалъ онъ ему. «Тебѣ бы все душить да рѣзать. Что ты за богатырь? Поглядѣть, такъ въ чемъ душа держится. Самъ въ могилу смотришь, а другихъ губишь. Развѣ мало крови на твоей совѣсти?»

—Да ты что за угодникъ?—возразилъ Бѣлобородовъ. У тебя-то откуда жалость взялась?

«Конечно» отвѣчалъ Хлопуша, «и я грѣшенъ, и эта рука (тутъ онъ сжалъ свой костливый кулакъ и, засуча рукава, открылъ косматую руку), и эта рука повинна въ пролитой христіанской крови. Но я губилъ супротивника, а не гостя; на вольномъ перепутьи да въ темномъ лѣсу, не дома, сидя за печью; кистенемъ и обухомъ, а не бабьимъ наговоромъ.»

Старикъ отворотился и проворчалъ слова: «рваныя ноздри!»....

—Что ты тамъ шепчешь, старый хрычь?—закричалъ Хлопуша. Я тебѣ дамъ рваныя ноздри; погоди, придетъ и твое время; Богъ дастъ, и ты щипцевъ понюхаешь.... А покамѣстъ смотри, чтобъ я тебѣ бородишки не вырвалъ!

«Господа енаралы!» — провозгласилъ важно Пугачевъ. «Полно вамъ ссориться. Не бѣда, еслибъ и всѣ Оренбургскія собаки дрыгали ногами подъ одной перекладиной: бѣда если наши кобели межь собою перегрызутся. Ну, помиритесь.»

Хлопуша и Бѣлобородовъ не сказали ни слова, и мрачно смотрѣли другъ на друга. Я увидѣлъ необходимость перемѣнить разговоръ, который могъ кончиться для меня очень невыгоднымъ образомъ, и, обратясь къ Пугачеву, сказалъ ему съ веселымъ видомъ: Ахъ! я было и забылъ благодарить тебя за лошадь и за тулупъ. Безъ тебя я не добрался бы до города и замерзъ бы на дорогѣ.

Уловка моя удалась. Пугачевъ развеселился. «Долгъ платежемъ красенъ» сказалъ онъ, мигая и прищуриваясь. «Разскажи-ка мнѣ теперь, какое тебѣ дѣло до той дѣвушки, которую Швабринъ обижаетъ? Ужь не зазноба ли сердцу молодецкому? а?»

—Она невѣста моя,—отвѣчалъ я Пугачеву, видя благопріятную перемѣну погоды и не находя нужды скрывать истину.

«Твоя невѣста!» закричалъ Пугачевъ. «Что жь ты прежде не сказалъ? Да мы тебя женимъ, и на свадьбѣ твоей попируемъ!» Потомъ обращаясь къ Бѣлобородову: «Слушай, фельдмаршалъ! Мы съ его благородіемъ старые пріятели; сядемъ-ка да поужинаемъ; утро вечера мудренѣе. Завтра посмотримъ, что съ нимъ сдѣлаемъ.»

Я радъ былъ отказаться отъ предлагаемой чести; но дѣлать было нечего. Двѣ молодыя казачки, дочери хозяина избы, накрыли столъ бѣлой скатертью, принесли хлѣба, ухи и нѣсколько штофовъ съ виномъ и пивомъ, и я вторично очутился за одною трапезою съ Пугачевымъ и съ его страшными товарищами.

Оргія, коей я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, продолжалась до глубокой ночи. Наконецъ хмѣль началъ одолѣвать собесѣдниковъ. Пугачевъ задре-

малъ, сидя на своемъ мѣстѣ; товарищи его встали и дали мнѣ знакъ оставить его. Я вышелъ вмѣстѣ съ ними. По распоряженію Хлопуши, караульный отвелъ меня въ приказную избу, гдѣ я нашелъ и Савельича и гдѣ меня оставили съ нимъ въ заперти. Дядька былъ въ такомъ изумленіи при видѣ всего что̀ происходило, что не сдѣлалъ мнѣ никакого вопроса. Онъ улегся въ темнотѣ, и долго вздыхалъ и охалъ; наконецъ захрапѣлъ, а я предался размышленіямъ, которыя во всю ночь ни на одну минуту не дали мнѣ задремать.

Поутру пришли меня звать отъ имени Пугачева. Я пошелъ къ нему. У воротъ его стояла кибитка, запряженная тройкою Татарскихъ лошадей. Народъ толпился на улицѣ. Въ сѣняхъ встрѣтилъ я Пугачева: онъ былъ одѣтъ по дорожному, въ шубѣ и въ Киргизской шапкѣ. Вчерашніе собесѣдники окружали его, принявъ на себя видъ подобострастія, который сильно противорѣчилъ всему, чему я былъ свидѣтелемъ наканунѣ. Пугачевъ весело со мною поздоровался и велѣлъ мнѣ садиться съ нимъ въ кибитку.

Мы усѣлись. «Въ Бѣлогорскую крѣпость!» сказалъ Пугачевъ широкоплечему Татарину, сто̀я правящему тройкою. Сердце мое сильно забилось. Лошади тронулись, колокольчикъ загремѣлъ, кибитка полетѣла....

«Стой! стой!» раздался голосъ слишкомъ мнѣ зна-

комый, — и я увидѣлъ Савельича, бѣжавшаго намъ на встрѣчу. Пугачевъ велѣлъ остановиться. «Батюшка Петръ Андреичь!» кричалъ дядька. «Не покинь меня на старости лѣтъ посреди этихъ мошен» ....—А, старый хрычь!—сказалъ ему Пугачевъ. Опять Богъ далъ свидѣться. Ну, садись на облучекъ.

«Спасибо, Государь, спасибо, отецъ родной!» говорилъ Савельичь усаживаясь. «Дай Богъ тебѣ сто лѣтъ здравствовать за то, что меня старика призрилъ и успокоилъ. Вѣкъ за тебя буду Бога молить, а о заячьемъ тулупѣ и упоминать ужь не стану.»

Этотъ заячій тулупъ могъ наконецъ не на шутку разсердить Пугачева. Къ счастію, самозванецъ или не разслыхалъ или пренебрегъ неумѣстнымъ намекомъ. Лошади поскакали; народъ на улицѣ останавливался и кланялся въ поясъ. Пугачевъ кивалъ головою на обѣ стороны. Черезъ минуту мы выѣхали изъ слободы и помчались по гладкой дорогѣ.

Легко можно себѣ представить, что́ чувствовалъ я въ эту минуту. Черезъ нѣсколько часовъ долженъ я былъ увидѣться съ той, которую почиталъ уже для меня потерянною. Я воображалъ себѣ минуту нашего соединенія.... Я думалъ также и о томъ человѣкѣ, въ чьихъ рукахъ находилась моя судьба, и который по странному стеченію обстоятельствъ, таинственно былъ со мною связанъ. Я вспоминалъ объ опрометчивой жестокости, о кро-

вожадныхъ привычкахъ того, кто вызывался быть избавителемъ моей любезной! Пугачевъ не зналъ, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабринъ могъ открыть ему все; Пугачевъ могъ провѣдать истину и другимъ образомъ. . . . Тогда что̀ станется съ Марьей Ивановной? Холодъ пробѣгалъ по моему тѣлу и волоса становились дыбомъ. . . .

Вдругъ Пугачевъ прервалъ мои размышленія, обратясь ко мнѣ съ вопросомъ:

«О чемъ, ваше благородіе, изволилъ задуматься?»

—Какъ не задуматься,—отвѣчалъ я ему. Я офицеръ и дворянинъ; вчера еще дрался противу тебя, а сегодня ѣду съ тобой въ одной кибиткѣ, и счастіе всей моей жизни зависитъ отъ тебя.

«Что жъ?» спросилъ Пугавевъ «Страшно тебѣ?»

Я отвѣчалъ, что, бывъ однажды уже имъ помилованъ, я надѣялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

«И ты правъ, ей Богу правъ!» сказалъ самозванецъ. «Ты видѣлъ, что мои ребята смотрѣли на тебя косо; а старикъ и сегодня настаивалъ на томъ, что ты шпіонъ, и что надобно тебя пытать и повѣсить; но я не согласился» прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, чтобъ Савельичь и Татаринъ не могли его

услышать—«помня твой стаканъ вина и заячій тулупъ. Ты видишь, что я не такой еще кровопійца, какъ говоритъ обо мнѣ ваша братья.»

Я вспомнилъ взятіе Бѣлогорской крѣпости; но не почелъ нужнымъ его оспоривать, и не отвѣчалъ ни слова.

«Что говорятъ обо мнѣ въ Оренбургѣ?» спросилъ Пугачевъ, помолчавъ немного.

— Да говорятъ, что съ тобою сладить трудновато; нечего сказать: далъ ты себя знать.

Лице самозванца изобразило довольное самолюбіе. «Да!» сказалъ онъ съ веселымъ видомъ. «Я воюю хоть куда. Знаютъ ли у васъ въ Оренбургѣ о сраженіи подъ Юзеевой? Сорокъ енараловъ убито, четыре арміи взято въ полонъ. Какъ ты думаешь: Прусскій король могъ ли бы со мною потягаться?»

Хвастливость разбойника показалась мнѣ забавна. Самъ какъ ты думаешъ? сказалъ я ему; управился ли бы ты съ Фридерикомъ?

«Съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ? А какъ же нѣтъ? Съ вашими енаралами вѣдь я же управляюсь; а они его бивали. Доселѣ оружіе мое было счастливо. Дай срокъ, то ли еще будетъ, какъ пойду на Москву.»

— А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванецъ нѣсколько задумался, и сказалъ въ полголоса: «Богъ вѣсть. Улица моя тѣсна; воли мнѣ мало. Ребята мои умничаютъ. Они воры. Мнѣ должно держать ухо востро; при первой неудачѣ, они свою шею выкупятъ моею головою.»

— То-то!—сказалъ я Пугачеву. Не лучше ли тебѣ отстать отъ нихъ самому, заблаговременно, да прибѣгнуть къ милосердію Государыни?

Пугачевъ горько усмѣхнулся. «Нѣтъ» отвѣчалъ онъ; «поздно мнѣ каяться. Для меня не будетъ помилованія. Буду продолжать какъ началъ. Какъ знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьевъ вѣдь поцарствовалъ же надъ Москвою.»

—А знаешь ты, чѣмъ онъ кончилъ? Его выбросили изъ окна, зарѣзали, сожгли, зарядили его пепломъ пушку и выпалили!

«Слушай»—сказалъ Пугачевъ съ какимъ-то дикимъ вдохновеніемъ. «Разскажу тебѣ сказку, которую въ ребячествѣ мнѣ разсказывала старая Калмычка. Однажды орелъ спрашивалъ у ворона: скажи, воронъ-птица, отъ чего живешь ты на бѣломъ свѣтѣ триста лѣтъ, а я всего-на́-все только тридцать три года? —Отъ того, батюшка, отвѣчалъ ему воронъ, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орелъ подумалъ: давай попробуемъ и мы питаться

тѣмъ же. Хорошо. Полетѣли орелъ да воронъ. Вотъ завидѣли палую лошадь; спустились и сѣли. Воронъ сталъ клевать, да похваливать. Орелъ клюнулъ разъ, клюнулъ другой, махнулъ крыломъ и сказалъ ворону: нѣтъ, братъ воронъ; чѣмъ триста лѣтъ питаться падалью, лучше разъ напиться живой кровью, а тамъ что Богъ дастъ!—Какова Калмыцкая сказка?»

—Затѣйлива—отвѣчалъ я ему. Но жить убійствомъ и разбоемъ значитъ по мнѣ клевать мертвечину.

Пугачевъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и ничего не отвѣчалъ. Оба мы замолчали, погрузясь каждый въ свои размышленія. Татаринъ затянулъ унылую пѣсню; Савельичь, дремля, качался на облучкѣ. Кибитка летѣла по гладкому зимнему пути. .... Вдругъ увидѣлъ я деревушку на крутомъ берегу Яика, съ частоколомъ и съ колокольней—и черезъ четверть часа въѣхали мы въ Бѣлогорскую крѣпость.

ГЛАВА XII.

СИРОТА.

Какъ у нашей у яблонки
Ни верхушки нѣтъ, ни отросточекъ;
Какъ у нашей у княгинюшки
Ни отца нѣту, ни матери.
Снарядить-то ее некому,
Благословить-то ее некому.

Свадебная пѣсня.

—

Кибитка подъѣхала къ крыльцу комендантскаго дома. Народъ узналъ колокольчикъ Пугачева и толпою бѣжалъ за нами. Швабринъ встрѣтилъ самозванца на крыльцѣ. Онъ былъ одѣтъ казакомъ и отростилъ себѣ бороду. Измѣнникъ помогъ Пугачеву вылѣсть изъ кибитки, въ подлыхъ выраженіяхъ изъявляя свою радость и усердіе. Увидя меня, онъ смутился; но вскорѣ оправился, протянулъ мнѣ

руку, говоря: «И ты нашъ? Давно бы такъ!»—Я отворотился отъ него и ничего не отвѣчалъ.

Сердце мое заныло, когда очутились мы въ давно-знакомой комнатѣ, гдѣ на стѣнѣ висѣлъ еще дипломъ покойнаго коменданта, какъ печальная эпитафія прошедшему времени. Пугачевъ сѣлъ на томъ диванѣ, на которомъ, бывало, дремалъ Иванъ Кузмичь, усыпленный ворчаніемъ своей супруги. Швабринъ самъ поднесъ ему водки. Пугачевъ выпилъ рюмку, и сказалъ ему, указавъ на меня: «Поподчуй и его благородіе.» Швабринъ подошелъ ко мнѣ съ своимъ подносомъ; но я вторично отъ него отворотился. Онъ казался самъ не свой. При обыкновенной своей сметливости, онъ, конечно, догадался, что Пугачевъ былъ имъ недоволенъ. Онъ трусилъ передъ нимъ, а на меня поглядывалъ съ недовѣрчивостію. Пугачевъ освѣдомился о состояніи крѣпости, о слухахъ про непріятельскія войска и тому подобномъ, и вдругъ спросилъ его неожиданно: «Скажи, братецъ, какую дѣвушку держишь ты у себя подъ карауломъ? Покажи-ка мнѣ ее.»

Швабринъ поблѣднѣлъ какъ мертвый. Государь,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.... Государь, она не подъ карауломъ.... она больна.... она въ свѣтлицѣ лежитъ.

«Веди жь меня къ ней» сказалъ самозванецъ вставая съ мѣста. Отговориться было невозможно. Шва-

бринъ повелъ Пугачева въ свѣтлицу Марьи Ивановны. Я за ними послѣдовалъ.

Швабринъ остановился на лѣстницѣ. «Государь! сказалъ онъ. «Вы властны требовать отъ меня что вамъ угодно; но не прикажите постороннему входить въ спальню къ женѣ моей.»

Я затрепеталъ. Такъ ты женатъ! сказалъ я Швабрину, готовясь его растерзать.

«Тише!» прервалъ меня Пугачевъ. «Это мое дѣло. А ты»—продолжалъ онъ, обращаясь къ Швабрину,—«не умничай, и не ломайся: жена ли она тебѣ, или не жена, а я веду къ ней кого хочу. Ваше благородіе, ступай за мною.»

У дверей свѣтлицы Швабринъ опять остановился и сказалъ прерывающимся голосомъ: «Государь, предупреждаю васъ, что она въ бѣлой горячкѣ, и третій день, какъ бредитъ безъ умолку.»

—Отворяй! — сказалъ Пугачевъ.

Швабринъ сталъ искать у себя въ карманахъ, и сказалъ, что не взялъ съ собою ключа. Пугачевъ толкнулъ дверь ногою; замокъ отскочилъ; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянулъ, и обмеръ. На полу, въ крестьянскомъ оборванномъ платьѣ, сидѣла Марья Ивановна, блѣд-

ная, худая, съ растрепанными волосами. Передъ нею стоялъ кувшинъ воды, накрытый ломтемъ хлѣба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало—не помню.

Пугачевъ посмотрѣлъ на Швабрина, и сказалъ съ горькой усмѣшкою: «Хорошъ у тебя лазаретъ!» Потомъ, подошедъ къ Марьѣ Ивановнѣ: «Скажи мнѣ, голубушка, за что твой мужъ тебя наказываетъ? въ чемъ ты передъ нимъ провинилась?»

—Мой мужъ!—повторила она. Онъ мнѣ не мужъ. Я никогда не буду его женою! Я лучше рѣшилась умереть, и умру, если меня не избавятъ.

Пугачевъ взглянулъ грозно на Швабрина: «И ты смѣлъ меня обманывать!» сказалъ онъ ему. «Знаешь ли, бездѣльникъ, чего ты достоинъ?»

Швабринъ упалъ на колѣни.... Въ эту минуту презрѣніе заглушило во мнѣ всѣ чувства ненависти и гнѣва. Съ омерзѣніемъ глядѣлъ я на дворянина, валяющагося въ ногахъ бѣглаго казака. Пугачевъ смягчился. «Милую тебя на сей разъ» сказалъ онъ Швабрину; «но знай, что при первой винѣ тебѣ припомнится и эта.» Потомъ обратился онъ къ Марьѣ Ивановнѣ и сказалъ ей ласково: «Выходи, красная дѣвица; дарую тебѣ волю Я Государь.»

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что передъ нею убійца ея родителей. Она за

крыла лице обѣими руками и упала безъ чувствъ. Я кинулся къ ней; но въ эту минуту очень смѣло въ комнату втерлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачевъ вышелъ изъ свѣтлицы, и мы трое сошли въ гостиную.

«Что, ваше благородіе?» сказалъ смѣясь Пугачевъ. «Выручили красную дѣвицу! Какъ думаешь, не послать ли за попомъ, да не заставить ли его обвѣнчать племянницу? Пожалуй, я буду посаженымъ отцемъ, Швабринъ дружкою; закутимъ, запьемъ — и ворота запремъ!»

Чего я опасался, то и случилось. Швабринъ, услыша предложеніе Пугачева, вышелъ изъ себя. «Государь!» закричалъ онъ въ изступленіи. «Я виноватъ, я вамъ солгалъ; но и Гриневъ васъ обманываетъ. Эта дѣвушка не племянница здѣшняго попа: она дочь Ивана Миронова, который казненъ при взятіи здѣшней крѣпости.

Пугачевъ устремилъ на меня огненные свои глаза. «Это что еще?» спросилъ онъ меня съ недоумѣніемъ.

—Швабринъ сказалъ тебѣ правду,—отвѣчалъ я съ твердостію.

«Ты мнѣ этого не сказалъ» замѣтилъ Пугачевъ, у коего лице омрачилось.

—Самъ ты разсуди,—отвѣчалъ я ему,—можно ли было при твоихъ людяхъ объявить, что дочь Миро-

нова жива. Да они бы ее загрызли. Ничто ея бы не спасло!

«И то правда» сказалъ смѣясь Пугачевъ.—«Мои пьяницы не пощадили бы бѣдную дѣвушку. Хорошо сдѣлала кумушка-попадья, что обманула ихъ.»

—Слушай,—продолжалъ я, видя его доброе расположеніе. Какъ тебя назвать, не знаю, да и знать не хочу .... Но Богъ видитъ, что жизнію моей радъ бы я заплатить тебѣ за то, что ты для меня сдѣлалъ. Только не требуй того, что противно чести моей и христіанской совѣсти. Ты мой благодѣтель. Доверши какъ началъ: отпусти меня съ бѣдной сиротою, куда намъ Богъ путь укажетъ. А мы, гдѣ бы ты ни былъ и чтобы съ тобою ни случилось, каждый день будемъ Бога молить о спасеніи грѣшной твоей души .....

Казалось, суровая душа Пугачева была тронута. «Инъ быть по твоему!»—сказалъ онъ. «Казнить такъ казнить, жаловать такъ жаловать: таковъ мой обычай. Возьми себѣ свою красавицу; вези ее куда хочешь, и дай вамъ Богъ любовь да совѣтъ!»

Тутъ онъ оборотился къ Швабрину и велѣлъ выдать мнѣ пропускъ во всѣ заставы и крѣпости подвластныя ему. Швабринъ, со всѣмъ уничтоженный, стоялъ какъ остолбенѣлый. Пугачевъ отправился осматривать крѣпость. Швабринъ его сопровождалъ; а я остался подъ предлогомъ приготовленій къ отъѣзду.

Я побѣжалъ въ свѣтлицу. Двери были заперты. Я постучался. «Кто тамъ?» спросила Палаша. Я назвался. Милый голосокъ Марьи Ивановны раздался изъ-за дверей. «Погодите, Андрей Петровичь. «Я переодѣваюсь. Ступайте къ Акулинѣ Памфиловнѣ; я сей часъ туда же буду.»

Я повиновался и пошелъ въ домъ отца Герасима. И онъ и попадья выбѣжали ко мнѣ на встрѣчу. Савельичь ихъ уже предупредилъ. «Здравствуйте, Петръ Андреевичь» говорила попадья. «Привелъ Богъ опять увидѣться. Какъ поживаете? А мы-то про васъ каждый день поминали. А Марья-то Ивановна всего натерпѣлась безъ васъ, моя голубушка!.. Да скажите, мой отецъ, какъ это вы съ Пугачевымъ-то поладили! Какъ онъ это васъ не укокошилъ? Добро, спасибо злодѣю и за то.»—Полно, старуха,—прервалъ отецъ Герасимъ. Не все то ври, что знаешь. Нѣсть спасенія во многомъ глаголаніи. Батюшка Петръ Андреевичь! войдите, милости просимъ. Давно, давно не видались.

Попадья стала угощать меня чѣмъ Богъ послалъ. А между тѣмъ говорила безъ умолку. Она разсказала мнѣ, какимъ образомъ Швабринъ принудилъ ихъ выдать ему Марью Ивановну; какъ Марья Ивановна плакала и не хотѣла съ ними разстаться; какъ Марья Ивановна имѣла съ нею всегдашнія сношенія черезъ Палашку (дѣвку бойкую, которая и урядника заставляетъ плясать по своей дудкѣ); какъ она присовѣтовала Марьѣ Ивановнѣ написать ко

мнѣ письмо и прочее. Я въ свою очередь разсказалъ ей вкратцѣ свою исторію. Попъ и попадья крестились, услыша, что Пугачеву извѣстенъ ихъ обманъ. «Съ нами сила крестная!» говорила Акулина Памфиловна. «Промчи Богъ тучу мимо. Ай-да Алексѣй Иванычь; нечего сказать: хорошъ гусь!» — Въ самую эту минуту дверь отворилась, и Марья Ивановна вошла съ улыбкою на блѣдномъ лицѣ. Она оставила свое крестьянское платье и одѣта была по прежнему, просто и мило.

Я схватилъ ея руку и долго не могъ вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали отъ полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что намъ было не до нихъ, и оставили насъ. Мы остались одни. Все было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна разсказала мнѣ все, что съ нею ни случилось съ самаго взятія крѣпости; описала мнѣ весь ужасъ ея положенія, всѣ испытанія, которымъ подвергалъ ее гнусный Швабринъ. Мы вспомнили и прежнее счастливое время.... Оба мы плакали... Наконецъ я сталъ объяснять ей мои предположенія. Оставаться ей въ крѣпости, подвластной Пугачеву и управляемой Швабринымъ, было невозможно. Нельзя было думать и объ Оренбургѣ, претерпѣвающемъ всѣ бѣдствія осады. У ней не было на свѣтѣ ни одного роднаго человѣка. Я предложилъ ей ѣхать въ деревню къ моимъ родителямъ. Она сначала колебалась: извѣстное ей неблагорасположеніе отца моего ее пугало. Я ее успокоилъ. Я зналъ, что отецъ почтетъ за счастіе и вмѣнитъ

себѣ въ обязанность принять дочь заслуженнаго воина, погибшаго за отечество. Милая Марья Ивановна!—сказалъ я наконецъ. Я почитаю тебя своею женою. Чудныя обстоятельства соединили насъ неразрывно: ничто на свѣтѣ не можетъ насъ разлучить. Марья Ивановна выслушала меня просто, безъ притворной застѣнчивости, безъ затѣйливыхъ отговорокъ. Она чувствовала, что судьба ея соединена была съ моею. Но она повторила, что не иначе будетъ моею женою, какъ съ согласія моихъ родителей. Я ей и не противорѣчилъ. Мы поцѣловались горячо, искренно — и такимъ образомъ все было между нами рѣшено.

Чрезъ часъ урядникъ принесъ мнѣ пропускъ, подписанный каракульками Пугачева, и позвалъ меня къ нему, отъ его имени. Я нашелъ его готоваго пуститься въ дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовалъ, разставаясь съ этимъ ужаснымъ человѣкомъ, извергомъ, злодѣемъ для всѣхъ, кромѣ одного меня. Зачѣмъ не сказать истины? Въ эту минуту сильное сочувствіе влекло меня къ нему. Я пламенно желалъ вырвать его изъ среды злодѣевъ, которыми онъ предводительствовалъ, и спасти его голову, пока еще было время. Швабринъ и народъ, толпящійся около насъ, помѣшали мнѣ высказать все, чѣмъ исполнено было мое сердце.

Мы разстались дружески. Пугачевъ, увидя въ толпѣ Акулину Памфиловну, погрозилъ пальцемъ и мигнулъ значительно; потомъ сѣлъ въ кибитку, ве-

лѣлъ ѣхать въ Берду, и когда лошади тронулись, то онъ еще разъ высунулся изъ кибитки и закричалъ мнѣ: «Прощай, ваше благородіе! Авось увидимся когда нибудь.» — Мы точно съ нимъ увидѣлись, но въ какихъ обстоятельствахъ! . . . .

Пугачевъ уѣхалъ. Я долго смотрѣлъ на бѣлую степь, по которой неслась его тройка. Народъ разошелся. Швабринъ скрылся. Я воротился въ домъ священника. Все было готово къ нашему отъѣзду; я не хотѣлъ болѣе медлить. Добро наше все было уложено въ старую комендантскую повозку. Ямщики мигомъ заложили лошадей. Марья Ивановна пошла проститься съ могилами своихъ родителей, похороненныхъ за церковью. Я хотѣлъ ее проводить, но она просила меня оставить ее одну. Черезъ нѣсколько минутъ она воротилась, обливаясь молча тихими слезами. Повозка была подана. Отецъ Герасимъ и жена его вышли на крыльцо. Мы сѣли въ кибитку втроемъ: Марья Ивановна съ Палашей и я. Савельичь забрался на облучекъ. «Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! прощайте, Петръ Андреичь, соколъ нашъ ясный!» говорила добрая попадья. «Счастливый путь, и дай Богъ вамъ обоимъ счастія!» Мы поѣхали. У окошка комендантскаго дома я увидѣлъ стоящаго Швабрина. Лице его изображало мрачную злобу. Я не хотѣлъ торжествовать надъ уничтоженнымъ врагомъ, и обратилъ глаза въ другую сторону. Наконецъ мы выѣхали изъ крѣпостныхъ воротъ и навѣкъ оставили Бѣлогорскую крѣпость.

ГЛАВА XIII.

АРЕСТЪ.

Не гнѣвайтесь, сударь: по долгу моему
Я долженъ сей же часъ отправить васъ въ тюрьму.
— Извольте, я готовъ; но я въ такой надеждѣ
Что дѣло объяснить дозволите мнѣ прежде.

Княжнинъ.

—

Соединенный такъ нечаянно съ милой дѣвушкою, о которой еще утромъ я такъ мучительно безпокоился, я не вѣрилъ самому себѣ и воображалъ, что все со мною случившееся было пустое сновидѣніе. Марья Ивановна глядѣла съ задумчивостію то на меня, то на дорогу, и, казалось, не успѣла еще опомниться и придти въ себя. Мы молчали. Сердца наши слишкомъ были утомлены. Непримѣтнымъ образомъ часа черезъ два очутились мы въ ближней

крѣпости, также подвластной Пугачеву. Здѣсь мы перемѣнили лошадей. По скорости, съ каковой ихъ запрягали, по торопливой услужливости брадатаго казака, поставленнаго Пугачевымъ въ коменданты, я увидѣлъ, что, благодаря болтливости ямщика, насъ привезшаго, меня принимали какъ придворнаго временьщика.

Мы отправились далѣе. Стало смеркаться. Мы приближились къ городку, гдѣ, по словамъ бородатаго коменданта, находился сильный отрядъ, идущій на соединеніе къ самозванцу. Мы были остановлены караульными. На вопросъ: кто ѣдетъ? ямщикъ отвѣчалъ громогласно: «Государевъ кумъ со своею хозяюшкою.» Вдругъ толпа гусаровъ окружила насъ съ ужасною бранью. «Выходи, бѣсовъ кумъ!» сказалъ мнѣ усатый вахмистръ. «Вотъ ужо тебѣ будетъ баня, и съ твоею хозяюшкою!»

Я вышелъ изъ кибитки и требовалъ, чтобъ отвели меня къ ихъ начальнику. Увидя офицера, солдаты прекратили брань. Вахмистръ повелъ меня къ майору. Савельичь отъ меня не отставалъ, поговаривая про себя: «Вотъ тебѣ и Государевъ кумъ! Изъ огня да въ полымя.... Господи Владыко! чѣмъ это все кончится?» Кибитка шагомъ поѣхала за нами.

Черезъ пять минутъ мы пришли къ домику ярко освѣщенному. Вахмистръ оставилъ меня при караулѣ и пошелъ обо мнѣ доложить. Онъ тотчасъ же воротился, объявивъ мнѣ, что его высокоблаго-

родію некогда меня принять, а что онъ велѣлъ отвести меня въ острогъ, а хозяюшку къ себѣ привести.

—Что это значитъ?—закричалъ я въ бѣшенствѣ. Да развѣ онъ съ ума сошелъ?

«Не могу знать, ваше благородіе»—отвѣчалъ вахмистръ. «Только его высокоблагородіе приказалъ ваше благородіе отвести въ острогъ, а ея благородіе приказано привести къ его высокоблагородію, ваше благородіе!»

Я бросился на крыльцо. Караульные не думали меня удерживать, и я прямо вбѣжалъ въ комнату, гдѣ человѣкъ шесть гусарскихъ офицеровъ играли въ банкъ. Майоръ металъ. Каково было мое изумленіе, когда, взглянувъ на него, узналъ я Ивана Ивановича Зурина, нѣкогда обыгравшаго меня въ Симбирскомъ трактирѣ!

—Возможно-ли? вскричалъ я. Иванъ Иванычь! ты ли?

«Ба, ба, ба, Петръ Андреичь! Какими судьбами? Откуда ты? Здорово, братъ. Не хочешь ли поставить карточку?»

—Благодаренъ. Прикажи-ка лучше отвести мнѣ квартиру.

«Какую тебѣ квартиру? Оставайся у меня.»

—Не могу: я не одинъ.

«Ну, подавай сюда и товарища.»

—Я не съ товарищемъ; я .... съ дамою.

«Съ дамою! Гдѣ же ты ее подцѣпилъ? Эге, братъ!» (При сихъ словахъ Зуринъ засвистѣлъ такъ выразительно, что всѣ захохотали, а я совершенно смутился).

«Ну» продолжалъ Зуринъ; «такъ и быть. Будетъ тебѣ квартира. А жаль . . . Мы бы попировали по старинному . . . Гей! малой! Да что жь сюда не ведутъ кумушку-то Пугачева? или она упрямится? Сказать ей, чтобъ она не боялась: баринъ-де прекрасный; ничѣмъ не обидитъ, да хорошенько ее въ шею.»

—Что ты это?—сказалъ я Зурину. Какая кумушка Пугачева? Это дочь покойнаго капитана Миронова. Я вывезъ ее изъ плѣна и теперь провожаю до деревни батюшкиной, гдѣ и оставлю ее.

«Какъ! Такъ это о тебѣ мнѣ сейчасъ докладывали? Помилуй! что жь это значитъ?»

—Послѣ все разскажу. А теперь, ради Бога, успокой бѣдную дѣвушку, которую гусары твои перепугали.

Зуринъ тотчасъ распорядился. Онъ самъ вышелъ на улицу извиняться передъ Марьей Ивановной въ

невольномъ недоразуменіи, и приказалъ вахмистру отвести ей лучшую квартиру въ городѣ. Я остался ночевать у него.

Мы отужинали, и когда остались вдвоемъ, я разсказалъ ему свои похожденія. Зуринъ слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ. Когда я кончилъ, онъ покачалъ головою и сказалъ: «Все это, братъ, хорошо; одно не хорошо: за чѣмъ тебя чортъ несетъ жениться? Я, честный офицеръ, не захочу тебя обманывать; повѣрь же ты мнѣ, что женидьба блажь. Ну, куда тебѣ возиться съ женою да няньчиться съ ребятишками? Эй, плюнь. Послушайся меня: развяжись ты съ капитанскою дочкой. Дорога въ Симбирскъ мною очищена и безопасна. Отправь ее завтра жь одну къ родителямъ твоимъ; а самъ оставайся у меня въ отрядѣ. Въ Оренбургъ возвращаться тебѣ не за чѣмъ. Попадешься опять въ руки бунтовщикамъ, такъ врядъ ли отъ нихъ еще разъ отдѣлаешься. Такимъ образомъ любовная дурь пройдетъ сама собою, и все будетъ ладно.»

Хотя я не совсѣмъ былъ съ нимъ согласенъ, однакожь я чувствовалъ, что долгъ чести требовалъ моего присутствія въ войскѣ Императрицы. Я рѣшился послѣдовать совѣту Зурина: отправить Марью Ивановну въ деревню, и остаться въ его отрядѣ.

Савельичь явился меня раздѣвать; я объявилъ ему, чтобъ на другой же день готовъ онъ былъ

ѣхать въ дорогу съ Марьей Ивановной. Онъ было заупрямился. «Что ты, сударь? Какъ же я тебя-то покину? Кто за тобою будетъ ходить? Что скажутъ родители твои?»

Зная упрямство дядьки моего, я вознамѣрился убѣдить его лаской и искренностію. Другъ ты мой, Архипъ Савельичь!—сказалъ я ему. Не откажи, будь мнѣ благодѣтелемъ; въ прислугѣ здѣсь я нуждаться не стану, а не буду спокоенъ, если Марья Ивановна поѣдетъ въ дорогу безъ тебя. Служа ей, служишь ты и мнѣ, потому что я твердо рѣшился, какъ скоро обстоятельства дозволятъ, жениться на ней.

Тутъ Савельичь сплеснулъ руками съ видомъ изумленія неописаннаго. «Жениться!» повторилъ онъ. «Дитя хочетъ жениться! А что скажетъ батюшка, а матушка-то что подумаетъ?»

Согласятся, вѣрно согласятся,—отвѣчалъ я,—когда узнаютъ Марью Ивановну. Я надѣюсь и на тебя. Батюшка и матушка тебѣ вѣрятъ: ты будешь за насъ ходатаемъ, не такъ-ли?

Старикъ былъ тронутъ. «Охъ, батюшка ты мой Петръ Андреичь!» отвѣчалъ онъ. «Хоть раненько задумалъ ты жениться, да за то Марья Ивановна такая добрая барышня, что грѣхъ и пропустить оказію Инъ быть по твоему! Провожу ее ангела Божія, и рабски буду доносить твоимъ родителямъ, что такой невѣстѣ не надобно и приданаго.»

Я благодарилъ Савельича, и легъ спать въ одной комнатѣ съ Зуринымъ. Разгоряченный и взволно-

ванный, я разболтался. Зуринъ сначала со мною разговаривалъ охотно; но мало по малу слова его стали рѣже и безсвязнѣе; наконецъ, вмѣсто отвѣта на какой-то запросъ, онъ захрапѣлъ и присвиснулъ. Я замолчалъ и вскорѣ послѣдовалъ его примѣру.

На другой день утромъ пришелъ я къ Марьѣ Ивановнѣ. Я сообщилъ ей свои предположенія. Она признала ихъ благоразуміе и тотчасъ со мною согласилась. Отрядъ Зурина долженъ былъ выступить изъ города въ тотъ же день. Нечего было медлить. Я тутъ же разстался съ Марьей Ивановной, поручивъ ее Савельичу и давъ ей письмо къ моимъ родителямъ. Марья Ивановна заплакала. «Прощайте, Петръ Андреичь!» сказала она тихимъ голосомъ. «Придется ли намъ увидѣться или нѣтъ, Богъ одинъ это знаетъ; но вѣкъ не забуду васъ; до могилы ты одинъ останешься въ моемъ сердцѣ.» Я ничего не могъ отвѣчать. Люди насъ окружили. Я не хотѣлъ при нихъ предаваться чувствамъ, которыя меня волновали. Наконецъ она уѣхала. Я возвратился къ Зурину, грустенъ и молчаливъ. Онъ хотѣлъ меня развеселить; я думалъ себя разсѣять: мы провели день шумно и буйно, и вечеромъ выступили въ походъ.

Это было въ концѣ февраля. Зима, затруднявшая военныя распоряженія, проходила, и наши генералы готовились къ дружному содѣйствію. Пугачевъ все еще стоялъ подъ Оренбургомъ. Между тѣмъ около его отряды соединялись и со всѣхъ сторонъ при-

ближались къ злодѣйскому гнѣзду. Бунтующія деревни, при видѣ нашихъ войскъ, приходили въ повиновеніе; шайки разбойниковъ вездѣ бѣжали отъ насъ, и все предвѣщало скорое и благополучное окончаніе.

Вскорѣ князь Голицынъ, подъ крѣпостію Татищевой, разбилъ Пугачева, разсѣялъ его толпы, освободилъ Оренбургъ, и, казалось, нанесъ бунту послѣдній и рѣшительный ударъ. Зуринъ былъ въ то время отряженъ противу шайки мятежныхъ Башкирцевъ, которые разсѣялись прежде нежели мы ихъ увидали. Весна осадила насъ въ Татарской деревушкѣ. Рѣчки разлились и дороги стали непроходимы. Мы утѣшались въ нашемъ бездѣйствіи мыслію о скоромъ прекращеніи скучной и мелочной войны съ разбойниками и дикарями.

Но Пугачевъ не былъ пойманъ. Онъ явился на Сибирскихъ заводахъ, собралъ тамъ новыя шайки, и снова началъ злодѣйствовать. Слухъ о его успѣхахъ снова распространился. Мы узнали о разореніи Сибирскихъ крѣпостей. Вскорѣ вѣсть о взятіи Казани и о походѣ самозванца на Москву встревожила начальниковъ войскъ, безпечно дремавшихъ въ надеждѣ на безсиліе презрѣннаго бунтовщика. Зуринъ получилъ повелѣніе переправиться чрезъ Волгу.

Не стану описывать нашего похода и окончанія войны. Скажу коротко, что бѣдствіе доходило до

крайности. Правленіе было повсюду прекращено; помѣщики укрывались по лѣсамъ. Шайки разбойниковъ злодѣйствовали повсюду; начальники отдѣльныхъ отрядовъ самовластно наказывали и миловали; состояніе всего обширнаго края, гдѣ свирѣпствовалъ пожаръ, было ужасно... Не приведи Богъ видѣть Русскій бунтъ безмысленный и безпощадный!

Пугачевъ бѣжалъ, преслѣдуемый Иваномъ Ивановичемъ Михельсономъ. Вскорѣ узнали мы о совершенномъ его разбитіи. Наконецъ Зуринъ получилъ извѣстіе о поимкѣ самозванца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повелѣніе остановиться. Война была кончена. Наконецъ мнѣ можно было ѣхать къ моимъ родителямъ! Мысль ихъ обнять, увидѣть Марью Ивановну, отъ которой не имѣлъ я никакого извѣстія, одушевляла меня восторгомъ. Я прыгалъ какъ ребенокъ. Зуринъ смѣялся и говорилъ пожимая плечами: «Нѣтъ тебѣ не сдобровать! Женишься—ни за что пропадешь!»

Но между тѣмъ странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодѣѣ, обрызганномъ кровію столькихъ невинныхъ жертвъ, и о казни, его ожидающей, тревожила меня по неволѣ: Емеля, Емеля!—думалъ я съ досадою; за чѣмъ не наткнулся ты на штыкъ, или не подвернулся подъ картечь? Лучше ничего не могъ бы ты придумать. Чтó прикажете дѣлать? Мысль о немъ неразлучна была во мнѣ съ мыслію о пощадѣ, данной мнѣ имъ въ одну изъ ужасныхъ минутъ его жизни, и объ избавленіи моей невѣсты изъ рукъ гнуснаго Швабрина.

Зуринъ далъ мнѣ отпускъ. Чрезъ нѣсколько дней долженъ я былъ опять очутиться посреди моего семейства, увидѣть опять мою Марью Ивановну... Вдругъ неожиданная гроза меня поразила.

Въ день, назначенный для выѣзда, въ самую ту минуту, когда готовился я пуститься въ дорогу, Зуринъ вошелъ ко мнѣ въ избу, держа въ рукахъ бумагу, съ видомъ чрезвычайно озабоченнымъ. Что-то кольнуло меня въ сердце. Я испугался, самъ не зная чего. Онъ выслалъ моего деньщика и объявилъ, что имѣетъ до меня дѣло. Что такое?— спросилъ я съ безпокойствомъ. — «Маленькая непріятность» отвѣчалъ онъ, подавая мнѣ бумагу. «Прочитай что́ сей-часъ я получилъ.» Я сталъ ее читать: это былъ секретный приказъ ко всѣмъ отдѣльнымъ начальникамъ арестовать меня, гдѣ бы ни попался, и немедленно отправить подъ карауломъ въ Казань въ Слѣдственную Коммиссію, учрежденную по дѣлу Пугачева.

Бумага чуть не выпала изъ моихъ рукъ. «Дѣлать нечего!» сказалъ Зуринъ. «Долгъ мой повиноваться приказу. Вѣроятно, слухъ о твоихъ дружескихъ путешествіяхъ съ Пугачевымъ какъ нибудь да дошелъ до правительства. Надѣюсь, что дѣло не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій и что ты оправдаешься передъ коммиссіей. Не унывай и отправляйся.» Совѣсть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отсрочить минуту сладкаго свиданія, можетъ

быть, на нѣсколько еще мѣсяцевъ — устрашала меня. Тележка была готова. Зуринъ дружески со мною простился. Меня посадили въ тележку. Со мною сѣли два гусара съ саблями наголо́, и я поѣхалъ по большой дорогѣ.

ГЛАВА XIV.

СУДЪ.

Мірская молва—
Морская волна.

Пословица.

—

Я былъ увѣренъ, что виною всему было самовольное мое отсутствіе изъ Оренбурга. Я легко могъ оправдаться: наѣздничество не только никогда не было запрещено, но еще всѣми силами было ободряемо. Я могъ быть обвиненъ въ излишней запальчивости, а не въ ослушаніи. Но пріятельскія сношенія мои съ Пугачевымъ могли быть доказаны

множествомъ свидѣтелей и должны были казаться по крайней мѣрѣ весьма подозрительными. Во всю дорогу размышлялъ я о допросахъ меня ожидающихъ, обдумывалъ свои отвѣты, и рѣшился передъ судомъ объявить сущую правду, полагая сей способъ оправданія самымъ простымъ, а вмѣстѣ и самымъ надежнымъ.

Я пріѣхалъ въ Казань, опустошенную и погорѣлую. По улицамъ, на мѣсто домовъ, лежали груды углей и торчали закоптѣлыя стѣны безъ крышъ и оконъ. Таковъ былъ слѣдъ, оставленный Пугачевымъ! Меня привезли въ крѣпость, уцѣлѣвшую посереди сгорѣвшаго города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Онъ велѣлъ кликнуть кузнеца. Надѣли мнѣ на ноги цѣпь и заковали ее наглухо. Потомъ отвели меня въ тюрьму и оставили одного въ тѣсной и темной канурке, съ однѣми голыми стѣнами и съ окошечкомъ, загороженнымъ желѣзною рѣшеткою.

Таковое начало не предвѣщало мнѣ ничего добраго. Однакожь я не терялъ ни бодрости, ни надежды. Я прибѣгнулъ къ утѣшенію всѣхъ скорбящихъ, и, въ первые вкусивъ сладость молитвы, излїянной изъ чистаго, но растерзаннаго сердца, спокойно заснулъ, не заботясь о томъ, что̀ со мною будетъ.

На другой день тюремный сторожъ меня разбудилъ, съ объявленіемъ, что меня требуютъ въ ком-

миссію. Два солдата повели меня черезъ дворъ въ комендантскій домъ, остановились въ передней и впустили одного во внутреннія комнаты.

Я вошелъ въ залу довольно обширную. За столомъ, покрытымъ бумагами, сидѣли два человѣка: пожилой генералъ, виду строгаго и холоднаго, и молодой гвардейскій капитанъ, лѣтъ двадцати осьми, очень пріятной наружности, ловкій и свободный въ обращеніи. У окошка за особымъ столомъ сидѣлъ секретарь съ перомъ за ухомъ, наклонясь надъ бумагою, готовый записывать мои показанія. Начался допросъ. Меня спросили о моемъ имени и званіи. Генералъ освѣдомился, не сынъ ли я Андрея Петровича Гринева? И на отвѣтъ мой возразилъ сурово «Жаль, что такой почтенный человѣкъ имѣетъ такого недостойнаго сына!» Я спокойно отвѣчалъ, что каковы бы ни были обвиненія, тяготѣющія на мнѣ, я надѣюсь ихъ разсѣять чистосердечнымъ объясненіемъ истины. Увѣренность моя ему не понравилась. «Ты, братъ, востеръ» сказалъ онъ мнѣ нахмурясь; «но видали мы и не такихъ!»

Тогда молодой человѣкъ спросилъ меня: по какому случаю и въ какое время вошелъ я въ службу къ Пугачеву и по какимъ порученіямъ былъ я имъ употребленъ?

Я отвѣчалъ съ негодованіемъ, что я, какъ офицеръ и дворянинъ, ни въ какую службу къ Пугачеву вступать не могъ, и никакихъ порученій отъ него принять не могъ.

«Какимъ же образомъ» возразилъ мой допросчикъ, «дворянинъ и офицеръ одинъ пощаженъ самозванцемъ, между тѣмъ какъ всѣ его товарищи злодѣйски умерщвлены? Какимъ образомъ этотъ самый офицеръ и дворянинъ дружески пируетъ съ бунтовщиками, принимаетъ отъ главнаго злодѣя подарки, шубу, лошадь и полтину денегъ? Отчего произошла такая странная дружба и на чемъ она основана, если не на измѣнѣ, или по крайней мѣрѣ на гнусномъ и преступномъ малодушіи?»

Я былъ глубоко оскорбленъ словами гвардейскаго офицера, и съ жаромъ началъ свое оправданіе. Я разсказалъ, какъ началось мое знакомство съ Пугачевымъ въ степи, во время бурана; какъ при взятіи Бѣлогорской крѣпости онъ меня узналъ и пощадилъ. Я сказалъ, что тулупъ и лошадь, правда, не посовѣстился я принять отъ самозванца; но что Бѣлогорскую крѣпость защищалъ я противу злодѣя до послѣдней крайности. Наконецъ я сослался и на моего генерала, который могъ засвидѣтельствовать мое усердіе во время бѣдственной Оренбургской осады.

Строгій старикъ взялъ со стола открытое письмо и сталъ читать его въ слухъ:

«На запросъ вашего превосходительства касательно прапорщика Гринева, яко бы замѣшаннаго въ нынѣшнемъ смятеніи и вошедшаго въ сношенія съ злодѣемъ, службою недозволенныя и долгу присяги

противныя, объяснить имѣю честь: оный прапорщикъ Гриневъ находился на службѣ въ Оренбургѣ отъ начала октября прошлаго 1773 года до 24 февраля нынѣшняго года, въ которое число онъ изъ города отлучился, и съ той поры уже въ команду мою не являлся. А слышно отъ перебѣзщиковъ, что онъ былъ у Пугачева въ слободѣ и съ нимъ вмѣстѣ ѣздилъ въ Бѣлогорскую крѣпость, въ коей прежде находился онъ на службѣ; что касается до его поведенія, то я могу ....» Тутъ онъ прервалъ свое чтеніе, и сказалъ мнѣ сурово: «Что ты теперь скажешь себѣ въ оправданіе?»

Я хотѣлъ-было продолжать какъ началъ, и объяснить мою связь съ Марьей Ивановной также искренно, какъ и все прочее. Но вдругъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Мнѣ пришло въ голову, что если назову ее, то коммиссія потребуетъ ее къ отвѣту; и мысль впутать имя ея между гнусными извѣтами злодѣевъ и ее самую привести на очную съ ними ставку — эта ужасная мысль такъ меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшіе, казалось, выслушивать отвѣты мои съ нѣкоторою благосклонностію, были снова предубѣждены противу меня при видѣ моего смущенія. Гвардейскій офицеръ потребовалъ, чтобъ меня поставили на очную ставку, съ главнымъ доносителемъ. Генералъ велѣлъ кликнуть *вчерашняго злодѣя.* Я съ живостію обратился къ дверямъ, ожидая появленія своего обвинителя. Черезъ нѣсколько

минутъ загремѣли цѣпи, двери отворились, и вошелъ—Швабринъ. Я изумился его перемѣнѣ. Онъ былъ ужасно худъ и блѣденъ. Волоса его, недавно черные какъ смоль, совершенно посѣдѣли; длинная борода была всклокочена. Онъ повторилъ обвиненія свои слабымъ, но смѣлымъ голосомъ. По его словамъ, я отряженъ былъ отъ Пугачева въ Оренбургъ шпіономъ; ежедневно выѣзжалъ на перестрѣлки, дабы передавать письменныя извѣстія о всемъ, что дѣлалось въ городѣ; что наконецъ явно передался самозванцу, разъѣзжалъ съ нимъ изъ крѣпости въ крѣпость, стараясь всячески губить своихъ товарищей-измѣнниковъ, дабы занимать ихъ мѣста и пользоваться наградами, раздаваемыми отъ самозванца. —Я выслушалъ его молча и былъ доволенъ однимъ: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнуснымъ злодѣемъ, отъ того ли, что самолюбіе его страдало при мысли о той, которая отвергла его съ презрѣніемъ; отъ того ли, что въ сердцѣ его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать,—какъ бы то ни было, имя дочери Бѣлогорскаго коменданта не было произнесено въ присутствіи коммиссіи. Я утвердился еще болѣе въ моемъ намѣреніи, и когда судьи спросили: чѣмъ могу опровергнуть показанія Швабрина, я отвѣчалъ, что держусь перваго своего объясненія и ничего другаго въ оправданіе себѣ сказать не могу. Генералъ велѣлъ насъ вывести. Мы вышли вмѣстѣ. Я спокойно взглянулъ на Швабрина, но не сказалъ ему ни слова. Онъ усмѣхнулся злобной усмѣшкою и, приподнявъ свои цѣпи, опередилъ меня и уско-

рилъ свои шаги. Меня опять отвели въ тюрьму и съ тѣхъ поръ уже къ допросу не требовали.

Я не былъ свидѣтелемъ всему, о чемъ остается мнѣ увѣдомить читателя; но я такъ часто слыхалъ о томъ разсказы, что малѣйшія подробности врѣзались въ мою память, и что мнѣ кажется, будто бы я тутъ же невидимо присутствовалъ.

Марья Ивановна принята была моими родителями съ тѣмъ искреннимъ радушіемъ, которое отличало людей стараго вѣка. Они видѣли благодать Божію въ томъ, что имѣли случай пріютить и обласкать бѣдную сироту. Вскорѣ они къ ней искренно привязались, потому что нельзя было ее узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшкѣ пустою блажью; а матушка только того и желала, чтобъ ея Петруша женился на милой капитанской дочкѣ.

Слухъ о моемъ арестѣ поразилъ все мое семейство. Марья Ивановна такъ просто разсказала моимъ родителямъ о странномъ знакомствѣ моемъ съ Пугачевымъ, что оно не только не безпокоило ихъ, но еще заставляло часто смѣяться отъ чистаго сердца. Батюшка не хотѣлъ вѣрить, чтобы я могъ быть замѣшанъ въ гнусномъ бунтѣ, коего цѣль была ниспроверженіе престола и истребленіе дворянскаго рода. Онъ строго допросилъ Савельича. Дядька не утаилъ, что баринъ бывалъ въ гостяхъ у Емельки Пугачева, и что-де злодѣй его таки жа-

ловалъ, но клялся, что ни о какой измѣнѣ онъ и не слыхивалъ. Старики успокоились и съ нетерпѣніемъ стали ждать благопріятныхъ вѣстей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо въ высшей степени была одарена скромностію и осторожностію.

Прошло нѣсколько недѣль... Вдругъ батюшка получаетъ изъ Петербурга письмо отъ нашего родственника князя Б **. Князь писалъ ему обо мнѣ. Послѣ обыкновеннаго приступа, онъ объявилъ ему, что подозрѣнія насчетъ участія моего въ замыслахъ бунтовщиковъ къ несчастію оказались слишкомъ основательными, что примѣрная казнь должна была бы меня постигнуть, но что Государыня изъ уваженія къ заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ отца, рѣшилась помиловать преступнаго сына, и избавляя его отъ позорной казни, повелѣла только сослать въ отдаленный край Сибири на вѣчное поселеніе.

Сей неожиданный ударъ едва не убилъ отца моего. Онъ лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно нѣмая) изливалась въ горькихъ жалобахъ. «Какъ»! » повторялъ онъ, выходя изъ себя. «Сынъ мой участвовалъ въ замыслахъ Пугачева! Боже праведный, до чего я дожилъ! Государыня избавляетъ его отъ казни! Отъ этого развѣ мнѣ легче? Не казнь страшна: пращуръ мой умеръ на лобномъ мѣстѣ, отстаивая то, что почиталъ святынею своей совѣсти; отецъ мой пострадалъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ. Но дво-

рянину измѣнить своей присягѣ, соединиться съ разбойниками, съ убійцами, съ бѣглыми холопьями!... Стыдъ и срамъ нашему роду!»...Испуганная его отчаяніемъ матушка не смѣла при немъ плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о невѣрности молвы, о шаткости людскаго мнѣнія. Отецъ мой былъ неутѣшенъ.

Марья Ивановна мучилась болѣе всѣхъ. Будучи увѣрена, что я могъ оправдаться, когда бы только захотѣлъ, она догадывалась объ истинѣ и почитала себя виновницею моего несчастія. Она скрывала отъ всѣхъ свои слезы и страданія, и между тѣмъ непрестанно думала о средствахъ, какъ бы меня спасти.

Однажды вечеромъ батюшка сидѣлъ на диванѣ, перевертывая листы Придворнаго Календаря; но мысли его были далеко, и чтеніе не производило надъ нимъ обыкновеннаго своего дѣйствія. Онъ насвистывалъ старинный маршъ. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку и слезы изрѣдко капали на ея работу. Вдругъ Марья Ивановна, тутъ же сидѣвшая за работой, объявила, что необходимость ее заставляетъ ѣхать въ Петербургъ, и что она проситъ дать ей способъ отправиться. Матушка очень огорчилась. «За чѣмъ тебѣ въ Петербургъ?» сказала она. «Неужь-то, Марья Ивановна, хочешь и ты насъ покинуть?» Марья Ивановна отвѣчала, что вся будущая судьба ея зависитъ отъ этого путешествія, что она ѣдетъ искать покровительства и помощи у силь

ныхъ людей, какъ дочь человѣка, пострадавшаго за свою вѣрность.»

Отецъ мой потупилъ голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступленіе сына, было ему тягостно и казалось колкимъ упрекомъ. «Поѣзжай, матушка!» сказалъ онъ ей со вздохомъ. «Мы твоему счастію помѣхи сдѣлать не хотимъ. Дай Богъ тебѣ въ женихи добраго человѣка, не ошельмованнаго измѣнника.» Онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наединѣ съ матушкою, отчасти объяснила ей свои предположенія. Матушка со слезами обняла ее и молила Бога о благополучномъ концѣ замышленнаго дѣла. Марью Ивановну снарядили, и черезъ нѣсколько дней она отправилась въ дорогу съ вѣрной Палашей и съ вѣрнымъ Савельичемъ, который, насильственно разлученный со мною, утѣшался по крайней мѣрѣ мыслію, что служитъ нареченной моей невѣстѣ.

Марья Ивановна благополучно прибыла въ Софію и узнавъ, что дворъ находился въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась тутъ остановиться. Ей отвели уголокъ за перегородкой. Жена смотрителя тотчасъ съ нею разговорилась, объявила, что она племянница придворнаго истопника и посвятила ее во всѣ таинства придворной жизни. Она разсказала въ которомъ часу Государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время при ней; что изволила

она вчерашній день говорить у себя за столомъ, кого принимала вечеромъ,—словомъ, разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣсколькихъ страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцѣненъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьевна разсказала исторію каждой аллеи и каждаго мостика, и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію очень довольныя другъ другомъ.

На другой день рано утромъ Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное, солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только-что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ графа Петра Александровича Румянцева. Вдругъ бѣлая собачка Англійской породы залаяла и побѣжала ей навстрѣчу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: «Не бойтесь, она не укуситъ.» И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противу памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на нее смотрѣла; а Марья Ивановна, съ своей стороны бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ, успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душе-

грѣйкѣ. Ей, казалось, лѣтъ сорокъ. Лице ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую. Дама первая перервала молчаніе.

«Вы вѣрно не здѣшнія?» сказала она.

— Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи.

«Вы пріѣхали съ вашими родными?»

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала одна.

«Одна! Но вы такъ еще молоды.»

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

«Вы здѣсь конечно по какимъ нибудь дѣламъ?»

—Точно такъ-съ. Я пріѣхала подать просьбу Государынѣ.

«Вы сирота: вѣроятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?»

—Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

«Позвольте спросить, кто вы таковы?»

—Я дочь капитана Миронова.

«Капитана Миронова! того самаго, что былъ комендантомъ въ одной изъ Оренбургскихъ крѣпостей?»

—Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня» сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ, «если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла; но я бываю при дворѣ; изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и, можетъ быть, мнѣ удастся вамъ помочь.»

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекало сердце и внушало довѣренность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ; но вдругъ лице ея перемѣнилось, —и Марья Ивановна, слѣдовавшая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному.

«Вы просите за Гринева?» сказала дама съ холоднымъ видомъ. «Императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй.»

—Ахъ, неправда! — вскрикнула Марья Ивановна.

«Какъ, неправда!» возразила дама, вся вспыхнувъ.

—Неправда, ей Богу, неправда! Я знаю все, я все вамъ разскажу. Онъ для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если онъ не оправдался передъ судомъ, то развѣ потому только, что не хотѣлъ запутать меня.—Тутъ она съ жаромъ разсказала все, что уже извѣстно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманіемъ. «Гдѣ вы остановились?» спросила она потомъ; и услыша, что у Анны Власьевны, примолвила съ улыбкою: «А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы недолго будете ждать отвѣта на ваше письмо.»

Съ этимъ словомъ она встала и вышла въ крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ, и за чашкою чая только было-принялась за безконечные разсказы о дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца, и каммеръ-лакей вошелъ съ объявленіемъ, что Государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти, Господи!» закричала она. «Государыня требуетъ васъ ко двору. Какъ же это она про васъ узнала?

Да какъ же вы матушка представитесь къ Императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по придворному не умѣете.... Не проводить ли мнѣ васъ? Все-таки я васъ хоть въ чемъ нибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ? Не послать ли къ повивальной бабушкѣ за ея желтымъ роброномъ?» — Каммеръ-лакей объявилъ, что Государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна, и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе нашей судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Чрезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери передъ нею отворились на́стежь. Она прошла длинный рядъ пустыхъ, великолѣпныхъ комнатъ; каммеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ объ ней доложитъ, и оставилъ ее одну.

Мысль увидѣть Императрицу лицемъ къ лицу такъ устрашала ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Чрезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную Государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно

пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которой такъ откровенно изъяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру.»

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою, и, заплакавъ, упала къ ногамъ Императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею. «Знаю, что вы не богаты» сказала она; «но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе.»

Обласкавъ бѣдную сироту, Государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той же придворной каретѣ. Анна Власьевна, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала оное провинціальной застѣнчивости и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню....

Здѣсь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева. Изъ семейственныхъ преданій извѣстно, что онъ былъ освобожденъ отъ заключенія въ концѣ 1774 года, по именному повелѣнію; что онъ присутствовалъ при казни Пугачева, который узналъ его въ толпѣ и кивнулъ ему головою, которая черезъ минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу. Вскорѣ потомъ Петръ Андреевичь женился на Марьѣ Ивановнѣ. Потомство ихъ благоденствуетъ въ Симбирской Губерніи. — Въ тридцати верстахъ отъ *** находится село, принадлежащее десятерымъ помѣщикамъ. Въ одномъ изъ барскихъ флигелей показываютъ собственноручное письмо Екатерины II за стекломъ и въ рамкѣ. Оно писано къ отцу Петра Андреевича и содержитъ оправданіе его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была намъ отъ одного изъ его внуковъ, который узналъ, что мы заняты были трудомъ, относящимся ко временамъ, описаннымъ его дѣдомъ. Мы рѣшились, съ разрѣшенія родственниковъ, издать ее особо, пріискавъ къ каждой главѣ приличный эпиграфъ и дозволивъ себѣ перемѣнить нѣкоторыя собственныя имена.

Издатель.

19 Окт. 1836.

КЪ КНЯЗЮ
П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Какъ жизни общіе призывы,
Какъ увлеченья суеты,
Понятны вамъ страстей порывы
И обаянія мечты.
Понятны вамъ всѣ дуновенья,
Которымъ, въ морѣ бытія,
Послушна наша ладія:
Вамъ приношу я пѣснопѣнья,
Гдѣ отразилась жизнь моя,
Исполнена тоски глубокой,
Противорѣчій, слѣпоты,
И между тѣмъ любви высокой,
Любви добра и красоты.

Счастливый сынъ уединенья,
Гдѣ сердца вѣтреные сны
И мысли мрачныя стремленья
Разумно мной усыплены,
Гдѣ, другу мира и свободы,
Ни до фортуны, ни до моды,
Ни до молвы мнѣ нужды нѣтъ;
Гдѣ я простилъ безумству, злобѣ,
И позабылъ, какъ бы во гробѣ,
Но добровольно, шумный свѣтъ.
Еще порою покидаю
Я Лету, созданную мной,
И степи міра облетаю
Съ тоскою жаркой и живой.
Ищу я васъ, гляжу: что съ вами?
Куда вы брошены судьбами,
Вы озарявшіе меня,
И дружбы кроткими лучами,
И свѣтомъ высшаго огня?
Что̀ вамъ даруетъ Провидѣнье?
Чѣмъ испытуетъ небо васъ?
И возношу молящій гласъ:
Да длится ваше упоенье,
Да скоро минетъ скорбный часъ!

Звѣзда разрозненной Плеяды,
Такъ изъ глуши моей стремлю

Я къ вамъ заботливые взгляды;
Вамъ высшей благости молю,
Отъ васъ отвлечь судьбы суровой
Удары грозные хочу,
Хотя вамъ прозою почтовой
Лѣниво дань мою плачу.

Е. Баратынскій.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Есть минуты, въ которыя прекрасная природа, музыка, пріятная бесѣда, или нечаянныя встрѣчи располагаютъ сердце живѣе чувствовать и принимать впечатлѣнія. Тогда все прошедшее человѣка, потерявъ свою постепенную давность, возвращается къ нему въ смѣшанной толпѣ воспоминаній, выбирая одни только лучшіе цвѣты со всего поля жизни; тогда воображеніе развиваетъ опять передъ нимъ тѣ чудныя мѣста, какія посѣтилъ онъ, стирая изъ памяти всѣ трудности пути; тогда опять, какъ сновидѣнія лѣтней ночи, на время оживаютъ незабвенныя лица, бывшія нѣкогда спутниками на житейскомъ поприщѣ, и смерть ихъ кажется только разлукою, ибо мысль о нихъ уже не раздираетъ душу. Такія минуты рѣдки и мимолетны, и онѣ легки для сердца, ибо его упоеніе чувствуетъ необходимость излиться въ сердце другихъ; человѣкъ живетъ тогда какъ бы другою жизнію, потерянный въ своемъ настоящемъ, которое становится для не-

го чрезвычайно обширно, по мгновенному слiянiю воспоминанiй прошедшаго съ надеждами будущаго. Нѣсколькими подобными минутами насладился я однажды въ Царскомъ Селѣ.

«Нельзя ли намъ отложить до слѣдующаго воскресенья конную прогулку въ Павловскъ?» сказалъ мнѣ мой гусарскiй прiятель Л**. «Вчера мы только-что отбыли смотръ: лошади измучены; къ тому же насъ только двое, а на будущiй разъ обѣщаю собрать тебѣ цѣлый эскадронъ офицеровъ. Какъ ты думаешь?»

—Нечего думать,—отвѣчалъ я,—когда власть въ твоихъ рукахъ; съ чужаго коня, по пословицѣ, и на грязи слѣзешь; и хотя бы я могъ на всѣ твои кавалерiйскiя отговорки отвѣчать тебѣ по пунктамъ, однакоже, видя твою неохоту ѣхать, долженъ съ тобою согласиться; а помнится, это уже не первое воскресенье, что мы гуляемъ по Павловскому парку —только въ воображенiи. По крайней мѣрѣ согласись, что жаль потерять въ комнатѣ такой прекрасный вечеръ, едвали не первый въ нынѣшнемъ году, и я намѣренъ подышать весеннимъ воздухомъ.

«Пойдемъ же въ Александровскiй Садъ» сказалъ онъ: «тамъ играетъ музыка, и мы будемъ вдвойнѣ наслаждаться!» Мы поспѣшили въ садъ.

На круглой площадкѣ, отѣненной высокими деревьями и обсаженной правильными аллеями моло-

дыхъ липъ, стояли два хора трубачей, лейбъ-гусарскихъ и кирасирскихъ. Они попеременно играли очаровательныя аріи изъ Фенеллы, которая сдѣлалась любимою оперою столичной публики. То звонкіе порывы, то глухіе полутоны трубъ и рожковъ отзывались въ чащѣ лѣса, и ихъ пріятная гармонія наполняла потрясенный стройными звуками воздухъ. Около сей площадки попарно или группами прогуливалось все Царскосельское общество. Промежду щегольскихъ дамскихъ нарядовъ пестрѣли гусарскіе мундиры, и бѣлая фуражка кирасировъ ярко отличала ихъ изъ толпы, какъ по звонкимъ шпорамъ издали можно было узнать кавалерійскихъ юнкеровъ.—Всѣ они въ непрестанной суетѣ, то нагоняя, то встрѣчая другъ друга, какъ будто спѣшили чего-то достигнуть, однообразно совершая все тѣ же и тѣже круги, доколѣ усталость не заставляла нѣкоторыхъ искать отдыха на сосѣднихъ скамьяхъ. Какъ тѣни Дантовой поэмы, гонимыя вихремъ одна вслѣдъ за другою, такъ они стремились, и я вмѣстѣ съ ними, не умѣя дать себѣ отчета въ этомъ невольномъ движеніи, когда внезапно меня остановила рука моего родственника дипломата В . . . . а.

«Постой на минуту» сказалъ онъ «радуюсь, что тебя еще разъ встрѣтилъ до моего отъѣзда: что прикажешь въ Царьградъ?»

—Скажу тебѣ,—отвѣчалъ я,—какъ мои предки Новгородцы, когда у нихъ спрашивали: что велятъ на родину? Кланяйся **св.** Софіи! Но позволь тебѣ за-

мѣтить, любезный другъ, ты ѣдешь въ Константинополь, гдѣ ожидаетъ тебя невѣста, а совсѣмъ тѣмъ ты грустенъ?

В.....ъ, вмѣсто отвѣта, пристально смотрѣлъ на великолѣпный Царскосельскій дворецъ, мелькавшій сквозь чащу деревъ, въ сіяніи вечера: заходящее солнце ярко отражалось во всѣхъ его безчисленныхъ окнахъ, и весь онъ горѣлъ посреди пышной зелени сада, какъ волшебный замокъ—мгновенное созданіе блестящаго воображенія, готовый погаснуть вмѣстѣ съ гаснущимъ днемъ.

—Мнѣ понятно твое молчаніе?— продолжалъ я. Грустно разставаться съ отечествомъ въ такія минуты, когда оно всѣми своими прелестями какъ будто старается уловить бѣгущаго. Ты бы весело исторгся отъ нашихъ мятелей къ благословенному югу, чтобы встрѣтить тамъ весну въ объятіяхъ невѣсты; но ты не ожидалъ найти здѣсь въ послѣднія минуты такого очарованія, когда и безъ него уже одна мысль о разлукѣ наводитъ грустное раздумье на отъѣзжающихъ: прекрасная природа большая волшебница. Я испыталъ то же чувство унынія, прощаясь съ Царьградомъ, куда ты теперь стремишься; и хотя я возвращался на родину, я не могъ быть равнодушенъ къ очарованію Босфорскихъ береговъ, къ его кипарисамъ и замкамъ! Помнишь ли, какъ пріятны бывали въ лунную ночь наши прогулки по заливу Буюкдере? — Теперь я въ свою очередь

плачу тебѣ за тогдашніе проводы, и радуюсь, видя, что тебѣ жаль насъ оставить.

«Но если тамъ великолѣпна природа» возразилъ В.....ъ, «тамъ нѣтъ этой жизни, этой восхитительной музыки, которой одни звуки чего стоятъ!»

—А развѣ ты забылъ нашу народную пѣснь: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», которая звучно разливалась по водамъ Босфорскимъ съ фрегата Ловичь? Я тогда жадно внималъ ей и мысленно переносился въ отечество.»

«Нѣтъ, я не выдержу долгаго отсутствія!» живо прервалъ меня дипломатъ, давно уже скитающійся по Европѣ. «Прости покамѣстъ, до свиданія; я сейчасъ же отправлюсь въ путь.»

—Кланяйся св. Софіи!—повторилъ я, и мы разстались.

Меня тронуло сіе прощаніе. Воспоминанія востока живо разыгрались въ моемъ воображеніи; я уже не хотѣлъ и не могъ равнодушно вмѣшаться въ безпечную толпу гуляющихъ, и сѣлъ въ сторонѣ на скамью помечтать о прошедшемъ; но здѣсь меня встрѣтило прошедшее болѣе отдаленное, изъ годовъ моего дѣтства. Я нечаянно вступилъ въ разговоръ съ сидѣвшимъ подлѣ меня Б * * .

«Отъ чего не хотѣли вы насъ дождаться сегодня утромъ въ саду, когда мы вамъ откликались съ колоннады, чтобы вмѣстѣ прогуляться?»

— Извините: я поспѣшилъ къ вамъ на встрѣчу, и разошелся.

«Это только отговорка; но знаете ли, что вамъ не должно меня избѣгать: мы съ вами имѣемъ нѣчто общее, и гдѣ бы вы думали? Въ оградѣ Новгородскаго Духова Монастыря.»

—Я васъ не понимаю,—сказалъ удивленный ротмистръ; я совершенно никого тамъ не знаю.

«Ни мало въ томъ не сомнѣваюсь» продолжалъ я; «но если рѣчь моя не о живыхъ, то не найдется ли тамъ у васъ близкихъ сердцу и за могилою?»

—Вы конечно говорите о бѣдномъ молодомъ К * * *, который за два года предъ симъ такъ несчастливо кончилъ жизнь, ранивъ себя на охотѣ. Всѣ товарищи и доселѣ его оплакиваютъ; онъ подавалъ о себѣ столько прекрасныхъ надеждъ!

«И я раздѣляю печаль вашу объ этомъ прекрасномъ юношѣ, ибо я любилъ его и былъ пораженъ его нечаянною смертiю. Но скажите: посѣщая его могилу, не останавливаетесь ли вы иногда надъ другою, съ мраморнымъ столбомъ, за алтаремъ лѣтняго собора?»

—Почему вы это знаете? — живо прервалъ меня Б * * *.

«Потому, что я и самъ то же иногда дѣлаю и молюсь за упокой усопшей. Мы были дружны какъ дѣти, и я повѣрялъ ей мои первыя отроческія впечатлѣнія; вскорѣ по моемъ опредѣленіи въ полкъ я узналъ о ея замужствѣ и смерти!»

—Я видалъ ее въ домѣ графини, ея матери,—сказалъ мнѣ тронутый мой собесѣдникъ. Вы сами знали ангельскую красоту ея; но ангельское ея сердце едва ли еще не превосходило въ ней очаровательной наружности. Хотя уже миновалось нѣсколько лѣтъ послѣ ея кончины, но и донынѣ еще безутѣшны ея домашніе. Однажды я зашелъ мимоходомъ въ монастырскую ограду и очень удивился, увидя женщину, горько плачущую надъ ея могилою; я подошелъ ближе—это была ея горничная. «Ахъ, если бы вы знали»—говорила она сквозь слезы; «какого ангела мы лишились!»

Въ сію минуту прервалъ нашу тихую бесѣду голосъ кавалергардскаго Я *** — «Здравствуй и прощай, mon cher; я ѣду!»

—Кавалергардъ въ Царскомъ Селѣ! и въ какое время? Когда здѣсь нѣтъ высочайшаго присутствія? Когда весь блестящій дворъ на Елагинѣ? Что за чудо? — Я думалъ, что ты теперь тамъ красуешься около музыки, на своемъ прекрасномъ конѣ, которому дорого обходятся всѣ поклоны знакомыхъ тебѣ красавицъ столицы! По какому случаю тебя здѣсь вижу?

«Покамѣстъ мнѣ запрягаютъ лошадей на почтѣ въ Софіи, я забѣжалъ въ садъ. Сейчасъ ѣду въ Крымъ пользоваться тамъ Козловскою грязью. Осенью свидимся.»

—Стоитъ ли того ѣхать за нею такъ далеко? Впрочемъ ты будешь ею пользоваться и во все время обратнаго пути; надѣюсь, что такой постоянный курсъ леченія возвратитъ тебѣ здоровье. И такъ прощай до свиданія!—Я*** удалился.

Какъ я завидую всегда отъѣзжающимъ на югъ, —сказалъ я окружающимъ меня офицерамъ. Въ памяти моей еще свѣжи первые годы молодости, проведенные въ Малороссіи. Часто просиживалъ я тамъ напролетъ лѣтнія ночи безъ сна, слушая пѣсни соловьевъ, которые не умолкали въ фруктовыхъ садахъ вокругъ моей хаты, и я былъ тогда совершенно счастливъ, особливо когда случилось раздѣлять сіе наслажденіе съ добрымъ товарищемъ и юношески мечтать вмѣстѣ съ нимъ о блестящихъ надеждахъ будущаго. Дорого бы я далъ, чтобы теперь гдѣ либо подслушать въ лѣсу соловья! Я почти не слыхалъ его пѣнія съ самаго возвращенія изъ Малороссіи.

«Я вамъ могу сейчасъ же доставить это удовольствіе» возразилъ ротмистръ, «если только хотите идти со мною подальше въ паркъ; иногда сижу самъ по цѣлымъ часамъ и наслаждаюсь ихъ пѣніемъ.»

«Я отвѣчаю вамъ за четырехъ соловьевъ» прибавилъ подошедшій къ намъ адъютантъ Р. ** «и готовъ раздѣлить сію прогулку; какъ уроженецъ юга и житель Кіева, я имѣю ту же страсть къ соловьямъ.»

— Вы недавно изъ Кіева? —спросилъ я. — «Еще только нѣсколько мѣсяцевъ, и очень часто объ немъ вспоминаю.»

—Можно ли позабыть его, видѣвши хотя однажды. Я тамъ былъ семь разъ, и меня все еще сильно туда влечетъ. Мнѣ кажется, я былъ бы очень доволенъ, если бы могъ себѣ выстроить маленькій домикъ въ Старомъ Кіевѣ близъ Андреевской церкви, тамъ, гдѣ Апостолъ, просвѣтитель Россіи, водрузилъ въ ней первый крестъ. Оттолѣ я бы всегда могъ любоваться великолѣпною картиною Днѣпра, обтекающаго лежащій глубоко подъ горою Подолъ съ его живописными церквами, и далѣе, за сліяніемъ синей Десны и синяго Днѣпра, передо мной бы развивались черные Черниговскіе лѣса, необозримо поросшіе по всему горизонту... Однако же я слишкомъ замечтался о Кіевѣ; мы, кажется, пошли слушать соловьевъ, и вотъ уже паркъ; а ихъ еще нѣтъ.

«Остановимся на минуту, чтобы было слышнѣе. Вотъ что-то поетъ.»

— Покамѣстъ это только иволга; а вотъ и кукушка; вотъ наконецъ и наши сѣверные соловьи— вороны.

*

«Имѣйте терпѣніе» продолжалъ спокойно ротмистръ, и приведя насъ въ глухую аллею парка вдругъ остановился у знакомой ему скамьи. «Какая это птица?» спросилъ онъ съ самодовольною улыбкою.

—Благодарю васъ искренно за сіе утѣшеніе, которое столь неожиданно мнѣ доставили,—отвѣчалъ я жадно прислушиваясь къ давно желанному пѣнію и мы продолжали медленно подвигаться по мрачной аллеѣ, не зная куда ведетъ она, какъ вдругъ при ея поворотѣ блеснула намъ въ пурпурной зубчатой коронѣ высокая башня.

«Башня Наслѣдника!» воскликнулъ я, обрадованный ея нечаяннымъ появленіемъ. «Пойдемте къ ней, въ ограду развалинъ. Я не могу устоять противу искушенія рыцарскаго зданія.» И съ сими словами поспѣшилъ къ башнѣ.

На парапетѣ по угламъ лежали четыре косматые льва, простертые у ногъ ея осьми бронзовыхъ исполиновъ, во всеоружіи рыцарскомъ, поставленныхъ на непремѣнной стражѣ; одни съ опущенными сѣкирами, другіе опираясь на длинный мечь, осыпанные по шлему и латамъ лиліями, симъ нѣкогда рыцарскимъ цвѣткомъ, они стóяли поднявши къ небу руки, какъ бы произнося обѣтъ свой — стремиться въ Палестину. Солнце садилось прямо противъ открытыхъ воротъ бойницы, наполняя пурпуромъ своихъ лучей всю ихъ готическую раму, и

я устремился сквозь нихъ на каменный мостъ, за ограду, полюбоваться сими мнимыми развалинами. Остатокъ герба, надъ вратами и на самой бойницѣ длинная трещина въ видѣ креста, какъ бы обрекшая ему все зданіе, и зеленый валъ съ глубокимъ рвомъ, и надъ ними величественная башня Наслѣдника—все сіе тѣшило мое воображеніе, перенося его въ край и вѣкъ рыцарства.

«Вы вѣрно вспоминаете теперь о развалинахъ Кафы, или Судака и Балаклавы, которыя такъ живописно стоятъ на Крымскомъ берегу, на приморскихъ скалахъ!» спросилъ меня Р **.

—Ахъ нѣтъ, мысленно я гораздо дальше,—отвѣчалъ я. Прежде любовался я ими; но изъ памяти моей стерлись сіи купеческія укрѣпленія Генуэзцевъ, воздвигнутыя ими только изъ видовъ корысти, какъ скоро нога моя ступила на священные остатки твердынь истинно-рыцарскихъ въ Сиріи, облитыхъ благороднѣйшею кровію, въ духѣ совершеннаго самопожертвованія, какимъ горѣла тогда юношеская Европа. Смотря на сію крестообразную трещину въ бойницѣ, я представляю себѣ величественныя развалины замка, воздвигнутаго орденомъ Св. Іоанна Іерусалимскаго прямо противъ входа въ Храмъ Св. Гроба, и желалъ бы только видѣть здѣсь, вмѣсто этихъ деревьевъ, растущихъ на валу, тѣ роскошныя Идумейскія пальмы, которыя тамъ, надъ обвалившимися сводами, краснорѣчиво помаваютъ своими вѣтвистыми главами, какъ дѣлаютъ старцы, когда

у нихъ спросятъ о быломъ! Но прежде, нежели о-
пустятъ рѣшетку въ сихъ воротахъ, я еще хочу
взойти на валъ, чтобы оттодѣ насладиться вечернею
картиною.

И вотъ мы поднялись на валъ. — Необозри-
мая равнина развилась предъ глазами, съ ея без-
численными селами и деревнями, съ ея зеле-
ными рощами и отсвѣчивающею синевою ручьевъ.
На крайнемъ холмѣ сей равнины садилось солн-
це, позлащая подъ собою сей мгновенный пре-
столъ свой; и рядомъ съ солнцемъ на небосклонѣ
отходила къ покою необъятная столица, мало
по малу застилаемая дымчатымъ покрываломъ ту-
мановъ. Я не могъ отвести взоровъ отъ сего оча-
ровательнаго зрѣлища, когда внезапно въ чащѣ
лѣса, подлѣ развалинъ, протяжно и звонко засви-
сталъ соловей; и въ то же самое время внутри бой-
ницы раздались звуки гитары. Я былъ внѣ себя
отъ сего нечаяннаго созвучія, смотрѣлъ и внималъ,
и наслаждался случайностію сей минуты.

Насмѣшливый вопросъ моего пріятеля Б *** на-
рушилъ очарованіе. «Не правда ли, что сія музыка
очень кстати? Хотя она отнюдь не похожа на ры-
царскій романсъ, но ты вѣрно воображаешь себѣ
въ башнѣ какую нибудь красавицу, поющую нѣ-
что въ родѣ сихъ стансовъ:

Ночная мгла градъ облегла,
Безмолвіе въ стѣнахъ Сіона;
Въ святой тиши журчатъ струи
Плачевнаго ручья Кедрона.

И въ царствѣ сна встаетъ луна,
Пустынница полей эфира;
Какъ тѣнь блѣдна, какъ смерть хладна,
Безстрастный гость ночнаго міра! »

—О, дай мнѣ помечтать хотя въ сію минуту!—отвѣчалъ я. Скоро ли еще въ другой разъ дождешься столь благополучнаго случая? Когда опять будешь стоять надъ готическими развалинами и любоваться закатомъ солнца, и раздѣлять свое вниманіе между соловьемъ и гитарою? Не всегда и вдохновеніе проливается въ душу, какъ въ сію минуту; за чѣмъ же разгонять его житейскимъ? И что же ты равнодушенъ къ симъ рыцарскимъ развалинамъ? Отъ того ли, что помнишь, когда ихъ еще не существовало. Но, другъ мой, если мало прошедшаго въ сей башнѣ, то за то сколько будущаго! Какъ памятникъ и залогъ грядущей славы, торжественно возстаетъ она: ибо возрастила въ стѣнахъ своихъ надежду Россіи. Какая была прекрасная мысль окружить съ самаго дѣтства державнаго отрока богатырскою памятью Среднихъ Вѣковъ, чтобы ему рости духомъ въ прошедшемъ, въ виду родительскаго дворца и столицы, гдѣ, пришедши въ возрастъ, долженъ былъ принести обѣтъ въ доблестяхъ воинскихъ и вмѣстѣ царственныхъ. Сія уединенная башня, украшенная именемъ Наслѣдника, простоитъ многіе вѣка и съ любовію будетъ смотрѣть на нее потомство!

А между тѣмъ закатилось солнце, замолкла гитара, и въ чащѣ затихъ соловей . . . . . .

МОЛИТВА

ОБЪ ОЛЬГѢ ПРЕКРАСНОЙ.

Странниковъ дальнихъ ангелъ - хранитель,
Добрый наставникъ душъ и тѣлесъ!
Будь ей въ чужбину путеводитель!
Тамъ гдѣ цѣлебно съ теплыхъ небесъ,
Вѣчно блестящихъ яркимъ сапфиромъ,
Сходитъ на землю благость Творца,
Скорби врачуя здравьемъ и миромъ
И обновляя жизнью сердца!

Тамъ ли, гдѣ льется Рейнъ изумрудомъ
Въ тѣсной оправѣ сжавшихся горъ,
Быстро смѣняясь чудо за чудомъ,
За̀мокъ за за̀мкомъ радуютъ взоръ;

Тамъ ли, гдѣ ясно въ морѣ зеркальномъ,
Раю подобный смотрится югъ:
Въ странствіи трудномъ, въ плаваньи дальномъ,
Будь ей заступникъ, пѣстунъ и другъ!

Тамъ гдѣ природа юной красою,
Прелестью стройной пышно цвѣтетъ,
Странницу нашу встрѣтятъ родною,
Милой сестрою все назоветъ.
Радости наши въ жертву приносимъ;
Жертва будь наша, радости ей!
Ангелъ-хранитель! только и просимъ;
Здравія чашу въ грудь ей пролей!

Ангелъ разлуки! въ день этотъ черный,
Въ тучѣ угасшій съ нашей звѣздой,
Не унывая съ грустью покорной
Въ утро свиданья вѣримъ душой:
Вѣримъ, что скоро ангелъ возврата,
Празднуя съ нами радостный часъ,
Приметъ въ объятья милаго брата
Съ милымъ залогомъ, взятымъ отъ насъ!

ПАРИЖЪ.

(ХРОНИКА РУССКАГО.)

1836 *Марта* 21. Проживу здѣсь еще недѣли съ три или съ четыре: ибо необходимо кончить переписку въ Архивѣ Королевскомъ бумагъ весьма интерессныхъ, и привести всѣ въ порядокъ, съ помощію одного ученаго бѣднаго Нѣмца, который дѣлаетъ теперь реестры моимъ пріобрѣтеніямъ въ Парижѣ и пересмариваетъ списки. У меня времени на это не станетъ, а онъ кормитъ и себя и семейство этимъ трудомъ.

Мнѣ самому хотѣлось бы выѣхать поскорѣе. У насъ весна, т. е. тепло какъ лѣтомъ, и меня уже позываетъ въ даль, но въ даль родную: хочется опять подышать роднымъ воздухомъ и попастись на степяхъ Заволжскихъ. Между ними и Парижемъ:

Дрезденъ, Веймаръ, Берлинъ, Лейпцигъ и — Москва! А въ ней ожидаетъ меня новый историческій трудъ: сравненіе копій здѣшнихъ актовъ съ тѣми, кои, надѣюсь, позволятъ пересмотрѣть въ Московскомъ Архивѣ.

Скажи *К.* что *С.* передалъ уже его благодарность; а Шатобріана увижу сегодня и прочту ему его строки. Между тѣмъ вотъ вамъ вѣрныя вѣсти о Шатобріанѣ, успокоительныя для тѣхъ, которые принимаютъ въ немъ участіе. Онъ продалъ часть своихъ біографическихъ записокъ обществу, составившемуся (большею частію изъ легитимистовъ) для пріобрѣтенія оныхъ, на слѣдующемъ основаніи: «Шатобріанъ обязывается выдать отнынѣ въ четыре года: 1) 4 тома о Веронскомъ Конгресѣ и о Войнѣ Испанской (Переписка его съ Канингомъ составляетъ почти цѣлую книгу); 2) обѣщаетъ сверхъ того 12 томовъ записокъ своихъ, изъ коихъ шесть уже готовы и находятся у нотаріуса. Книгопродавецъ съ своей стороны обязывается выдать Шатобріану 1) 157,000 фр наличными, 2) выдавать по 12,000 фр. ежегодно въ теченіи четырехъ лѣтъ, и 3) по истеченіи четырехъ лѣтъ, 25,000 фр. пожизненнаго ежегоднаго дохода, которые будутъ уплачиваться и женѣ его по смерть ея». M-me Récamier и Гр. St-P. подтвердили мнѣ эту сдѣлку. Послѣдній участвуетъ въ ней на 48-ю часть и полагаетъ еще быть современемъ въ значительномъ выигрышѣ. Лучшее въ этомъ то, что будущее жены Шатобріана обезпечено.. Онъ вѣроятно

не уплатить всего долга своего 157,000 франками, а 12,000 ежегодно въ теченіи 4 лѣтъ для него недостаточно: слѣдовательно онъ снова надѣлаетъ долговъ, бросая деньги какъ пыль. (Ему случилось однажды продать карету, чтобъ дать обѣдъ десяти пріятелямъ). Гр. St-P. сказывалъ мнѣ, что тотъ же книжный откупщикъ предлагалъ ему 150,009 (!!) за Мильтона и Исторію Англійской Словесности, разсрочивая платежъ на нѣсколько сроковъ; Шатобріанъ задумался; пришелъ *Лавока* съ 36,000 фр. чистоганомъ, и Шатобріанъ отдалъ ему трудъ свой за эту сумму! Въ этомъ отношеніи онъ въ родѣ Ж., съ тою разницею, что онъ не шарлатанитъ и не дѣлаетъ разсчетовъ за годъ впередъ своимъ расходамъ, въ бѣлыхъ разграфованныхъ тетрадкахъ красными чернилами; но въ семействѣ и здѣшняго поэта *«нѣтъ сиротъ!»* Онъ и жена его призираютъ ихъ въ хорошо-устроенной обители, какъ *нашъ* вездѣ, отъ Бѣлева до Дерпта. (Сироты Шатобріана старухи).—Я уже писалъ вамъ, что я еженедѣльно бываю у трехъ проповѣдниковъ: недавно прибавилъ четвертаго, Dupanloup, издателя *«Фенелона для свѣтскихъ людей»* съ прекраснымъ предисловіемъ, который проповѣдуетъ въ St. Roch (приходъ Тюльерійскаго Дворца, за упраздненіемъ de l'Auxerois). Трое изъ 4-хъ проповѣдниковъ, коихъ обыкновенно слышу, возставали противъ Ламартина *, каждый по своему: Іезуитъ Равиньянъ, Лакордеръ въ одной, но сильной фразѣ, а Dupanloup сказалъ примѣча-

* *Примѣч.* По поводу его послѣдней поэмы: Jocelyn.

тельную проповѣдь противъ *враговъ и друзей религіи.* Послѣднихъ почитаетъ опаснѣе первыхъ, и въ семъ числѣ Гюго (коего означилъ *падающими осенними листьями* (les feuilles d'automne), Ламартинъ и прочіе пантеисты. И въ другихъ церквахъ возстали на него: одинъ аббатъ Кёръ (который вчера устрашилъ насъ адомъ и вѣчными муками, такъ что я не на шутку призадумался) ни слова не сказалъ противъ своего пріятеля-поэта и осуждаетъ собратій своихъ за ихъ рвеніе «*не по разуму*». За то Ресегье въ стихахъ, а Aimé Martin въ прозѣ называютъ Ламартина, какъ Платона, *божественнымъ!* —Въ салонахъ, какъ и въ церквахъ, тѣ же распри; въ числѣ защитниковъ—Шатобріанъ и M-me Récamier, кои не требуютъ отъ поэта строгаго православія. «Le National» объявилъ его прямо *пантеистомъ*, утверждая, что онъ никогда инымъ не былъ. По моему мнѣнію, Ламартинъ, какъ и другіе-прочіе, самъ себѣ еще точнаго и опредѣлительнаго отчета отдать не можетъ въ своемъ катехизисѣ; онъ, вѣроятно, почитаетъ себя съ такою же основательностію строгимъ католикомъ, какъ и глубокимъ политикомъ; а онъ просто—поэтъ. Въ немъ ни православія, ни тонкой политики искать не должно, а одной поэзіи. И пантеизмъ его случайный, поэтическій: онъ видитъ Бога въ натурѣ—и боготворитъ ее, какъ видимую, осязаемую поэзію,

И что въ *Спинозѣ* онъ попалъ,
Нечаянно случилось!

Вольно же легитимистамъ и ультра-католикамъ считать на него, какъ на каменную гору роялизма и православія: отъ однихъ юркнулъ онъ въ камеру, гдѣ въ нѣкоторыхъ рѣчахъ его видны здравые начала политической экономіи и умъ государственный, — отъ другихъ въ мечеть, и кувыркается передъ Магометомъ, съ коимъ онъ очень сдружился во время путешествія своего по Святымъ Мѣстамъ! Не знаю, доходятъ ли до него всѣ толки салоновъ и церквей.* По субботамъ у него литературный роутъ, и я бесѣдую иногда съ милой, увядающей отъ тоски по дочери, женой его: она, кажется, не совсѣмъ спокойна насчетъ православія мужа; ибо для нея «*грѣхъ не бездѣлица*» *. — Кстати о грѣхѣ и о вѣчныхъ мукахъ: вчера, въ воскресенье, изъ Notre-Dame, отъ Лакордера, зашелъ я къ Успенью слушать Кёра и увлекъ съ собою моего бывшаго библейскаго сослуживца ***. Церковь была полна по обыкновенію, и мы нашли мѣсто только у подножія алтаря. Осмотрѣвшись, я нашелъ себя въ кругу примѣчательномъ по разномыслію. Передъ одною и тою же каѳедрою съ одной стороны были палингенезистъ *Баланшъ* съ примѣсью пантеизма, Mignet, историкъ революціи и *глобистъ*, нынѣ надѣвающій ливрею Людовика XIV и почитатель вѣка его; строгій Галликанскій католикъ и либералъ графъ *Керголай*, племянникъ извѣстнаго ультра-роялиста; съ другой стороны: *Росси*, Итальянскій либералъ и католикъ-профессоръ, но въ духѣ XIX вѣка, баронъ *Экштейнъ*,

* См. брошюру подъ симъ названіемъ, изданную незабвеннымъ М. И. Невзоровымъ.

католикъ съ примѣсью глубокаго Германскаго мистицизма; писатель примѣчательный *Маркъ Жирарденъ*, проповѣдующій съ каѳедры и въ Debats: sur les tendances religieuses de notre siècle. Во всемъ этомъ N. N. ex omnibus aliquid! И всѣхъ насъ поражалъ проповѣдникъ громомъ слова своего и неизбѣжностію угрозъ Божіихъ, доказывая необходимость такого страха для обузданія, для воспитанія народовъ и единицъ (индивидуумовъ). Молчаніе было глубокое, вниманіе безпрерывное; проповѣдь продолжалась полтора часа.

Въ пятницу слышалъ я другой разъ Dupanloup, въ присутствіи королевы и дочерей ея. Декламаціи было болѣе, нежели идей и чувства; но иногда проповѣдникъ возносился до крайнихъ предѣловъ духовнаго міра. Тѣмъ смѣшнѣе былъ приходскій священникъ de St. Roch, который послѣ него взошелъ на ту же каѳедру напомнить о постѣ и молитвѣ субботней, и рекомендовать тѣмъ, кои захотятъ рано придти въ церковь, запастись шоколадными дощечками! Я не умѣлъ скрыть смѣха къ соблазну благочестивыхъ. Все сіе движеніе Парижской набожности найдете вы въ «Dominicale» и въ « Univers Religieux ». Въ нихъ же и проповѣди Лакордера. «Dominicale» пересмотрите сами для проповѣдей Лакордера и для другихъ статей, въ коихъ можетъ быть Пушкинъ найдетъ покормку и для своей Review-котомки. Сверхъ того пошлю вамъ для прочтенія *Акты Историческаго Конгреса*, коихъ по сію пору вышелъ первый томъ; скоро выйдетъ и второй.

Я былъ разъ на этомъ конгресѣ, гдѣ *мнимый* казакъ читалъ разсужденіе о Казацкой Литературѣ и выхвалялъ мнѣнія своихъ такъ называемыхъ соотечественниковъ. Въ «Актахъ»' есть статьи довольно любопытныя и хорошо написанныя. Не худо бы объяснить не-казакамъ, что казаки — *не Хозаръ* и что Хозары не Славяне, и что Баянъ не казацкій Гомеръ. Впрочемъ и въ этихъ статьяхъ не безъ исторической истины. О книгѣ, продиктованной Маршану Наполеономъ, можно сказать: это живая грамота безсмертнаго *

Вечеръ. Я провелъ сего дня часа полтора у M-me Récamier и передалъ ей и Шатобріану все, что писалъ ко мнѣ объ нихъ Козловъ. Въ салонѣ Рекамье встрѣтилъ я опять *Токевиля*, коему недавно въ Нравственномъ Отдѣленіи Института предпочли *Лукаса*, тюремнаго филантропа. Если бы не нелюбимый *Кузенъ* предлагалъ перваго, то вѣроятно перевѣсъ былъ бы на сторонѣ Токевиля, всѣми уважаемаго; но Кузенъ произвольно взялъ его подъ свое покровительство — и повредилъ ему. Онъ много говорилъ объ Америкѣ, гдѣ недавно умерла будто бы кормилица Вашингтона: по разсчетамъ оказалось, что кормилица эта могла быть развѣ только его молочною сестрою. Въ другомъ Американскомъ царствѣ умерла ста-шестидесяти-лѣтняя старуха! Если ей и при

* Это та самая книга, о которой извѣстіе помѣщено во II Томѣ Современника, стр. 247—266.

бавили нѣсколько десятковъ, то все таки она была старѣе того Государства, гдѣ скончалась.

Третьяго дня былъ въ домашнемъ театрѣ *Юлія Кастелана*, гдѣ герцогиня d'Abrantès играла *Сильвію*, а M-me Lafont, по Петербургу и по смычку мужа вамъ извѣстная, Лизету въ «les Jeux d'amour et du hasard». Старуха d'Abrantès играла хорошо; но жалка своими претензіями на молодость: она старѣе своихъ записокъ. У M-me Lafont по крайней мѣрѣ не погасли еще черные глаза, и въ станѣ есть необходимая для горничной вострушки гибкость. Я не дослушалъ первой пьесы, и сожалѣю, что не видалъ бывшей Miss Smithson въ 4 сценѣ IV акта Гамлета, который вамъ посылаю. Сказываютъ, что она играла прекрасно; а въ Лондонѣ она никогда не нравилась! «Une soirée chez M-me Geoffrin» написанъ герцогинею d'Abrantès въ отмщеніе врагамъ *Гюго*, не избравшимъ его въ Академію. Весь XVIII вѣкъ на сценѣ и хватаетъ до XVII. Сама d'Abrantès играла M-me Geoffrin. Вотъ вамъ и афишка. Пьеса плохая, какъ слышно. Я спѣшилъ на другія вечеринки, гдѣ не нашелъ того, чего искалъ. Спектакль Кастелана въ большой модѣ, и добиваются билетовъ, какъ будто бы нѣтъ 12 вольныхъ театровъ, каждый вечеръ открытыхъ!

И Бальзакъ видитъ въ Ламартинѣ отступника; онъ сказалъ мнѣ: «il a pris le rôle de Chatel» (архіепископъ *Французской* церкви, оставившій католическую, въ которой былъ попомъ). «Le National» говоритъ

безъ обиняковъ: «M. de Lamartine est panthéiste comme la génération, à la quelle il appartient». Тотъ же же журналъ отмѣтилъ нѣкоторыя небрежности въ стихахъ Жоселена и сдѣлалъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній на всю поэму. Впрочемъ есть и справедливая похвала, на пр.: «M. de Lamartine a donné une nouvelle vie à la poésie française; il l'a rajeunie et enrichie. Il a trouvé une expression harmonieuse à cette grande mélancolie philosophique et religieuse qui travaille notre génération. Maitre de la langue, il l'a assouplie avec une verve toute puissante; il l'a étendue en nappes immenses où chaque vague porte d'éblouissantes couleurs, et chaque flot un reflet.» Критики не хочу выписывать.

Хотѣлъ послать «Les cris de l'âme» съ предисловіемъ Ламне, но оно ничтожно, и *старое по старому*. Еще появилась книга любопытная и важная для политика и географа-статистика; вышла только первая часть, и много о Россіи въ отношеніи къ Турціи и къ Востоку вообще: «L'Europe et la Turquie de 1829 à 1836». Въ первой части болѣе о Египтѣ. Она писана двумя Французами: de Cadolvène et de Breuvery, кои провели нѣсколько лѣтъ въ Египтѣ и въ Турціи,—и во враждебномъ духѣ для Россіи. Никогда столько брошюръ, журнальныхъ статей и книгъ не выходило о семъ предметѣ, какъ въ послѣдніе два года; даже тогда, когда Россія и Турція, въ виду Европы и Азіи, сражались на высотахъ Балкана, менѣе ими занимались политическіе компиляторы, нежели теперь.

Здѣсь и въ Англіи можно накопить цѣлую библіотеку о Россіи, въ отношеніи къ Востоку.

О мнимыхъ наблюденіяхъ Гершеля вы конечно уже слышали, и читали шутливое опровержение серьёзныхъ шутокъ. Смѣшны только тѣ, кои, не смѣя признаться въ невѣжествѣ, не знаютъ, какъ трактовать шутку, шуткой ли или дѣломъ.

Началъ читать на дняхъ вышедшую «Correspondance inédite de Voltaire avec Frederic II, le président de Brosse etc. etc». (*) Не хочется оторваться; но для милаго дружка чего не оторвешь отъ себя, кромѣ сердца, и того, что въ немъ есть неотрывнаго.

22 *Марта. Полночь.* Возвратился изъ театра. M-lle Mars все еще плѣняетъ игрою. Въ старыхъ пьесахъ: «l'Ecole des vieillards» и «Gageure imprévue» она стариной тряхнула. Удивительно какъ много замѣняетъ въ ней искусство. Я съ 1831 года, т. е. съ Лондона, не видалъ ея. Тальма и она! съ другими сравнивать ихъ нельзя. Развѣ Жоржъ? Впрочемъ Французскій Театръ и въ паденіи своемъ все еще держится хорошими, если и не первокласными актерами. Я охотно тамъ бываю.

23 *Марта.* Писать въ день отправленія часто

(*) Объ этой книгѣ также уже говорено въ Современникѣ Т. III, стр. 158—169: въ статьѣ *Вольтеръ.*

нѣкогда, а заранѣе какъ-то не хочется, да и вѣсти теряють свѣжесть и увядають какъ цвѣты. Я живу въ церквахъ столько же, сколько и въ Архивахъ и въ Сорбонѣ, болѣе нежели въ Ecole de France, и знаюсь съ католичками и католиками болѣе нежели съ шатлистами.

Слышалъ проповѣдь аббата Кёра sur le respect humain, въ отношеніи къ религіи. Ввечеру поздно собрался къ Брогліо, гдѣ хозяйка - протестантка пеняла мнѣ, что я оставилъ le culte non salarié: я признался, что увлеченъ Лакордеромъ и его товарищами; но когда они, послѣ праздника, замолкнутъ, я снова возвращусь къ *Гранпьеру*, въ храмину, гдѣ слыхалъ и сенсимонистовъ. Я возобновилъ знакомство съ баронессою Сталь, которая недавно пріѣхала изъ Копета. Я напомнилъ ей эпоху нашего знакомства: за нѣсколько дней до кончины мужа ея. Я завтракалъ у нихъ въ Копетѣ, и хозяинъ выводилъ меня по всѣмъ своимъ владѣніямъ, показалъ свои заведенія, все все — кромѣ того, что мнѣ всего болѣе хотѣлось видѣть: гробницы прадѣда и матери его. . . . Вдова его была тогда беременна и родила послѣ смерти мужа. Я обязанъ ему знакомствомъ съ Брумомъ и Макинтошемъ въ Англіи, и онъ же ввелъ меня здѣсь въ общество библейское и въ другое, гдѣ онъ былъ главною пружиною въ пользу уничтоженія торговли Неграми. — Книга его объ Англіи — одна изъ лучшихъ; но не она переживетъ автора:

«Его переживутъ его сердечны чувства»

и біографическія записки M-me Récamier, (въ концѣ 1830 г. сама она позволила мнѣ прочесть отрывокъ изъ сихъ записокъ), оставившей Францію для изгнанницы Наполеоновой, и Швейцарію, для того, чтобы успокоить ее насчетъ сына, страстно ее любившаго.

$\frac{30}{18}$ *Марта.* Архивы, проповѣди, лекціи и какая-то лѣнь мѣшали продолжать отчетъ Парижской жизни; но всего болѣе парализированъ я извѣстіемъ газетнымъ, что Пушкинъ будетъ издавать Review, а не журналъ. Я сбирался быть его дѣятельнымъ и вѣрнымъ сотрудникомъ и сообщать животрепещущія новинки изъ области литтературы и всеобщей политики; но какой интересъ могутъ имѣть мои энциклопедическія письма чрезъ три или четыре мѣсяца? Вся жизнь ихъ эфемерная, и они не выдержатъ *квартальнаго* срока. Для Review нужны статьи, а не письма. Черезъ 4 мѣсяца кто вспомнитъ о *Жосленѣ*? А теперь было бы интересно узнать все, что разные голоса поютъ о немъ. Я хотѣлъ сдѣлать эту поэму предметомъ цѣлаго письма, и сообщить, вмѣстѣ съ выписками изъ первоклассныхъ журналовъ, напр. изъ Sémeur etc., и толки салоновъ, и нападки проповѣдниковъ. Поэма объяснила бы Парижъ и салоны, а салоны объяснили бы поэму и самого Ламартина. Теперь ограничусь доставленіемъ однихъ журналовъ и указаніемъ на тѣ стихи, кои наиболѣе возбудили противъ поэта-католика, а нынѣ пантеиста, негодованіе тѣхъ, кои ошиблись въ немъ и въ его катехи-

зисѣ. Я хотѣлъ также передать вамъ и свѣжія впечатлѣнія, производимыя проповѣдниками, напр. Лакордеромъ, въ послѣдней превосходной и едва ли не существеннѣйшей его проповѣди; но между тѣмъ какъ это письмо *пишется*, въ ожиданіи случая для отправленія, вы уже вѣроятно получили прежнія его проповѣди, а съ симъ письмомъ получите и новѣйшія, и проповѣдникъ будетъ уже въ Римѣ.— Въ прошедшее воскресенье съ проповѣди его изъ Notre-Dame пріѣхалъ я уже не къ Успенью слушать аббата Кёра, но въ театръ Chaterain (улица сія прозвана *Побѣдною* съ тѣхъ поръ, какъ жилъ въ ней Наполеонъ) слышать и видѣть знаменитаго импровизатора *Прадел‍я*, о талантѣ коего мнѣ разсказывали чудеса. На миніатюрномъ театрѣ, гдѣ я уже недавно слышалъ Итальянскаго импровизатора, явился Прадель передъ публикою и предложилъ намъ задать ему сюжетъ для трагедіи, съ однимъ только ограниченіемъ: не касаться политическихъ предметовъ. Каждый имѣлъ право задавать сюжеты, и тотъ изъ нихъ, который будетъ болѣе апплодированъ, приметъ импровизаторъ для своей трагедіи. Предузнать было ему не возможно. Начались крики; перебрали всю древнюю и новую (но не *новѣйшую*) исторію, чужую и свою, и остановились сначала на двухъ предметахъ: St. Mars и Héloïse et Abeilard; послѣдній былъ еще болѣе апплодированъ, и Прадель взялся за него, и не болѣе какъ черезъ пять минутъ началъ импровизацію. Онъ объяснилъ, что натура этого сюжета требуетъ немногихъ дѣйствующихъ лицъ, и что онъ составитъ всю трагедію

изъ четырехъ: Элоизы, Абельяра, дяди ея аббата Фюльберта, и его слуги, или наперсника. Онъ игралъ всѣ роли съ необыкновеннымъ талантомъ; сначала импровизировалъ онъ стихи довольно медленно, но медленное теченіе рѣчи было и въ характерѣ старика Фюльберта, который открылъ первую сцену. Переходя съ мѣста на мѣсто, въ разговорѣ, онъ нимало не останавливался; иногда повторялъ тѣ же выраженія, иногда тѣ же образы и мысли; но вообще все было складно и иногда съ проблесками истинной поэзіи. Il y avoit deux ou trois vers à retenir, особливо въ концѣ, когда совершилось надъ Абельяромъ *извѣстное* мщеніе. Я жалѣю, что не взялъ съ собою карандаша и не записалъ нѣсколькихъ стиховъ. Операторъ, наперсникъ дяди, желая успокоить Элоизу, узнавшую о кровопролитіи, говоритъ ей: «Il vit, madame, mais sans vivre pour vous». И потомъ à peu-près такъ: « Et votre amant ne peut plus être époux!»—Убѣждая Элоизу не гоняться для него за славою, Абельяръ говоритъ ей: « Des lauriers les plus beaux les feuilles sont amères!» Остальное было плавно, хорошо, но нимало не шевелило сердца.

Вообще любопытно видѣть разъ усиліе ума и памяти, ибо память болѣе воображенія снабжаетъ импровизатора стихами и полустишіями; но въ другой разъ врядъ ли я промѣняю проповѣдь на импровизированную трагедію. Зритель страдаетъ вмѣстѣ съ авторомъ-актеромъ, слѣдуя за его усиліями и угадывая трудъ и заботы его въ пріиска-

нiи мысли, риѳмы, выраженiя, сцены. Этотъ страхъ за импровизатора мѣшаетъ наслажденiю. Нѣтъ, трагедiи въ тиши кабинета, на досугѣ, и при вѣрномъ вдохновенiи писанныя, предпочтительнѣе. Пытка для таланта не есть наслажденiе и для зрителя. Мнѣ пришло на мысль сравнить этого рода импровизацiю съ обѣдами à la fortune du pôt: я предпочитаю тѣ, на кои зовутъ за недѣлю печатными билетами. — Въ этотъ же день едвали не въ первый разъ давали на одномъ изъ театровъ драму Абельяра и Элоизы, въ которой болѣе отступлено отъ исторической истины, чѣмъ въ импровизацiи Праделя. Каноникъ Фюльбертъ не думалъ мѣшать тайной связи двухъ любовниковъ: наставника и ученицы, его племянницы; не хотѣлъ и мстить первому, когда оказался первый плодъ уроковъ его: младенецъ Астролабъ. Дядюшка желалъ обвѣнчать ихъ; но Элоиза не согласилась, предпочитая славу ученаго Абельяра своему счастiю; она хотѣла остаться другомъ, не женою его. Вотъ à peu-près слова ея: «Dulcius mihi semper extitit amicale vocabulum, aut si non indigneris, concubinae vel scorti».... Прадель не разъ повторялъ въ стихахъ эту мысль, не разъ напомнилъ объ этомъ самоотверженiи Элоизы. По исторiи, Элоиза уступила настоянiямъ дядюшки и Абельяра, вышла за него, но подъ условiемъ тайны. Абельяръ свезъ ее au Couvent d' Argenteuil, но она не постриглась, а только приняла костюмъ монашескiй. Фюльбертъ и его сродники, полагая, что она постриглась, возгорѣли мщенiемъ: «Puisque Heloise ne peut plus être la femme d'Abeilard, celui-ci n'a

plus besoin d'être homme» — и мщеніе совершилось! Вотъ *быль*, которая сдѣлала Абельяра *баснею* народовъ и *баснею* для Элоизы! — Но возвратимся къ Праделю. Послѣ трагедіи, Прадель предложилъ зрителямъ задать bouts-rimés, поставивъ правиломъ, чтобы одно слово выражало предметъ отвлеченный, intellectuel, другое матеріальный; для перваго предложили sinistre, для другаго, *матеріальный:* ministre! Шутка отвержена Праделемъ. Онъ началъ импровизаціи катренами, а кончилъ 12-ти-стишіями; перемѣнялъ слова du haut en bas, перемѣшивалъ ихъ, и съ неимовѣрною быстротою придумывалъ стихи для риѳмъ; заключилъ пѣніемъ куплетовъ на данные сюжеты, безъ малѣйшаго приготовленія. Академикъ *Роже* знавалъ *Праделя* въ тюрьмѣ, гдѣ онъ за долги содержался; оттуда позволяли ему заглядывать въ свѣтъ, и онъ собиралъ деньги блистательными импровизаціями: одною изъ лучшихъ почитаютъ элегію на смерть Тальмы, страницъ въ шесть.

31. *Марта.* Вчера, для великой среды католиковъ, слушалъ я новаго для меня проповѣдника въ церкви St. Germain des-prés, *Гривеля*, aumonier de la Chambre des Pairs. Онъ проповѣдывалъ, въ пользу общества «des amis de l'enfance», о религіозномъ воспитаніи. Православные журналы расхвалили его, и я, повѣривъ имъ, отправился на проповѣдь; но слышалъ однѣ безжизненныя фразы и риторское пустословіе, наполненное текстами св. писанія, св. Бернарда, Фенелона и даже—Монтескьё! Но съ симъ

послѣднимъ поступилъ онъ по-іезуитски, прибавивъ одно слово къ тексту и тѣмъ измѣнивъ чистый смыслъ оригинала. Я не помню въ точности фразы, но вы ее угадаете: «Религія, необходимая для будущей жизни, и въ этой служитъ намъ лучшимъ утѣшеніемъ»; проповѣдникъ прибавилъ: la religion catholique (какъ будто намъ шизматикамъ наша и ни на что не годится!). Я почти вслухъ отвѣчалъ ему: «Jl n'y a pas de catholique dans Montesquieu.»

Вечеръ провелъ я въ театрѣ au Gymnase. Давали три пьесы, изъ коихъ двѣ для меня новыя, и я давно такъ не смѣялся. Въ «Chut» вы видите на сценѣ Потемкина, Поляка Станислава, и дѣйствіе въ Эрмитажѣ. *Скрибъ* хотѣлъ изобразить Потемкина и дворъ Екатерины; но безъ клеветы и безъ невѣроятностей не обошлось, какъ и вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о Русскихъ и о Россіи. Портретъ Потемкина набросанъ въ нѣсколькихъ чертахъ довольно удачно и особенно въ контрастахъ, изъ коихъ былъ составленъ нравственный и политическій его характеръ: смѣсь Азіатской пышности, Азіатскихъ *замашекъ*, съ Европейскою утонченностію XVIII вѣка (не далѣе). Костюмы двора Екатерины также вѣрны, какъ и анекдоты о ней. Потемкинъ въ усахъ, въ треугольной шляпѣ! Нигдѣ не виденъ «*великолѣпный князь Тавриды!*» Историческая истина только въ *шароварахъ* кн. Потемкина, кои, говорятъ, онъ самъ нашивалъ и надѣлъ на всю армію. Послѣ «Chut» давали «Gamin de Paris». Эту пьесу надобно видѣть въ Парижѣ, познакомившись съ Парижски-

ми гражданами: это badaud низшаго класса, извѣстный только въ Парижѣ, и онъ вѣрно списанъ съ оригинала, а еще вѣрнѣе и превосходно представленъ на театрѣ. Le gamin de Paris, всегдашній житель Парижскихъ улицъ и бульваровъ, участвующій во всѣхъ сшибкахъ, во всѣхъ *сценахъ* Парижскихъ, повѣса съ добрымъ сердцемъ, веселаго остроумія и нрава, подшучивающій надъ смѣшными оригиналами, но спасающій отъ бѣды другихъ по первому движенію сердца; добрый сынъ, нѣжный братъ, готовый принести себя на жертву семейству. Онъ вступается за сестру, обольщенную знатнымъ баричемъ; но вступается *по своему*, съ чувствомъ оскорбленнаго брата; сохраняетъ уваженіе къ отцу обольстителя, подагрику-генералу изъ эпохи Наполеоновой, который плѣненъ его благороднымъ и братскимъ поступкомъ, обвиняетъ сына, срываетъ съ него незаслуженный крестъ, къ досадѣ тетки его, и, въ досаду ея чванству, женитъ полу-влюбленнаго раскаявшагося сына на бѣдной дочери своего сослуживца. Рѣзвость, шалости и шутки du gamin de Paris, и особенно его Парижскія прибаутки, смѣшили насъ; но въ сценахъ чувствительныхъ почти всѣ ложи плакали; вездѣ платки утирали слезы, такъ что иногда плачъ былъ слышимъ, и партеръ оборачивался на плачущихъ. Я по сію пору рѣдко ходилъ въ театръ, за недосугомъ.—Сегодня проглянуло солнце, но Longchamps, вчера начавшійся, еще не оживился.

Не удалось быть на проповѣди Лакордера à

l'Hospice de Ste. Thérese Шатобріана. Лакордеръ въ первый разъ проповѣдывалъ передъ такой блистательной и многочисленной *дамской* публикой. Въ Notre-Dame – дамы за загородкой или на хорахъ и въ маломъ числѣ въ сравненіи съ мужчинами; у св. Терезы онѣ занимали всю церковь, и Лакордеръ едва не смутился. Мнѣ передали только одинъ комплиментъ его Шатобріану, à-peu-près въ сихъ словахъ: «Il est beau de commencer par le Génie du Christianisme et finir par l'Hospice de S-te Thérese.» Службу отправлялъ Парижскій архіепископъ.

На сихъ дняхъ послалъ я Шатобріану статью *Чанинга*, Американскаго писателя - проповѣдника, о Мильтонѣ, превосходную и оригинальную. Долго не могъ я отыскать книги его въ Парижѣ, и не знаю, успѣетъ ли Шатобріанъ прочесть ее прежде изданія перевода Мильтона. Хотя Англичане, особливо строгіе методисты, и обвиняютъ Чанинга въ социніанизмѣ, но въ сужденіи Мильтона-христіанина и поэта онъ безпристрастенъ. Чанингъ называетъ его: «the sublimert of men». Говоря о слѣпотѣ Мильтона: «But though sightless, he lived in light». Мильтонъ начиналъ терять зрѣніе, когда сочинялъ «*Защиту Англійскаго народа*»; его предварили, что онъ совсѣмъ лишится зрѣнія, если будетъ продолжать писать эту «*Защиту*»; но патріотъ Мильтонъ предпочелъ пользу народа зрѣнію, — и лишился его. Чанингъ разсматриваетъ его во всѣхъ отношеніяхъ. Я увѣренъ, что и для Шатобріана ansichten его будутъ новыми. Чанингъ писалъ о Наполеонѣ и судилъ его съ новой же точки зрѣнія.

Третьяго дня указалъ я Шатобріану другую книгу: три части *Путешествія въ Іерусалимъ* траписта *Жерамба* (*). Не знаю, найдетъ ли Шатобріанъ въ этой книгѣ много новаго; но, кажется, что Святыя Мѣста все еще привлекаютъ его вниманіе, ибо онъ тотчасъ записалъ книгу Жерамба. Я видѣлъ автора уже послѣ его путешествія, въ Бернѣ, у знаменитой Иды Бонштетена, дочери M-me Brun и супруги Австрійскаго посла *Бомбеля*. Онъ жилъ въ трактирѣ подлѣ меня, спалъ на голомъ полу, постился вездѣ, и носилъ какой-то труженическій поясъ для умерщвленія плоти; но любезничалъ въ салонѣ Иды и балагурилъ по-прежнему. Не знаю, возвратился ли онъ къ трапистамъ? Во Франціи два монастыря сего ордена, какъ сказывалъ мнѣ Шатобріанъ, и процвѣтаютъ святостію своихъ отшельниковъ.—Скоро выйдетъ послѣдняя часть лекцій Вильмена, лучше первыхъ, какъ слышно, отдѣланная и содержащая между прочимъ пребываніе Вольтера въ Англіи и вліяніе, которое Англійскіе и Шотландскіе философы имѣли на него въ то время, съ новыми подробностями и документами. *Григорій VII* Вильменовъ давно оболваненъ, но не можетъ еще явиться скоро въ публику, и біографъ образуетъ его по тѣмъ впечатлѣніямъ, кои онъ самъ получаетъ, обогащаясь новыми ма-

---

(*) Этотъ трапистъ былъ въ Москвѣ въ 1809 или въ 1810 году, и разъѣзжалъ тогда по вечеринкамъ, баламъ и обѣдамъ въ черномъ гусарскомъ мундирѣ съ *мертвою головою*, изъ серебра выдѣланною, на груди. Его полюбили за оригинальность, веселость и остроуміе.

теріалами, кои открываетъ во всемірной исторіи этого папы.

Толки о прежнемъ и новомъ министерствѣ продолжаются; но сколько я и самъ ни жалѣлъ сначала о нѣкоторыхъ министрахъ, по личной старинной связи съ ними, сколько ни находилъ я въ нихъ

«Царей и царствъ земныхъ ограду»,

—не могу однакоже не признать, что они ошиблись въ *формѣ*, которую избрали въ Гумановскомъ дѣлѣ. Доктринеры дали промахъ, говоря по-Русски. Имъ надлежало бы немедленно удалить товарища, не заодно съ ними, или не въ одинъ шагъ пошедшаго, и предоставить самой камерѣ рѣшить вопросъ: « est-ce clair ? » (Это взбѣсило многихъ, и Берье въ ту же минуту сказалъ, что отвѣтомъ камеры на этотъ вопросъ будетъ отставка министровъ). Тогда бы камера сдѣлала то же, что и теперь: согласилась бы съ министерствомъ, и кредитъ его отъ сей неудачи Гумановскаго предложенія еще болѣе бы усилился. Оно бы могло прожить еще года два, и не прежде какъ съ новою камерою уступить мѣсто новой генераціи, благопріятствующей болѣе, нежели старая камера, *партіи движенія:* между тѣмъ усилія, подвиги министерства не пропали бы для Франціи, умы созрѣли бы болѣе для безпрестанно развивающагося новаго порядка вещей. Тьеръ вѣроятно воспользуется ихъ ошибкою, и сдѣлается мало-по-малу представителемъ уже не отжившей вѣкъ свой *доктрины*, но новой, возникающей изъ оппозиціи партіи, которая принимаетъ

прошедшее *прошедшимъ*, не желая однакожь оставаться *неподвижною*, и еще менѣе возвращаться къ старому. Тьеру это легче, нежели другимъ: онъ далъ болѣе ручательствъ новой генераціи своимъ прошедшимъ, и въ его біографіи нѣтъ ни похода въ Ганъ (Gand), какъ у Гизо, ни въ гербѣ его нѣтъ герцогской короны: онъ выходецъ изъ новаго міра, ученикъ Манюэля, и «Исторія Революціи» написана имъ по его началамъ. —Я бы предпочелъ *для себя* политическій характеръ Гизо, предпочелъ бы и талантъ его; но превосходная рѣчь его въ отвѣтъ Пажесу, которою восхищалась и сама оппозиція, отъ которой едва могъ собраться съ духомъ Odillon Barrot, чтобы отвѣчать ему, — эта самая рѣчь была панихидою для *доктрины!* Она разорвала послѣднюю связь между новымъ и старымъ министерствомъ. Гизо признанъ превосходнымъ ораторомъ, рѣдкимъ министромъ просвѣщенія, даже честнымъ человѣкомъ, — и Гизо врядъ ли уже возвратится въ министерскія палаты; между тѣмъ какъ Тьера, коего вы знаете по брошюрѣ Лёве-Веймара, болѣе или менѣе основательной (я не сужу его, а только ссылаюсь на молву), Тьера примутъ въ спутники, если не въ корифеи, и молодые депутаты, коимъ суждено возобновить дряхлѣющую съ каждымъ днемъ камеру. Доктринеры съ каждымъ днемъ теряютъ въ ней свое прежнее вліяніе; уже одни *чиновники*, кои волею и неволею были имъ нѣкоторою опорою, мало-по-малу будутъ приставать къ новому министерству и ослаблять старое, которое скажетъ наконецъ съ поэтомъ. «Und einer nach dem andern wich»!

Министерство просвѣщенія конечно потеряетъ въ Гизо знаменитаго, блестящаго представителя не только Французской учености, но и Европейскаго всеобщаго просвѣщенія. Онъ рѣдкое явленіе во Франціи: Гизо не чужды ни одна изъ словесностей, ни одна изъ цивилизацій, коими Европа сдѣлалась Европою. Онъ знаетъ Нѣмцевъ и ихъ общія идеи, ихъ теоріи; онъ историкъ Англіи, онъ ораторъ и министръ Франціи; онъ выписалъ для нея изъ Италіи Росси, зная, что ей нужна первая государственная наука нашего времени: политическая экономія, нужна и философія права, которой шарлатанъ *Лерминье* Французовъ не научитъ; Гизо наконецъ далъ новую жизнь тлѣвшимъ Французскимъ хартіямъ: онъ учредилъ историческія общества, кои уже дали плодъ свой въ короткое время ихъ существованія. Но не смотря на всѣ сіи неоспоримыя достоинства, Гизо отжилъ вѣкъ министерскій и Пеле (третій министръ просвѣщенія протестантскаго исповѣданія: ибо Кювье, по части управленія Университетомъ, былъ также почти министромъ) *Пеле* — котораго ни науки не знаютъ, ни онъ ихъ, — будетъ по необходимости продолжать Гизо: ибо, къ счастію, сущность и сила управленія сею частію не въ министрѣ, а въ *Совѣтѣ* его, который остается въ прежней своей дѣятельности и изъ прежнихъ членовъ: Вильмена, Кузена, Дюбуа, и проч. и проч.— Вотъ вамъ главная мысль моя о здѣшней передрягѣ: я почерпнулъ ее изъ журналовъ, изъ соображенія разныхъ мнѣній и изъ дѣлъ и дѣйствующихъ лицъ, коихъ вижу съ утра до вечера. Это

мнѣніе согласно со многими въ главномъ, особливо съ тѣми, кои по своему положенію могутъ оставаться безпристрастными зрителями государственныхъ и политическихъ измѣненій, здѣсь совершающихся. Конечно, и Гизо еще не безъ надежды (il a aussi des chances en sa faveur). Ламартинъ, недавно встрѣтивъ его, послѣ рѣчи его, сказалъ ему à peu-près такъ: «Cette génération vous appartient, et vous lui appartiendrez encore 10 ans; mais après ce sera au parti social (коей онъ себя почитаетъ корифеемъ) à mener la barque.» Тьеръ, недавно встрѣтивъ Ламартина и депутата Janvier (коего также причисляютъ къ сей же новой партіи) поклонился имъ, привѣтствуя: «Je salue le parti social.» Доктринеры усаживались на канапе: le parti social n'aura besoin que d'une causeuse. Ламартинъ почитаетъ себя глубокимъ политикомъ, и Тальйеранъ, подшучивая надъ нимъ, увѣрялъ его, qu'il étoit encore un plus profond politique que grand poète, но что онъ взойдетъ на политическій горизонтъ не прежде какъ чрезъ 30 лѣтъ, что теперь его еще немногіе постигаютъ, и т. д. Ламартину всѣ льстятъ; недавно Гизо увѣрялъ его, что онъ можетъ прочесть ему наизусть изъ каждой страницы Жослена по десятку стиховъ. Всего-на-все Ламартинъ получилъ до 8000 стиховъ похвальныхъ, по изданіи поэмы своей. Всѣ сіи панегирики могутъ повредить только совершенству, отдѣлкѣ стиховъ, можетъ быть, и таланту его, но конечно не сердцу и не благородному его характеру. Увѣряютъ, что онъ сбирается весною, вмѣстѣ съ Берье, въ Петер-

бургъ. Четыре молодые легитимиста точно ѣдутъ; въ числѣ ихъ Labouillerie (сынъ бывшаго интенданта дворца) и *Фалу*, умный и молодой литтераторъ: онъ будетъ и въ Москвѣ.

1 *Апрѣля* 1836. Вчера былъ у меня Гейнрихсъ, издатель «Коммерческаго Архива». Я показывалъ ему Русскую Коммерческую Газету; подарилъ ему Англійскія приложенія и предлагалъ и самую газету. Гейнрихсъ постарается пріискать кого нибудь для перевода любопытнѣйшихъ свѣдѣній, а между тѣмъ проситъ присылатѣ къ нему хоть въ литтеральномъ переводѣ на Французскомъ или хотя на Нѣмецкомъ статьи изъ вашего журнала, кои могутъ имѣть общій интересъ для Европейской или всемірной торговли. Онъ съ благодарностію помѣщать ихъ будетъ. Я, кажется, писалъ изъ Лондона, что Mac'culloch, профессоръ политической экономіи въ Лондонскомъ Университетѣ и извѣстный писатель, издалъ Коммерческій и Мануфактурный Лексиконъ, коего вышло уже два изданія. Онъ желалъ, чтобы онъ сдѣлался и въ Россіи извѣстенъ. Нынѣ вышелъ переводъ его на Французскомъ: «Dictionnaire du commerce et des marchandises, par Mac'culloch». Оригиналъ въ одномъ толстомъ и мелкопечатномъ томѣ, изъ коего выйдутъ, вѣроятно, четыре на Французскомъ. Его можно назвать коммерческою энциклопедіею во Франціи, гдѣ со временъ *Савари* начались подобные лексиконы; лучшей книги и полнѣйшей по сей части еще не было. Не желая шарлатанствовать по такой сухой матеріи, посылаю

газетную статью о семъ лексиконѣ. Она можетъ пригодиться вамъ и познакомить васъ съ полезною книгою. Mac'culloch издалъ уже, вѣроятно, Статистику Англіи, по оффиціальнымъ матеріаламъ: и она вамъ могла бы очень пригодиться.

Регулярно ли вы читаете «la Gazette de France» и знаете ли статьи литтературныя *Нитмановъ* братьевъ, кои прежде работали для «Quotidienne»? Примѣчательнѣйшія о Боссюэтѣ (Bossuet Sermonaire) въ двухъ N.N°, о Тьерѣ, какъ историкѣ и ораторѣ, и недавно о философѣ Лерминье. Всѣ писаны прекрасно и дѣльно; хотя энтузіазмъ ко двору Людовика XIV въ статьяхъ о Боссюэтѣ и подлежитъ нѣкоторымъ отмѣткамъ; но онъ справедливъ къ вѣку его въ литтературномъ отношеніи. «Le XVII me siècle, ce paradis perdu de la litterature», въ который онъ «глазами *Французской* Газеты заглядываетъ» изъ нѣдръ нынѣшняго литтературнаго хаоса. Онъ защищаетъ Боссюэта за его проповѣдь, произнесенную «pour la profession de M-me la Vallère», которую и Г-жа Севинье признавала недостойною генія Боссюэта. Сіи статьи примѣчательны и тѣмъ, что онѣ доказываютъ сколько еще здѣсь *симпатіи* въ умахъ и въ сердцахъ не только высшаго класса, но и въ литтераторахъ-roturiers, къ прошедшему, и какъ еще и теперь ослѣплены писатели и даже историки блескомъ двора, столь чуждымъ нашему времени. Подумаешь, что онѣ хотятъ увѣрить, какъ будтобы религія христіанская сама получила какой-то новый блескъ отъ того

*

что Людовикъ *грѣшный* ее исповѣдывалъ съ великолѣпнымъ дворомъ своимъ; какъ будтобы *раскаяніе* одной изъ его любовницъ дѣйствовало на геній, на вдохновеніе Боссюэта! Если въ самомъ дѣлѣ такъ, то тѣмъ хуже для оратора-христіанина. Вотъ что панегирикъ Боссюэта-*проповѣдника* (Sermonaire) говоритъ по случаю постриженія Лавалльеръ: «Cette belle dame, avec sa figure empreinte d'une tristesse si douce, et où respiraient toutes les vertus du repentir, mêlait quelquefois à nos jeux (dans notre enfance passée sur les débris du couvent de Chaillot) une pensée de mélancolie. Les enfans, qni comprennent rarement les idées, comprennent admirablement les sentimens, et il y avoit bien des sentimens écrits sur ce visage tout paré de ses larmes, sur lequel la résignation luttait contre la douleur et où l'on voyait finir l'amour d'un homme et commencer l'amour de dieu. Plus tard, quand les idées nous sont venues, M-me de la Valliére nous est toujours apparue comme type gracieux de cette cour de Louis XIV, où il y avoit des faiblesses, mais point d'immoralité raisonnée, et dans laquelle le christianisme venait de tems à autre, montrer sa figure austére, au milieu des joies et des pompes du monde, comme pour rapeller que ce siècle lui appartenait et que cette société étoit à lui. La duchesse Louise de la Valliére et la carmélite Louise de la Miséricorde, voila deux noms et deux destinées dans une vie qui résument une époque et une société toute entiére. Toutes ces existences qui s'etaient levées dans les splendeurs du plaisir, alloient se tremper, à leur couchant, dans

les expiations de la penitence. Une princesse Palatine, un duc de la Rochefoucauld, un marquis de Sevigné consolaient la religion et la morale par d'éclatans retours; et le grand roi lui même celui dont la gloire et la fortune étaint montées si haut qu'il avoit pris l'Europe pour piédestal et pour devise le soleil (какой христіанинъ!), ne pouvant aller agénouiller sa fierté dans l'austerité de la vie religieuse, et se retirer dans un cloitre, ne le vit-on pas, du haut de son trône s'humilier sous la main de dieu, et se retirer dans les solitudes de l'adversité et dans le recueillement de ses douleurs?»

Боссюэту нужны были знатные грѣшники. Вспомните, для кого и передъ кѣмъ проповѣдывалъ Іисусъ Христосъ, кого Онъ навѣщалъ, кого исцѣлялъ, кто были друзья Его, братья Его,—и съ сими воспоминаніями о Другѣ бѣднаго Лазаря, прочтите слѣдующія строки, кои такъ понравились читателямъ de la «Gazette de France»: «En présence de cette reine, devant laquelle, bien des années auparavant, Bossuet avoit prononcé dans les mêmes lieux le sermon de prise d'habit de mademoiselle de Bouillon, lorsque pour la première fois, Marie-Thérèse entrait dans sa capitale, entourée de toutes les splendeurs de la royauté et de toutes les graces de la jeunesse, le prédicateur sublime alloit aujourd'hui introduire dans les voies de la vie religieuse une victime non moins illustre, celle, qui, par ses égaremens, avoit pendant si long-tems, rempli d'amertume le coeur de sa souveraine, et changé en une couronne d'épines cette

belle et noble couronne de France qu'Anne d'Autriche avoit posée sur son front. Grand et magnifique tableau, digne des regards de cette assemblee, et sur lequel se projectait, comme une ombre immense, le souvenir de Louis XIV dont l'absence parlait assez d'elle-même?»

Лавальеръ оправдала Боссюэта 36-ти лѣтнею жизнію въ монастырскомъ покаяніи. «Ainsi resserrée de toutes parts elle ne peut plus respirer que du côté du ciel.» Боссюэтовское выраженіе! Онъ писалъ о ней: «Je parle, et elle fait. J'ai les discours, et elle a les oeuvres!» — Заключу словами Нитмача, послѣ обращенія Боссюэта къ Лавалльеръ, назвавшаго ее сестрою: «Admirable chose que cette religion à la voix de laquelle, honorant ceux qui s'humilient, la vertu dit à la pénitence: ma soeur.»

Другая статья того же автора и въ той же газетѣ—о Лерминье Она также мнѣ очень понравилась безпристрастіемъ и основательностію критика; но критикъ могъ бы смѣлѣе нападать на того, кто самъ осмѣлился сказать Паскалю: «Vous vous trompez, Pascal», находить ошибки въ Кювье и поправлять Боссюэта! — *Нитманъ*, критикуя Лерминье, associe a tout moment son nom à celui de Bacon, de Bossuet, de Leibnitz et le prend trop au serieux. И они также, какъ и Лерминье, краткими статьями просвѣщали вѣкъ свой и потомство. Лерминье объявляетъ, что хочетъ слѣдовать примѣру Бакона и Лейбница; собираетъ всѣ разнородныя, въ раз-

ныхъ журналахъ разсѣянныя статьи свои о Пиндарѣ, о двух-копеечной энциклопедіи, объ эфемерныхъ явленіяхъ эфемерной литтературы—и ставитъ ихъ въ категорію «Опытовъ» Бакона, мелкихъ твореній Лейбница и полемики Боссюэта! Я желалъ бы, чтобъ критикъ къ сильнымъ замѣчаніямъ своимъ присоединилъ насмѣшку, которая вѣрнѣе разочаровала бы молодую толпу, стекающуюся au Collége de France на пустословіе экс-сенсимониста. Вотъ какъ отвѣчаетъ критикъ на гордую фразу болтуна-профессора въ его предисловіи («Je me sens de l'inclination pour la manière de travailler de Leibnitz et de Bacon»): «Bacon et Leibnitz, en effet, publièrent dans le cours de leur vie un grand nombre de ces écrits substantiels et courts, hautes solutions données aux problêmes de l'époque; et á l'autorité de leur exemple, le professeur au Collège de France aurait pû ajouter l'exemple de Bossuet, cet écrivain plein d'a-propos dont les puissantes repliques ne faisoient pas attendre l'erreur et lui laissaient à peine le tems de naître. Comme Bacon et Leibnitz, Bossuet traitoit les questions à mesure qu'elles se présentoient, briévement, mais d'une manière décisive. C'étoit la presse periodique de ce tems-là. L'époque étant plutôt philosophique et religieuse, que politique, dans la philosophie et la religion se concentraient cette activité continuelle, ce besoin de communications rapides, cette polémique ardente, qui ont créé les journaux, ces livres de la journée faits à la journée. Formidables journalistes que Bossuet, Leibnitz et Bacon! mais ce que ces journalistes sublimes n'auraient certaine-

ment pas faits, c'est d'ajouter aprés coup à leurs opuscules expressions des nécessités intellectuelles du moment et enfans des circonstances, une préface monumentale destinée à faire croire que ces statuettes de la pensée ne formaient qu'une seule statue, et qu'il y avoit une ideée d'ensemble derrière ces oeuvres de détails . . . Pourquoi n'avoir pas tout simplement annoncé qu'il s'agissait d'une réimpression de differens morceaux de litterature, de critique et de philosophie déja publiés par l'auteur dans des recueils périodiques? A quels lecteurs M-r Lherminier croit-il donc avoir affaire, s'il pense persuader à quelqu'un qu'une dissertation sur Pindare et un article sur M. de Lamennais aient été conçus sous l'empire de la méme pensée, et que des considérations sur le christianisme et un portrait de Salluste soient les horizons différens du même tableau?» Критикъ переходитъ потомъ къ его *особеннымъ* мнѣніямъ о главныхъ вопросахъ исторіи и философіи и превосходно разбираетъ его сенсимонистскія бредни о христіанствѣ. Вотъ прекрасныя слова Нитмана, къ коимъ онъ послѣ примѣняетъ мнимую философію Лерминье: «Pour nous l'unité philosophique c'est le christianisme. Le christianisme, c'est la philosophie sociale, il n'y en a point d'autres à nos yeux. Nous dirons plus: le christianisme, c'est la société même. Depuis 18 siècles de durée, cette grande âme des tems modernes s'est infiltrée dans toutes les parties du corps immense qu'elle habite. Il y a eu non seulement le baptême des hommes, mais le baptême des idées. Quand une pensée rebelle lève le front, regardez-y bien, et sur ce front vous décou-

vrirez encore le signe effacè de la croix. C'est autour de ce centre infini que les moeurs, les lois, les intelligences des âges modernes gravitent; et soyez sûrs, que si l'on veut mettre le feu à cette basilique aux proportions colossales, qui contient depuis tant de siécles l'humanité, les incendiaires ont allumé leurs torches aux flambeaux qui brûlent sur l'autel! Ces réflexions s'appliquent admirarablement à M. Lherminier.» — Какъ это справедливо! какъ это вѣрно отражается во всей исторіи! Развѣ сенсимонисты не христіанству обязаны тѣмъ, что въ нихъ было не нелѣпаго? Развѣ не оно воспитало, образовало всѣхъ и каждаго, философовъ и народъ, враговъ и друзей своихъ? . . . Далѣе критикъ приводитъ слова Лерминье, гдѣ онъ уступаетъ христіанству вѣка прошедшіе; «mais lui ôte le sceptre des vivans, et le rèduisant à régner sur les morts, il lui octroie pour trone un tombeau.» Онъ ставитъ его послѣ Вольтера и Дидеро, и сравниваетъ съ отступникомъ Юліаномъ, «essayant d'ètouffer pacifiquement le christianisme dans les régions intellectuelles, sans violence, sans supplices, après cette épreuve de feu et de sang, où les Néron et les Dioclétien avoient appris que le christianisme résistoit aux lions du cirque, aux tyrans de Rome, à la flamme des bûchers et aux tortures des bourreaux». Онъ называетъ Лерминье «le Julien du philosophisme». Повторяю: много чести Лерминье. Я не хочу выписывать; но прочтите Лерминье тамъ, гдѣ онъ перечитъ св. Павлу, который совѣтовалъ *женщинамъ молчаніе:* «nous ne dirons pas (comme St. Paul) aux femmes de se taire; mais

de parler.» По моему мнѣнію, on pourrait bien dire à Lherminier ce que St. Paul a dit aux femmes.

Вечеръ 2 Апрѣля. Вчера былъ я два раза у Успенья, поутру и ввечеру; но поутру не дослушалъ проповѣди Кёра отъ тѣсноты и духоты; а ввечеру не Кёръ проповѣдывалъ, а другой, и очень плохо; да и публика не развлекала меня, ибо аристократки къ вечерней службѣ не пріѣхали, а выслали свою дворню,—и я ушелъ бродить по городу, набрелъ на концертъ *Мюссе*, куда народъ валилъ со всѣхъ сторонъ, пѣшій и экипажный, вѣроятно, отъ того, что шесть большихъ и лучшихъ театровъ закрыты, а именно: Opéra, Théâtre Fr., Opéra-Comique, Vaudeville, Variétés, Gymnase, и въ Palais Royal, вмѣсто театра, драматическій концертъ; только въ четырехъ играютъ: Porte St. Martin, Gaité, Ambigu и въ театрѣ Comte: въ циркѣ — grand manège. Все полно. Но и церкви полны, и не однѣми женщинами? — Не льзя сказать, чтобъ народъ Парижскій былъ теперь: «parcus deorum cultor et infrequens!»

Сегодня я зачитался въ новыхъ Англійскихъ Reviews и не попалъ ни къ одной проповѣди; за то прочелъ прекрасную статью о Парижскихъ проповѣдникахъ.

*

ПРОГУЛКА ЗА БАЛКАНОМЪ.

(Отрывокъ изъ невѣроподобнаго разсказа чичероне дель К. . . .О.)

VIII.

Большая часть пѣхоты Русскаго отряда расположена была на гребнѣ голой возвышенности съ короткимъ, но крутымъ каменистымъ спускомъ, отъ коей простиралась зеленѣющая долина, ограниченная влѣво, цѣпью горъ, кои, отдаляясь теряли живописную, но дикую физіономію и превращались въ роскошно-округленные холмы; на-право, въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ, взоръ былъ также ограниченъ лѣсистою цѣпью возвышенностей; а въ прямомъ направленіи Балканы рисовались на чистомъ голубомъ небѣ, какъ задняя занавѣсъ сцѣны; три рѣчки, сверкая и мелькая у подошвы возвышенностей, соединялись въ одну: Она-

дере, объ которой уже выше сказано; вправо виднѣлась полоса лѣса, состоявшаго изъ рѣдкихъ, но огромныхъ деревъ. Самая долина была не что иное какъ пологая возвышенность; дорога къ Айдосу, проходя по ней, подымалась нечувствительно версты три, и, поровнявшись съ нѣсколькими могильными насыпями, начинала спускаться; съ сего пункта мѣстоположеніе склонялось постепенными уступами, кромѣ лѣвой стороны, гдѣ рѣчка протекала въ глубокой балкѣ. Самый городъ, съ бѣлыми домами, выглядывавшими изъ зелени, и съ нѣсколькими минаретами стоялъ у подошвы горъ и нѣсколько вдавался въ ущелье.

Окрестныя горы и ихъ своенравныя топографическія формы, зеленая долина, по коей мелькали рѣчки, живописный городъ — все вмѣстѣ представляло ландшафтъ роскошный, дышащій нѣгой, сладострастіемъ; прелестное сіе мѣсто должно бы было быть свидѣтелемъ любви, согласія, а не сценой для войны, разрушенія, смерти.

Русскіе знали по разспросамъ, что Ибрагимъ Паша вчера пришелъ къ Айдосу; у него было болѣе десяти тысячь низамовъ и конницы. Часовъ въ девять утра, казачьи полки двинулись впередъ на вчерашнюю позицію, освѣщая себя передовыми; при чемъ малые Турецкіе пикеты снялись съ могильныхъ насыпей, угоняя небольшое количество рогатаго скота. Нѣсколько офицеровъ, казаковъ и съ ними вмѣстѣ Каталкинъ гикнули, что-

бы отбивать скотъ сей. Двѣ, три коровы были отогнаны, но изъ сего завязалась перестрѣлка одушевленная, живописная.

Казаки безпрестанно прибавляли цѣпь, Мусульмане выѣзжали изъ города, одни пугали взаимно другихъ, травили другъ друга. Каталкинъ говоритъ, что онъ съ товарищемъ и двумя урядниками притравили неотвязную бѣлую чалму, которая послѣ не выѣзжала болѣе изъ города, за что ихъ въ свою очередь пугнули. Онъ находитъ, что изо всѣхъ возможныхъ охотъ сія травля людей есть лучшая, что въ ней пропасть поэзіи, что она въ моральномъ отношеніи то же, что мускусъ въ медицинѣ—послѣднее изъ возбудительныхъ средствъ, чтобы расшевелить, воспламенить человѣка самаго увядшаго, необрѣтающаго никакихъ наслажденій. Чичероне людей не травилъ, не знаетъ сей травли — а должна быть забавна!

Турецкіе наѣздники, въ разноцвѣтныхъ одеждахъ, выѣзжали изъ городскихъ воротъ отдѣльно и небольшими группами, какъ маковъ цвѣтъ покрывали долину передъ городомъ. Они муштровали, легкихъ накороткѣ жеребцовъ, гарцовали, рисовались на нихъ въ отдаленіи, и вотъ одинъ, потомъ другой, а тамъ третій (и такъ далѣе) несется во весь духъ на Русскую цѣпь; сумасшедшій зарѣжетъ, задавитъ, растопчетъ . . . ни чуть не бывало! Мусульманинъ изъ своей цѣпи вылетаетъ только нѣсколько шаговъ; легкій жеребецъ на всемъ

скаку поворачивается крутымъ вольтомъ; наѣздникъ выхватываетъ длинный пистолетъ, живописно опрокидывается назадъ и игриво пускаетъ пулю на вѣтеръ, и довольный собою подъѣзжаетъ къ своимъ, красуется, гарцуетъ, бѣснуется и уѣзжаетъ назадъ, ругаясь съ казаками, изъ коихъ нѣкоторые выѣзжаютъ впередъ; казакъ пригнулся къ лукѣ, крадется будто его не замѣтятъ... ударъ нагайки, другой, ... лошадь на всемъ скаку, невѣрная пуля свиститъ изъ винтовки, казакъ оборотился, во весь духъ несется къ своей цѣпи, гдѣ пули, пускаемыя будто для потѣхи, смотря по калибру, или рѣзко свистятъ или жужжатъ какъ пчелы. Это живописная игра въ баръ, увеселяющая, воспламѣняющая мальчика. Тутъ взрослые люди веселятся, играютъ, рѣзвятся, пятнаютъ другъ друга пулей, остріемъ сабли, тяжкими ранами, плѣномъ или смертью. Удачный ударъ, ловкая увертка получаютъ одобреніе съ обѣихъ сторонъ; эта игра (не говоря объ необходимыхъ трагическихъ случаяхъ) радуетъ и зрителей и участниковъ, кои, подобно фигляру-Индійцу, мечутъ около себя непрерывный кругъ острыхъ кинжаловъ.

«Смотри-ка, станишникъ: вотъ тотъ бусурманинъ, что вчера ссадилъ нашего Архипыча. Постой, собака, задамъ я тебѣ жару!»—Стрѣлокъ Донецъ соскочилъ съ лошади, пригнулся, пополэъ прискачиваючи и подкрался поближе къ Турецкому офицеру, почти неподвижно стоявшему немного впереди своей цѣпи; пафъ!.. гнѣдой жеребецъ зашатался, нѣсколько Турокъ бросились на подавшаго-

ся впередъ казака, нѣсколько казаковъ на нихъ пустились, нѣсколько случайныхъ пуль провизжало. Османъ-Бей легко соскочилъ съ падающаго коня; къ нему изъ-за кургана выѣхалъ Арапъ; Османъ, пересѣвъ на его лошадь, спокойно остался на томъ же мѣстѣ; сынъ знойной Африки живо снялъ сѣдло, сбрую и проворно потащилъ ношу.

Время уходило; обѣ цѣпи густѣли; Турецкая конница высыпала, шевелилась, кипѣла на равнинѣ передъ городомъ, за коимъ, и вправо отъ онаго, тянулась правильная, черная полоса низамовъ. Русскія войска становились на позицію; кареи, упираясь лѣвымъ флангомъ къ балкѣ и слѣдственно къ рѣчкѣ, строились на дистанціи; между ними, будто для разнообразія, орудія съ отвезенными назадъ передками; вправо кавалерійская бригада въ густой колоннѣ, какъ непроницаемая масса бѣлаго цвѣта отъ кителей солдатскихъ; и для оживленія правильнаго, нѣмаго холоднаго строя — еще правѣе неправильная черная нить оставшихся казаковъ. Кавалерійская перестрѣлка болѣе и болѣе оживлялась; линія низамовъ двигалась въ отдаленіи, передвигалась, волновалась; пули визжали около Русскихъ кареевъ.

Приказано отодвинуть Турецкую сволочь; казаки гикнули, — противная цѣпь подалась назадъ, зарѣдѣла; между тѣмъ поле передъ городомъ очистилось отъ мусульманской конницы, которая, скопившись въ огромную толпу на лѣвомъ флангѣ Русскихъ

замаскирована была небольшими возвышеніями, постепенно спускавшимися къ рѣчкѣ.

Вдругъ лѣвый флангъ казачей цѣпи, потомъ вся цѣпь несется назадъ, въ полъоборота, отъ Турецкой конницы, очищая фронтъ Европейскаго строя. Старикъ, почтенный начальникъ авангарда, былъ впереди на лѣвомъ флангѣ; человѣкъ тридцать казаковъ гикнули, чтобы дать ему время уйти.... Пріятель мой Каталкинъ, вертѣлся также въ цѣпи, Богъ знаетъ для чего, и удиралъ съ другими; онъ съ жаромъ мнѣ разсказывалъ, что никогда не забудетъ насѣвшаго на него дели съ высокой шапкой, опрокинутой назадъ, и роковой отблескъ кривой его сабли; онъ признался по секрету, что не боялся и не струсилъ, въ чемъ ему вѣрю, но что кратковременное ощущеніе, происходившее при видѣ отблеска сей сабли было точно такое, будто у него идетъ шестая молодецкая карта. Пріятель вѣрно не мучилъ бы насъ разсказомъ, если бы не пуля карманнаго пистолета, которую онъ выпустилъ въ разстояніи шаговъ четырехъ изъ-подъ мышки; близкій свистъ немного осадилъ яраго делибаша, а между тѣмъ онъ, разумѣется, удралъ.

А между тѣмъ и передъ тѣмъ Турецкая конница, огромной остроконечной толпою, съ воплемъ неслась во весь духъ, какъ громоносная туча, какъ разрушительный ураганъ, какъ потокъ огненной лавы; земля будто дрожитъ; яростная толпа — передъ фронтомъ холоднымъ, неподвижнымъ, спокой-

нымъ. Вотъ поза: живописецъ долженъ схватить кисть свою, если не боится толчка ятагана или картечи. На физіономіи неправильной толпы онъ прочтетъ изображеніе необузданнаго гнѣва, бѣшенства; на лицѣ Европейскаго фронта — твердость, равнодушіе. Толпа передъ фронтомъ, делибаши на носу орудій. Раздалась команда, первая, третія, «батальоны» и т. д.—и Европейскій фронтъ неподвижный, мертвый, холодный вдругъ ожилъ, загорѣлся пламенной жизнью. Передніе фасы кареевъ обрисовались бѣглымъ, бѣловатымъ огнемъ; орудья съ бѣшенствомъ отскакивали назадъ, изрыгая огненный снопъ, съ клубами дыма; посыпался частый дождь изъ свинца; пули свистѣли; картечь прыгала, скакала, шипѣла; выстрѣлы слились въ одинъ звукъ; толпа Турокъ разскочилась надвое, остановилась на мгновенье въ яростномъ раздумьи, будто дикій, свирѣпый кабанъ съ глазомъ налитымъ кровью, и неподвижный короткое время насупротивъ атакующей его стаи. Толпа засуетилась, будто закипѣла, смѣшалась, и мигомъ понеслась назадъ, скрылась отъ выстрѣловъ, и за ней казаки черной неправильной кучей съ крикомъ: га! га! какъ стадо хищныхъ птицъ. Европейскій строй быстро двинулся впередъ, спускаясь по амфитеатру, гранаты полетѣли съ визгомъ, линія низамовъ зашевелилась, волновалась.

Кавалерійская бригада, вмѣстѣ съ движеніемъ строя, пошла въ атаку рысью въ густой колоннѣ. На гладкой поверхности моря поднимаетсяураганъ;

волны воздымаются и устремляются, какъ кавалерійская масса, идущая въ атаку роковой рысью; вѣтеръ гонитъ яростные валы съ глухимъ шумомъ, клокотомъ, ревомъ, будто гулъ отъ конскаго топота, отъ стука, бряцанья оружія; между сумрачными волнами грозная симметрія: онѣ стремятся будто отдѣльные взводы или полуэскадроны съ узкими интервалами; онѣ кипятъ и мелькаютъ, какъ кавалерійская масса съ неправильнымъ волненіемъ лошадиныхъ головъ, гдѣ на бѣломъ цвѣтѣ кителей оттѣняется черный цвѣтъ пикъ и шапокъ; гребни валовъ покрыты переливающейся, мелькающей пѣной, какъ разноцвѣтный, переливающійся, мелькающій отблескъ флюгеровъ. Масса воды несется на гордый военный корабль; передовой валъ, завидѣвъ огромную массу, пріостановился, чтобы собрать силы, уперся на себя, будто по командѣ «укороти поводья», и отъ бѣшенства, гнѣва дрожитъ краткое мгновенье — какъ дрожатъ люди и лошади во взводѣ отъ нетерпѣнья — и наконецъ съ командой «маршъ, маршъ» отдѣляется взводъ, какъ бѣшеный валъ, съ шумомъ, воемъ и ревомъ; оба опрокидываютъ, уничтожаютъ, разбиваютъ что могутъ, и, ударившись, разсыпаются, отдаются, утекаютъ назадъ, давая мѣсто слѣдующимъ, и смѣшиваются съ ними.

Русская кавалерійская бригада и казаки прошли рысью по долинѣ, на коей лежали кое-гдѣ трупы, брошенные Турками: потомъ переправились черезъ рѣку и бросились на лѣвый флангъ Турецкой пѣ-

хоты, покинутой своей кавалеріей, которая, не дождаясь натиска, навострила лыжи по Карнабатской дорогѣ. Линія Турецкой пѣхоты не выдержала атаки; часть, оставшаяся въ городѣ, была отрѣзана; остальная бросилась въ безпорядкѣ вверхъ по ущелью, или въ горы, покрытыя кустами и лѣсомъ, или по дорогѣ къ Карнабату. Все было покрыто или трупами или бѣгущими, сдававшимися по слову: «амманъ».—Русскія колонны подходили къ городу, обнесенному рвомъ; изъ-за онаго кричали слово: «Христіане!» и нельзя было ожидать сопротивленія. Стрѣлковая цѣпь безпечно приблизилась на полружейный выстрѣлъ, какъ вдругъ неожиданно ровъ обрисовался бѣглымъ огнемъ; Турки употребили хитрость, чтобы поближе подпустить Русскихъ. Пули сыплятся, люди останавливаются, падаютъ. Но громкое «ура!» раздается въ колоннахъ; онѣ бѣглымъ шагомъ пробѣгаютъ остающееся пространство, перелѣзаютъ черезъ ровъ, устремляются по улицамъ. Русская пѣхота проходитъ за городъ въ ущелье; часть оной бросается въ горы; кавалерія преслѣдуетъ бѣгущихъ и по ущелью и по Карнабатской дорогѣ.

Османъ-Бей кое-какъ собралъ часть разсѣяннаго своего табара, и версты три отъ города спустился съ лѣсистой горы; онъ, съ половиной низамовъ, перешелъ рѣчку черезъ мостъ, въ направленіи Карнабата; остальные подходили. Вдругъ, откуда ни возьмись, человѣкъ сто казаковъ, оставшіеся назади. Низамы побросали ружья; товарищи ихъ, за рѣчкой

прилегли, начали отстрѣливаться; изъ сунувшихся на мостъ свалилось человѣка два. Османъ-Бей слѣзъ съ лошади, ободрялъ своихъ, ругался, просилъ, умолялъ, чтобы держались до ночи, которая уже наступала. Казаки позамялись, начали перестрѣливаться. «Впередъ, ребята! Что вы? Эту сволочь хлѣбомъ не корми, а только перестрѣливайся. Впередъ, впередъ!» Офицеръ пронесся черезъ мостъ, казаки ринулись за нимъ—и въ обѣ стороны. Низамы начали бросать ружья, казаки ихъ брали, несдававшихся кололи.

Османъ, прицѣлившись солдатскимъ ружьемъ, не допускалъ къ себѣ казака, но другой налетѣлъ сзади; хвать древкомъ изломанной пики по шеѣ, бимбашъ упалъ безъ чувствъ; желѣзо дротика озлобленнаго противника прошло ему сквозь лопатку.

Уже темнѣло, когда всѣ возвращались по полю, покрытому трупами Мусульманъ, къ позиціи пѣхоты, около города и въ ущельѣ. Лошади и люди устали до безконечности. Все суетилось; разбирали плѣнныхъ, считали своихъ убитыхъ и раненыхъ, составляли реляціи. Всякой, кто только могъ, ѣлъ что попало, ложился гдѣ попало.

А чичероне будто дѣло сдѣлалъ: влѣпилъ въ несбыточный свой разсказъ цѣлую реляцію; во удостовѣреніе справьтесь съ печатнымъ объявленіемъ и пожалѣйте бѣднаго чичероне. Онъ уложилъ своего героя ночью, на открытомъ воздухѣ, безъ крыши, безъ постели; не далъ ему ни шинели, ни халата

будто бы его героя нельзя помѣстить въ число порядочныхъ людей; герой сей покоится за-мертво; чичероне въ отчаяніи: герой на него будетъ въ претензіи; совѣстно воскресить его, поднять съ жесткаго, холоднаго ложа. Чичероне сходитъ теперь съ ума: какъ писать далѣе?—Онъ не знаетъ, что́ будетъ и что́ долженъ лгать впередъ. Такъ жестоко разобидѣть—и кого же? своего героя, любимое, ненаглядное, избалованное свое чадо. Знаете ли, что́ такое герой разсказа? О, это ужаснѣйшая вещь!

Человѣкъ взбѣленился, писать охота смертная... Что писать! То видѣлъ, то слышалъ, то читалъ;—давай выбирать предметы сказки. Ломаетъ себѣ голову, разбираетъ всѣ матеріалы своей памяти, какъ увядшій мужчина, въ обширномъ женскомъ кругѣ желающій, отъ нечего дѣлать, выбрать предметъ для развлеченія; но та дурна, та не ловка, та хороша бы да не любезна, а эта любезна да станъ ея не гибокъ, не полувоздушенъ, и прочія вещи, давно извѣстныя, давно переговоренныя давно, плоскія—и такъ далѣе. Наконецъ предметъ выбранъ; взбѣленившійся человѣкъ дѣлаетъ въ воображеніи абрисъ; онъ назвалъ своего героя, заставляетъ его родиться, рости; авторъ его воспитываетъ; галиматья растетъ вмѣстѣ съ героемъ; содержаніе героя автору ничего не стоитъ: герой или запертъ, или гуляетъ по бѣлому свѣту—и все безъ издержекъ. Герой получаетъ страсти или страсть; авторъ и день и ночь бредитъ своимъ героемъ, который есть изчадье его воображенія, единственное дитя, вышедшее изъ тро-

нутаго авторскаго мозга. Страсть героя ростетъ, выростаетъ, возростаетъ; галиматья возростаетъ до безконечности. Авторъ увлекается; запутывается, и вдругъ—о бѣда! о ужасъ! Героя бьютъ или стрѣляютъ, или онъ убиваетъ, стрѣляется; и гдѣ же? въ срединѣ романа, повѣсти, разсказа или сказки, когда еще должно написать столько-то печатныхъ листовъ, для составленія толстой книги— будто штуку матеріи въ условномъ торговомъ размѣрѣ! Какъ не спутаться и не сойти съ ума! Вотъ настоящее положеніе чичероне! Но все восторженное не можетъ долго продолжаться: чичероне бросаетъ перо, обѣдаетъ, или идетъ обѣдать, отправляется гулять, потомъ въ театръ, въ гости, возвращается домой — роковой листъ бумаги въ той же позиціи. Чичероне смотритъ на него, задумывается, скучаетъ; его беретъ зѣвота, также какъ будущаго читателя; наконецъ онъ ложится спать съ словомъ: «утро мудренѣе вечера.»

Чичероне просыпается. Ба! а пріятель мой Каталкинъ! его за бокъ; онъ выкупитъ — и чичероне, безстыдный какъ кокетка, обманывающая любовника въ полуотставкѣ, чичероне чинитъ новое перо и пишетъ новую галиматью, и лжетъ и вретъ далѣе, перемѣшивая правду съ небылицами.

Бимбашъ Османъ-Бей, истинный и настоящій герой невѣроподобнаго разсказа, очнулся, разумѣется, около полуночи. А каково ему лежать ночью?... Въ этомъ случаѣ вопросъ раздѣляется на два: пер-

вое, каково лежать ночью на открытомъ воздухѣ и безъ покрыши?. Разумѣется, скверно; каждый военный подтвердитъ тоже, что первый вопросъ разрѣшенъ. Второе, каково лежать ночью, на открытомъ полѣ, раненому или умирающему, и въ добавокъ между мертвыми трупами?

Вопросъ сей гораздо труднѣе. Вашъ покорный слуга не бывалъ въ семъ положенiи, не можетъ изобразить его; но какъ чичероне человѣкъ весьма честный, старающiйся обкрадывать какъ можно менѣе (въ крайней только необходимости) другихъ писателей, то чичероне разрѣшаетъ вопросъ самымъ простымъ образомъ: указываетъ слушателю одну изъ статей Бейрона: ночь, проведенную Мазепой на издохшей лошади, и совѣтуетъ читателю набросать на поле Украйны нѣсколько мертвыхъ труповъ, не усыплять Османа до девяти часовъ утра, а напротивъ, томить его голодомъ, жаждой; возбудить въ душѣ, въ памяти Османа всѣ болѣзненныя ощущенiя, воспоминанiя, мысли. Слушатель теперь знаетъ, каково было лежать раненому, ушибенному Осману между мертвыми тѣлами, и лежать еще около полусутокъ; слушатель доволенъ, доволенъ и чичероне, вывернувшiйся изъ самаго затруднительнаго описанiя и выѣхавшiй на чужой счетъ.

Г. чичероне, вы выѣхали на чужой счетъ, но говорите невѣроятную, противоестественную небылицу, кажется исписались, и, вопреки обѣщанiю

залетаете въ область сновидѣній; изорвите измаранную бумагу: къ чему печатать, къ чему размножать обертки и наполнять мѣшки толкучаго рынка? Вашъ раненый герой въ теченіи тринадцати часовъ долженъ истечь кровью, и вы, обѣщая продолженіе разсказа, вѣрно хотите поставить слушателя глазъ на глазъ съ мертвецомъ, выставить на сцену вампира; это слишкомъ старо, изношено. Бросьте писать: трудъ напрасный; не только не станутъ читать—не будутъ печатать. Развѣ напечатаете на свой счетъ, отдадите въ книжную лавку и подъ чужими именами купите изданіе, съ тѣмъ чтобы отпустить газетное объявленіе: «съ такой-то книгой случилось чудо: цѣлое изданіе куплено на расхватъ; по истеченіи недѣли не осталось ни одного экземпляра.» Такая метода можетъ вамъ удасться, вы надуете трехъ, четырехъ подписчиковъ; за то сами получите пропасть барыша; желаю вамъ разбогатѣть отъ подобной спекуляціи, но самъ не желаю читать галиматьи.

Бѣдный чичероне погибъ безвозвратно, пропалъ. —Не тутъ-то было, господа! Вы имѣете дѣло съ самымъ безстыднымъ разскащикомъ: найдется вездѣ, какъ лошадиный барышникъ. Чичероне былъ въ ужасныхъ хлопотахъ, какъ суетливый хозяинъ, принимающій на блистательномъ вечерѣ гостей; чичероне былъ занятъ описаніемъ сильныхъ страстей, прелестныхъ ситуацій, проигранныхъ сраженій; ему некогда было входить въ мелкія подробности; онъ не считалъ нужнымъ упоминать объ Али, Османо-

вомъ оруженосцѣ или камердинерѣ, отъ самого Каира слѣдующемъ за героемъ, какъ непримѣтная тѣнь. Но теперь вы принудили сказать:

Али былъ не что иное какъ негръ безобразнѣйшей красоты; лобъ, отдутловатыя щеки, раздавленный носъ и подбородокъ были черны, какъ сапогъ на выставкѣ; обширный ротъ закрывался парой губъ жирныхъ — хоть сейчасъ на вертело людоѣду; бѣлки глазъ и зубы мелькали на черномъ цвѣтѣ, какъ мгновенный отблескъ солнечнаго луча на сабельной полосѣ. Али былъ величайшій трусъ, но вѣренъ и привязанъ къ Осману и не смотря на робость, нигдѣ отъ него не отставалъ; онъ былъ уже за кустомъ, лишь завидѣлъ казаковъ и при пораженіи низамовъ разстянулся на землѣ, ожидая смерти, считая себя мертвымъ. Наступившая ночь не дозволила казакамъ обшарить кусты. Боязливому негру долго не вѣрилось, что Русскіе покинули сіе мѣсто; наконецъ, ободренный тишиной, приподнялся, подкрался туда, гдѣ лежали убитые низамы и наткнулся на бимбаша въ сильномъ обморокѣ; онъ раздѣлъ его, обмылъ рану и унялъ кровь, обвязавъ раненаго женскимъ покрываломъ, которое вмѣсто кушака подъ шальварами, прикрывало тяжелой кожаной чересъ, наполненный золотомъ. Али плакалъ и стѣналъ надъ своимъ господиномъ, видя его мертвымъ; онъ началъ плакать и смѣяться отъ радости, когда бимбашъ очнулся; но не долго продолжалось восхищеніе оруженосца. Османъ велѣлъ снять съ себя чересъ, приказывалъ отыскать какое

нибудь оружье и приколоть его; онъ ругалъ, прогонялъ плачущаго Али, проклиналъ его, проклиналъ самаго себя, клялъ часъ своего рожденія и упадалъ отъ изнеможенія, и приподымался снова — повторяя тѣ же просьбы, слова, приказанія.

Два казачьихъ полка снялись съ биваковъ, тянулись на позицію, верстъ за шесть впередъ, по направленію Карнабата — вправо отъ большой дороги. Поле было покрыто человѣческими и лошадиными трупами, обломками оружья, лоскутьями одежды: зрѣлище отвратительное на прелестнѣйшемъ мѣстоположеніи; злоба людей тутъ издѣвалась надъ красотой природы! Каталкинъ съ товарищемъ отдѣлился впередъ; нашъ пріятель переѣхалъ мостъ, за коимъ лежало нѣсколько Турокъ, еще не обобранныхъ, еще не раздѣтыхъ до-нага. Отставъ не много отъ товарища, Каталкинъ закричалъ ему по-Французски, чтобы пріостановился: раненый Турокъ приподнялся въ нѣсколькихъ шагахъ, и на томъ же языкѣ просилъ не оставлять его. Вы узнаете Османа, обратившагося къ нашему пріятелю съ просьбою, чтобы велѣлъ его докончить, приколоть безъ дальнихъ мученій; Османъ просилъ, умолялъ о послѣднемъ благодѣяніи.

Каталкинъ слѣзъ съ лошади; товарищъ воротился; казаки понадъѣхали, обступили ихъ; оба офицера были тронуты отчаяніемъ человѣка, въ коемъ думали видѣть Европейца въ Турецкомъ костюмѣ, авантюриста, или несчастную жертву об-

стоятельствъ, однимъ словомъ лице занимательное, интересное для словеснаго разсказа, для печатной повѣсти. Каталкинъ, взявъ въ немъ участіе, написалъ на лоскуткѣ записку къ знакомому лекарю, просилъ принять раненаго до послѣ-обѣда, велѣлъ подать свою заводную лошадь. Три надежныхъ казака отряжены; они сажаютъ ослабѣвшаго Османа, поддерживаютъ на сѣдлѣ; Каталкинъ хлопочетъ, суетится, приказываетъ.

«Гей! гай! Арапъ! Эка замазанная чучела! Чортъ! лѣшій!—и съ сими словами, съ хохотомъ, крикомъ, человѣка четыре казаковъ тащили уже за́воротъ бѣднаго Али, который, завидя Русскихъ, спрятался-было по прежнему; но при помощи, оказанной бимбашу, вышелъ съ тѣмъ, чтобы слѣдовать за нимъ. Казаки пихали, толкали испуганнаго Али; негръ коверкался, кричалъ «аманъ!» указывалъ на своего господина, рвался къ нему. «Великодушный человѣкъ» сказалъ Османъ слабымъ голосомъ. «Велите исполнить первую мою просьбу, но защитите моего оруженосца.» Тронутый Каталкинъ оборотился и невольно захохоталъ; отъ смѣха чуть не покатился съ лошади, при видѣ испуганнаго Арапа, комическое лице котораго было изящно въ своей уродливости, великолѣпно въ своемъ безобразіи. Но чувство человѣколюбія прекратило неумѣстный смѣхъ. Али, освобожденный отъ насмѣшливыхъ непріятелей, пошелъ пѣшкомъ за тремя казаками, коимъ подтверждено: Арапа не трогать ни на волосъ.

Часа въ четыре пополудни, Каталкинъ опять очутился близь Айдоса, по службѣ съ нѣсколькими Донцами. Онъ все исполнилъ пунктуально и посланъ обратно съ приказаніемъ; но время терпѣло; общій нашъ пріятель отправилъ казаковъ, сказавъ, что пріѣдетъ одинъ передъ вечеромъ. У Османъ-Бея, перевязаннаго въ Русскомъ лагерѣ, обнаруживаются признаки горячки; въ немъ приняли участіе, и, вмѣстѣ съ Русскими ранеными, отправляютъ завтра къ одной изъ Румелійскихъ пристаней, съ тѣмъ чтобы перевезти въ какой нибудь госпиталь, въ Булгарію или Россію. Каталкинъ все это выхлопоталъ, устроилъ, трогательно простился съ мусульманиномъ-Европейцемъ, оставивъ ему свое имя, и съ самодовольнымъ чувствомъ добраго дѣла, хотѣлъ пуститься назадъ, ибо солнце было уже на закатѣ.

Надо же однако выпить стаканъ чаю; знакомые.. Каталкинъ нырнулъ подъ палатку, пьетъ проворно горячій напитокъ. Стаканъ уже пустъ, но пріятель на томъ же мѣстѣ; его беретъ за живое; передъ нимъ военнопоходный штосъ; хладнокровный банкиръ получаетъ и выплачиваетъ за убитыя или выигравшія карты. Каталкинъ не вытерпѣлъ, схватилъ колоду понтерокъ, подсѣлъ «семпель» — «пароль» — «на семь кушей къ паролю» — «на пе». — Раздосадованный банкеръ бросилъ карты и отсчиталъ ему пригоршню червонцевъ.

«Господа, кто еще срѣжетъ?»

— Убирайся къ чорту.

—Эка нелегкое принесло! Проваливай братъ! Кто тебѣ станетъ рѣзать? не бось много у тебя выиграешь.

«Ну такъ я вамъ срѣжу».

—Постой голубчикъ: увидятъ тебя здѣсь, такъ зададутъ копати. Ай-да служака! развѣ здѣсь тебѣ мѣсто?

При послѣднихъ словахъ повѣса очнулся. Солнце сѣло, сумракъ спускался, а ему еще надо шесть верстъ ѣхать одному, по мало знакомой дорогѣ и ѣхать съ приказаніемъ на завтрашній день. Пріятель давно не отставалъ отъ игры съ полнымъ карманомъ; смерть не хотѣлось увозить чужихъ денегъ; но дѣлать нечего: со смѣхомъ поблагодарилъ за угощеніе, вскочилъ на коня, помчался по дорогѣ.

Повѣса не успѣлъ проскакать двухъ верстъ, какъ совершенно потемнѣло; принужденъ ѣхать шагомъ; лошадь иногда бросалась въ сторону отъ мертваго тѣла; онъ разглядывалъ, вглядывался въ дорогу. Наконецъ, не смотря на звѣздное небо, такъ стало темно, что только за нѣсколько шаговъ можно было различать предметы; положеніе пріятеля было не завидное: его ждали съ приказаніемъ; онъ могъ сбиться съ дороги, столкнуться съ Турками, кои

послѣ вчерашняго бродили еще по лѣсамъ и кустамъ. Лѣвой рукой держалъ онъ крѣпко повода въ правой заряженный пистолетъ. Дорога его была не что иное, какъ ожиданіе непріятное, ожиданіе темное, сопровождаемое чувствами опасенія отвѣтсгвенности по службѣ и собственной опасности, кои увеличивались мракомъ ночи, мертвыми трупами, отъ коихъ сторонилась лошадь. Пріятель раскаявался, что не оставилъ при себѣ хоть одного казака. Люди взаимно другъ друга ободряютъ и человѣкъ, находясь вмѣстѣ съ другимъ, стыдится изъявлять опасеніе, не желая казаться трусомъ передъ другимъ, стыдится боязливой мысли, не желая быть трусомъ въ собственныхъ глазахъ, особенно когда опасность болѣе воображаемая, чѣмъ дѣйствительная; но одинъ одинехонекъ и въ пустомъ мѣстѣ, человѣкъ, предоставленный самъ себѣ, не находитъ ни опоры, ни ободренія, и воображеніе все показываетъ ему въ черномъ. Г. Каталкинъ въ сіи минуты испытывалъ чувство многихъ людей съ духомъ, кои, безъ товарища, съ отвращеніемъ идутъ ночью на кладбище, гдѣ безделица можетъ испугать ихъ, потрясая нервы, между тѣмъ какъ съ товарищемъ не чувствуютъ ни малѣйшаго безпокойства.

Наконецъ лошадь Каталкина поставила уши на маковки, будто что почуяла; онъ остановилъ ее впереди слышался лошадиный шагъ и звуки человѣческаго голоса. Онъ схватилъ поводья твердой рукой; лошадь стала какъ вкопаная; вынулъ тихо

саблю, взялъ на темлякъ, скрѣпился духомъ, взвелъ курокъ на второй взводъ съ словомъ: «была не была»!... Непріятное положеніе! Чичероне въ этомъ согласился съ своимъ пріятелемъ и очень удивлялся двумъ вещамъ: первое, зачѣмъ ѣхать ночью одному и не остаться метать штоса веселымъ товарищамъ? и второе, для чего, при видѣ опасности, не слѣсть съ лошади и не залечь въ кусты, ожидая, чтó будетъ далѣе. Г. Каталкинъ расхохотался, назвалъ чичероне трусомъ; чичероне находилъ въ семъ одно благоразуміе и хотѣлъ попробовать сей маневръ при первомъ случаѣ передъ обманутыми и взбѣшенными своими читателями, хоть сейчасъ.

Но Каталкину въ то время было не до шутокъ. Онъ находился въ мучительномъ ожиданіи; вытянулся во всю длину; рука, твердо державшая пистолетъ, была опущена; палецъ на спускѣ; шаговъ за осьмнадцать, онъ увидѣлъ двухъ верховыхъ, кои также въ свою очередь его замѣтили, остановились; одинъ отдѣлился, пустился быстро на него съ словомъ «кто тамъ?» У Каталкина отлегло на сердцѣ, слыша Русскія слова. «Свой!» закричалъ онъ поспѣшно наскакавшему казаку и вкладывая въ кобуру пистолетъ.

«Ахъ, это ты, ваше благородіе?»

— Откуда?

«Изъ авангарда. Послали къ твоей милости на встрѣчу: вишь темень, и маяка не отдашь. Ну, знашь ваше благородіе, не отзовись ты въ пору—я бы те съ налета дернулъ.»

— Хорошо, что и ты впередъ окликнулъ; а то и я бы тебя отпотчивалъ порядкомъ. А далеко лагерь?

«Не могимъ знать; а коли сказать примѣрно, да побѣгишь нарочито, то за версту покажется.»

Обрадованный Каталкинъ пустился рысью, поспѣлъ какъ разъ къ ужину, хватилъ водки, наѣлся, напился, закурилъ трубку, и пошли тары да бары. Часовые были разставлены, разъѣзды отправлены какъ и куда слѣдуетъ; никто не раздѣвался; но всѣ улеглись до разсвѣта, съ коимъ должно было идти впередъ.

И такъ, г. Каталкинъ, покойной ночи, пріятнаго сна, пріятной дороги. Желаю вамъ звѣздочекъ и орденовъ, сколько пожелаетъ душа. Ступайте, идите впередъ пожинать лавры; мирный чичероне вашъ не товарищъ. По вашей милости, чичероне зарѣзалъ свою репутацію, зарѣзалъ терпѣніе слушателей; его обвиняютъ въ томъ, что изъ старинныхъ газетъ выкопалъ реляціи, изуродовалъ ихъ и вставилъ въ свой разсказъ, какъ заплатку. По вашей милости, дорогой пріятель чичероне, вынужденъ божиться и увѣрять читателя въ томъ, что

не будетъ болѣе помѣщать ничьихъ походовъ—развѣ въ крайнемъ случаѣ.

Ступайте, г-нъ Каталкинъ, своей дорогой. Мои слушатели не встрѣтятъ васъ болѣе на полѣ чести, развѣ гдѣ нибудь по случаю; но тогда пройдетъ вашъ праздникъ; вы не будете болѣе держать насъ за воротникъ и заставлять слушать по неволѣ. А до тѣхъ поръ, до тѣхъ поръ много времени, и чичероне еще успѣетъ васъ встрѣтить гдѣ нибудь въ траткирѣ, или за игрой, въ шумной пріятельской попойкѣ. И тогда вы, м. г., будете въ рукахъ настоящаго вашего покорнаго слуги, будете плясать по его дуткѣ; ибо чичероне, сбросивъ съ себя обузу разсказа, пахнущаго реляціей, явится кудесникомъ; почеркомъ пера своего, замѣняющаго волшебный жезлъ фокусника, будетъ онъ ворочать людьми какъ шашками, и васъ и ихъ уничтожать по своему произволу, не боясь ни критикъ, ни замѣчаній. Однимъ словомъ будетъ писать отъ скуки собственной—и для скуки читателей, съ тѣмъ чтобы отомстить на публикѣ досаду, которую ощущалъ послѣ покупки и чтенія пошлыхъ увражей, и потомъ изъ-подъ-тишка посмѣяться надъ читателемъ, который вздумаетъ отыскать въ его сказкѣ что нибудь путное.

Однимъ словомъ, г-нъ Каталкинъ, прощайте до ближайшаго трактира!.—

I.

ПРЕДНАЗНАЧЕНІЕ.

Вы слыхали ль въ отдаленіи
Звуки пѣсни родной?
Чтó мечталось вамъ при пѣніи
Соловья въ глуши лѣсной?

Много чувствъ, воспоминанія,
Въ звукахъ тѣхъ сохранено!
Много искръ любви, страданія,
Въ пѣсни той утаено!

Рабъ минутнаго желанія,
И поэтъ, какъ соловей,
Онъ поетъ вамъ безъ сознанія,
Безъ расчетливыхъ затѣй.

---

* Изъ собранія стихотвореній, которое на дняхъ выйдетъ изъ печати.

Изд.

Льется ль струйкой серебристою,
  Водопадомъ-ли гремитъ,
Или молніей огнистою —
  Въ небѣ сумрачномъ горитъ;

Иль летитъ орломъ надъ тучею,
  Вьется ль рѣзвымъ мотылькомъ:
Силой тайной и могучею
  Все куда-то онъ влекомъ.

Безотчетный, безсознательный,
  Самому себѣ тиранъ,
Такъ, пѣвецъ органъ страдательный,
  Бога Вышняго органъ!

Л. Якубовичъ.

II.

УРАЛЪ И КАВКАЗЪ.

Заспорили горы Уралъ и Кавказъ?
И молвилъ Уралъ: «міръ вѣдаетъ насъ!
Богатъ я и златомъ, богатъ серебромъ,
Алмазомъ и яшмой, и всякимъ добромъ;
Изъ нѣдръ моихъ много сокровищь добыто,
И много сокровищь покуда въ нихъ скрыто!
Богатую подать я людямъ плачу:
Я жизнь ихъ лелѣю, сребрю, золочу!
Кавказу ль досталось равняться со мной:
Онъ нищій, и кроетъ онъ нищихъ разбой!»
—Молчи ты, презрѣнный!—воскликнулъ Кавказъ.
Я врачь, правовѣрный; міръ вѣдаетъ насъ!
Богатства рождаютъ болѣзни, пороки,
Людей исцѣляютъ Кавказскіе токи;

Я жителей дольнихъ, недужныхъ цѣлю;
Я жителей горныхъ, могучихъ люблю:
Другимъ я приволье и жизнь сохраняю;
Я въ древности первый далъ Ною пріютъ *:
За то меня знаютъ, и любятъ, и чтутъ!

Л. Якубовичъ.

---

* Горскіе народы говорятъ, что святой ковчегъ остановился сначала на вершинѣ Эльборуса, и уже послѣ того отплылъ къ Арарату (*Клапротъ.*)

III.

ПОДРАЖАНІЕ СААДИ.

Молвилъ я однажды другу:
Сдѣлай мнѣ одну услугу,
Приложи къ устамъ печать,
Научи меня молчать;
И добро и зло бываетъ
Въ разговорахъ нашихъ сплошь,
Врагъ все злое замѣчаетъ,
Отъ злорѣчья какъ уйдешь? —

«Другъ!» замѣтилъ мнѣ пріятель,
«Терпитъ злыхъ и самъ Создатель!
Любишь медъ — люби и сотъ;
Изъ враговъ же лучшій тотъ,
Кто добра не примѣчаетъ,
Видя въ насъ одинъ порокъ:
Чрезъ него-то получаетъ
Человѣкъ прямой урокъ!»

Л. Якубовичъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Одно стихотвореніе, напечатнное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща, и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбѣжные уроны, предоставя своему безсмертному преемнику славу отпора, побѣдъ и полнаго торжества. Я не могъ подумать, чтобы тутъ можно было увидѣть намѣреніе оскорбить чувство народной гордости и стараніе унизить священную славу Кутузова; однакожь меня въ томъ обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятью о величайшемъ событіи новѣйшей исторіи. Его титло: спаситель Россіи; его памятникъ: скала Святой Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы Русскіе, что оно звучитъ Русскимъ звукомъ?

И могъ ли Барклай-де-Толли совершить имъ начатое поприще? Могъ ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, *гдѣ равенъ былъ неравный споръ*, отдать Москву Наполеону и стать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарутинскихъ? Нѣтъ! (Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія.) Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю, одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарищѣ Москвы, и выжидая роковой минуты: ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Неужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели послѣ двадцати-пяти-лѣтняго безмолвія, поэзіи не позволено произнести его имени съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ, но кѣмъ и когда?... Конечно не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось во-

все не таковымъ: не только роопталъ народъ ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злорѣчіемъ, но убѣжденный въ самого себя, молча идущій къ сокровенной цѣли и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, останется навсегда въ исторіи высоко поэтическимъ лицемъ.

Слава Кутузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чей бы то нибыло; а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвысить, ни унизить того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на ту степень, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ, соотечественники мои могли подозрѣвать низкую и преступную сатиру—на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно недостойные великой тѣни, но искренніе и изліянные изъ души.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой . . .
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ Русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ—и спасъ ... и проч.

А. Пушкинъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Спѣшимъ увѣдомить публику, что въ началѣ будущаго 1837 года выйдетъ въ свѣтъ: *Старина и Новизна, Историческій и Литтературный Сборникъ*, изданный К. Вяземскимъ.

Въ сей книгѣ будутъ помѣщены многіе любопытные матеріалы, относящіеся до исторіи нашей, извлеченные изъ бумагъ графа Ивана Захаровича Чернышева, подаренныхъ издателю сыномъ его графомъ Григорьемъ Ивановичемъ. Между прочими статьями упомянемъ о письмахъ и рескриптахъ Царевича Алексѣя Петровича, Екатерины II, графа Чернышева, объ анекдотѣ о принцѣ Биронѣ и проч. и проч., почерпнутыхъ изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ. Будутъ еще письма Екатерины II къ вице-адмиралу принцу Нассау-Зигену, отрывокъ изъ собственноручныхъ записокъ графа

Растопчина, воспоминаніе о графѣ Каподистріи и нѣкоторыхъ современныхъ ему происшествіяхъ. Литтературное отдѣленіе будетъ также разнообразно и составлено изъ отрывковъ изъ собственноручныхъ записокъ Ив. Ив. Дмитріева, нѣсколькихъ писемъ Карамзина, изъ повѣстей, разныхъ стихотвореній, писемъ о современной Русской Литтературѣ, нѣсколькихъ главъ изъ біографическихъ и литтературныхъ записокъ о фон-Визинѣ и временахъ его, извѣстія о первыхъ трехъ пѣсняхъ «Потеряннаго Рая», съ Англійскаго прозою на Русскій языкъ переведенныхъ нашимъ поэтомъ Петровымъ и ненапечатанныхъ въ собраніи твореній его, и проч. и проч. Въ концѣ книги будутъ помѣщены разные снимки съ рукописей, вошедшихъ въ составъ Сборника.

НОВЫЯ КНИГИ.

ВЫШЕДШІЯ СЪ ОТКЯБРЯ МѢСЯЦА 1836 ГОДА.

Расказы о походахъ 1812 и 1813 годовъ прапорщика Санктпетербургскаго ополченія. Сочиненіе Р. Зотова, С. П. Б.

* Торквато Тассо, драматическая фантазія въ пяти актахъ съ интермедіей, въ стихахъ. Соч. Н. К. Писана въ 1830 и 1831 годахъ. Изданіе второе, дополненное С. П. Б.

Описаніе похода во Францію въ 1814 году. А. Михайловскаго-Данилевскаго. Съ 23 планами. 2 ч. С. П. Б.

Паденіе Шуйскихъ, или времена бѣдствій Россіи. Историческій Романъ XVII вѣка. А. Кислова. Въ 3-хъ ч. С. П. Б.

Таинственная, или Кавказское мщеніе. Фантастическая повѣсть, основанная на преданіяхъ Кавказскихъ Горцевъ. Въ 4-хъ частяхъ. С. П. Б.

Адель. Повѣсть въ письмахъ С. П. Б.

* Жизнь Напалеона Бонопарте, императора Французовъ. Соч. Сира Валтеръ-Скотта. Перевелъ съ Англійскаго С. де Шаплетъ. Томъ Первый. Часть: 1, 2, 3 и 4. С. П. Б.

* Обозрѣніе главнѣйшихъ дѣйствій генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго противъ Турокъ въ Азіи. Сочиненіе генерала Валентини. Переводъ полковника Лахмана. С. П. Б.

* Странствованіе Телемака, сына Улиссова. Соч. Фенелона. Переводъ, пересмотрѣнный А. Очкинымъ. Въ 2-хъ частяхъ С. П. Б.

Лексиконъ городскаго и сельскаго хозяйства, составленный Иваномъ Двигубскимъ. Вышедшіе 4 тома при подпискѣ раздаются, а на остальные 8 томовъ выдается билетъ. М.

Амиранте Кастильскій. Историческій романъ. Соч. Герцогини д'Абрантесъ. Переводъ съ Французс. 4 ч. М.

Прогулка съ дѣтьми по земному шару. Виктора Бурьянова. Изданіе второе., исправленное. С. П. Б.

* Кавалеристъ,—дѣвица, происшествіе въ Россіи, въ 2 част. Издалъ Иванъ Бутовскій С. П. Б. При подпискѣ 1 ч. выдается, а на 2 билетъ.

Подъ симъ заглавіемъ вышелъ въ свѣтъ первый томъ записокъ Н. А. Дуровой. Читатели «Современника» видѣли уже отрывки изъ этой книги. Они оцѣнили безъ сомнѣнія прелесть этого искренняго и небрежнаго разсказа, столь далекаго отъ авторскихъ притязаній, и простоту, съ которою пылкая героиня описываетъ самыя необыкновенныя происшествія. Въ семъ первомъ томѣ описаны дѣтскія лѣта, первая молодость и первые походы Надежды Андреевны. Ожидаемъ появленія послѣдняго тома, дабы подробнѣе разобрать книгу, замѣчательную по всѣмъ отношеніямъ.

Книжка—Малютка, для милыхъ малютокъ. Издалъ Өедоръ Инокъ. С. П. Б.

* Основное начертаніе общей и частной физіологіи или физики органическаго мира, соч. Даніиломъ Велланскимъ. С. П. Б.

* Очеркъ исторіи города Кіева, составленный Н. Закревскимъ. Ревель.

Руководство для родителей, желающихъ опредѣлить дѣтей своихъ въ военно-учебныя заведенія. С. П. Б.

Нумерація домовъ въ С. Петербургѣ, съ планомъ. С. П. Б.

Святаго Отца нашего Іоана Златоустаго архіепископа Константинопольскаго, слова о священствѣ. Переведено съ Греческаго священникомъ Магистромъ Іоанномъ Колоколовымъ. С. П. Б.

Слова и рѣчи, на разные дни и случаи говоренныя Павломъ Соколовымъ. Ярославль.

* Стихотворенія Виктора Теплякова. Часть 2-я С. П. Б.

Библіотека избранныхъ романовъ, повѣстей и любопытнѣйшихъ путешествій, въ 24 томахъ изданіе Н. Н. Глазунова и комп. Москва. При подпискѣ 4 тома раздаются, а на послѣдніе билетъ.

Мѣльникъ и дочь его, или полночь на кладбищѣ, драма въ 5 дѣйствіяхъ; пер. съ Нѣмецкаго. С. П. Б.

Братъ Вечеславъ, или подземелье близъ Касимова, повѣсть XVI столѣтія, соч. А. А. Павлова 2 ч. М.

Елена Волхова древняя Русская повѣсть, соч. А. А. Павлова 2 ч. М.

Панъ Ягожинскій, отступникъ и мститель, романъ, взятый изъ древнихъ Польскихъ преданій А. П.—мъ, въ 3 част. М.

Игра Судьбы, или отецъ по неволѣ; соч. А

Е.—р—ва. Быль не быль, а почти-что правда, повѣсть нашихъ временъ М.

Сочиненія Ѳаддея Булгарина въ трехъ частяхъ. С. П. Б.

Практическій домашній лечебникъ, или врачебныя наставленія, руководствующія къ леченію болѣзней простыми домашними и испытанными средствами, безъ помощи врача, въ пользу помѣщиковъ и живущихъ въ деревняхъ составленный по собственнымъ запискамъ, наблюденіямъ, опытамъ и лучшимъ сочиненіямъ штабъ-лекаремъ Н. Коропчевскимъ. 2 ч. М.

* Босфоръ и новые очерки Константинополя, соч. К. Базили. Съ русунками изъ альбомовъ К. Брюлова, въ 2 ч. С. П. Б.

Гостиная леди Бетти, Англійскіе нравы, соч. г-на де Бордъ Вальморъ; переводъ Н. Д, въ 3 ч. С. П Б.

Сумасшедшій, или желтый домъ. Нравственно-сатирическій романъ XIX вѣка. Въ 2 ч. М. 1836 г.

Черепъ, повѣсть. Сочиненіе Дмитрія Хрусталева, 2 ч. М.

Записки Сильвіо Пеллико Саллуцкаго, съ Италіанскаго. Съ прибавленіемъ біографическаго введенія А. де. Латура и дополненіемъ историче-

скихъ замѣчаній П. Марончелли. Переводъ съ Французскаго, актера Баранова 2 ч. М.

Касимовскія повѣсти и преданія. Пис. А. А Павловымъ 4 ч. М.

Ключь къ Исторіи Государства Россійскаго Н. М. Карамзина 2 ч. М.

Издавъ сіи два тома, Г. Строевъ оказалъ болѣе пользы Русской исторіи, нежели всѣ наши историки съ высшими взглядами, вмѣстѣ взятые. Тѣ изъ нихъ, которые не суть еще закоренѣлые верхогляды, принуждены будутъ въ томъ сознаться. Г. Строевъ облегчилъ до невѣроятной степени изученіе Русской исторіи. «*Ключь* составленъ по *второму* изданію» Исторіи Государства Россійскаго », *самому полному и исправному*», пишетъ Г. Строевъ. Издатели «Исторіи Государства Россійскаго » должны будутъ поскорѣе пріобрѣсти право на перепечатаніе «Ключа» необходимаго дополненія къ безсмертной книгѣ Карамзина.

* Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи. Отдѣленіе 1-е, томъ 1-й. Иждивеніемъ М. Калистратова, трудами В. Семенова. С. П. Б.

* О заблужденіяхъ и предразсудкахъ, господствующихъ въ различныхъ сословіяхъ общества. Соч. І. Б. Сальга, переводъ съ четвертаго изданія. 2 ч. С. П. Б.

Андреа, Историческій романъ, въ двухъ частяхъ, Соч. Рейдюсіеля, перевелъ съ французскаго И. М.-нъ. М.

Способъ носить сапоги и другую обувь гораздо долѣе, чѣмъ носятся обыкновенно; съ присовокупленіемъ наставленія, какъ дѣлать мазь для смазыванія кожи; Джамеса Гартлея; перевод. съ Англійскаго. М.

Основанія риторики и піитики по новой и простой системѣ Аурбахера. Издано А. Зиновьевымъ въ 2 ч. М.

Карманный Словарь съ Французскаго на Русскій языкъ и обратно, составленный Е. Ольдекопомъ. Томъ 1. С. П. Б.

Вспомогательная книга для помѣщиковъ и сельскихъ хозяевъ. Соч. В. Крейсига. Перев. съ Нѣмецкаго и дополн. примѣчаніями С. Усовымъ. С. П. Б.

Суворовъ и Станціонной Смотритель, драматическій анекдотъ, соч Ершова. С. П. Б.

Русскій Декамеронъ, соч. Иванова въ 1832 г. С. П. Б.

Конецъ четвертаго тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

Стихотворенія.

Проза.